

Ури Дан

ОПЕРАЦИЯ
ЭНТЕББЕ

Ури Дан

ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ

70

Ури Дан

ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ



ИОНАТАН НЕТАНИЯХУ

Ури Дан

**ОПЕРАЦИЯ
ЭНТЕББЕ**



БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

1990

אורי דן
מבצע אנטבה

Uri Dan
THE ENTEBBE OPERATION

Перевела *Лидия Варшавская*
Редактор *Руфь Зернова*

Издание 3-е

ISBN 965-320-104-2

© כל הזכויות שמורות
למכון תרבות יהודית
במרכז תרבות לעיריית חיפה
בית ארדטטיין ספרייה
מס. מלאי.....

All rights reserved

450

כל הזכויות שמורות
לספריית-עליה
ת.ד. 4140 ירושלים
יצא לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

OCR Давид Титиевский, июнь 2020 г., Хайфа

מבדורה שלישית

הספרייה של הפורום
חיפה • חיפה •
BIBLIOTEKA • CHONMOTENON
Printed in Israel
ΦΟΡΥΜΑ • ΧΑΪΦΑ •

2792

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды, во время моего пребывания в Америке я посетил еврейскую общину Атланты (штат Джорджия). Наш генеральный консул передал мне, что губернатор, человек в то время мало кому известный за пределами своего штата, хотел бы встретиться со мной.

В воскресенье, во второй половине дня, мы отправились на расположенный неподалеку от Атланты завод "Локхид", выпускающий гигантские транспортные самолеты "Геркулес". Войдя внутрь одного из самолетов, я почувствовал себя Ионой во чреве Левиафана.

С завода мы поехали к губернатору, который оказался очень приятным человеком средних лет. Это был Джимми Картер.

В течение двух часов он расспрашивал нас об Израиле, а в конце беседы я преподнес ему в подарок свою книгу "Праца Давида". Картер полистал книгу и сказал, что современному Давиду не обойтись одной пращей. Соотношение сил между Давидом и Голиафом в наши дни, возможно, и не изменилось, сказал он, — изменились расстояния и высоты. Чтобы выйти победителем в конфликте с нынешним Голиафом, Давиду нужен "Геркулес".

Мы приобрели "Геркулесы", и в субботу, 4 июля 1976 года, в день двухсотой годовщины независимости Соединенных Штатов, они разогрели свои моторы на военном аэродроме где-то в центре Израиля. В самолетах сидели пилоты, парашютисты, бойцы бригады "Голани", врачи, санитары, связисты — лучшие из лучших сынов Израиля. Еще немного — и они вылетят навстречу неизвестности, за четыре тысячи километров от до-

ма, чтобы освободить восемьдесят евреев, взятых террористами в качестве заложников на самолете "Эр-Франс", пилот которого был вынужден приземлиться в Энтеббе.

Я уже отдал распоряжение самолетам вылететь в Шарм-аш-Шейх*. Дальнейший план действий должен был быть утвержден правительством в течение ближайших часов.

Это было отнюдь не легкое решение.

Если операция не удастся — жизнь людей окажется в опасности. Престижу Цахала будет нанесен серьезный ущерб.

Но даже если она и будет развиваться успешно — террористы могут перестрелять пассажиров, а наши солдаты столкнутся лицом к лицу с опасностью.

Вся операция может провалиться из-за какой-нибудь технической неполадки. Будущее было покрыто "туманом неизвестности".

В моем дневнике осталась запись того, что я сказал в тот день своим коллегам — министрам и командирам:

"За что мы боремся? Государство борется и за нечто, казалось бы, неосязаемое — за право гордиться собой. Если Израиль сдастся сейчас, он предстанет перед всем миром как государство вялое, слабое, неспособное принять смелое решение. Уверенность врага в нашей силе, в нашей готовности бороться с террором будет поколеблена. Облику Израиля в глазах всего мира будет нанесен ущерб. Мы не раз решались подвергнуть опасности жизнь людей, когда была хоть малейшая надежда спасти беззащитных. Мы призывали весь мир бороться с террором, даже если это связано с опасностью.

Террористы провели "селекцию" — отделили израильтян от неизраильтян. Снова немцы — с пистолетами

* Шарм-аш-Шейх — южная оконечность Синая.

в руках приказывают евреям шагнуть навстречу смерти. Но теперь у нас есть государство. Успех никто не может гарантировать. Но если мы не сделаем сейчас попытки спасти людей, мы упустим единственный имеющийся у нас шанс.

Если же операция пройдет успешно — а я верю, что так именно и будет, — это резко изменит настроение в Израиле и среди всего еврейского народа, а в исторической перспективе это изменит отношение мира к проблеме нашего существования.

Но главное — евреи будут спасены евреями же. Потому что существует еврейское государство, способное изменить еврейскую участь”.

Самолеты получили приказ вылететь из Шарм-аш-Шейха в Энтеббе.

“Геркулесы” поднялись в воздух. В них сидели сейчас десятки отчаянных сынов Давида. Они принесли избавление своим братьям.

“Операция Энтеббе” была единственной в своем роде во всей военной истории. Она доказала, что Израиль в состоянии защитить не только свои границы, но и своих сыновей. Перед лицом террора, нашедшего союзника в лице президента Уганды, на расстоянии более чем четырех тысяч километров от дома, в течение нескольких коротких часов была защищена честь еврейского народа и, в сущности, честь всех свободных людей во всем мире.

*(Из речи, произнесенной на могиле
Ионатана Нетанияху)*

Операция эта была сопряжена с серьезным риском. Но риск, заключенный в отступлении перед террором и шантажом, в демонстрации собственной слабости, был гораздо страшнее. Выбор был сделан правильно.

Самой тяжелой минутой этой героической ночи была та, когда пришло известие о гибели Ионатана

Нетанияху — одного из самых талантливых командиров Цахала, одного из самых отважных воинов, одного из лучших сынов Израиля.

Я видел Иони за несколько дней до его гибели. Он готовился к выполнению другой операции. Спокойный, как всегда, стоял он среди своих людей. Для него не существовало понятия дня и ночи — в любую минуту он готов был ринуться в бой и отвести опасность от наших границ. Каких только заданий не возлагали мы на плечи Ионатана и его солдат?! Они выполняли тяжелейшие из задач Цахала, самые отчаянные из всех операций — вдали от дома, в самом логове врага; среди ночного мрака и одиночества, лицом к лицу с неизвестностью и нескончаемыми опасностями, как в мирные дни, так и во время войны.

Бывает, что от горстки воинов-добровольцев зависит судьба всей нации — и они должны принять единственно верное решение, им некого спросить, не к кому обратиться, командир на поле боя сам решает судьбу сражения.

Главной целью "операции Энтеббе" было вызволить — израильскими силами — пассажиров, которых арабы и немцы сделали заложниками по одной единственной причине — из-за того, что они евреи и израильтяне.

Иони был командиром подразделения, на которое была возложена задача освобождения и спасения заложников.

Он погиб в расцвете лет, на "идеальном для командира месте" — на месте "самом опасном, самом важном, решающем". Иони — один из тех бесстрашных и самоотверженных представителей молодого поколения страны, благодаря которым Израиль стал именно тем, чем он в действительности является.

Отец Иони — историк и философ; его дед известен как автор важных трудов по исследованию Танаха. В иных обстоятельствах Иони, следуя древней тради-

ции еврейского народа, наверняка пошел бы по стопам отца и деда. Но он не стал ни ученым, ни поэтом – он был солдатом. Великий дух еврейства жил в нем, преломившись по-новому и обретя новую сущность.

В одном из своих писем Иони говорит: “Путь мой пройдет по цветущей земле, по скалистым горам, по пустыням и среди садов, и из всего этого сложится та тропа, которая известна и загадочна одновременно”.

Скорбь, охватившая народ Израиля при известии о гибели Иони, была столь же глубока, как и радость, вызванная успешным завершением операции “Энтеббе”, операции, в ходе которой Иони возглавлял атаку, операции, доказавшей наше право жить с высоко поднятой головой.

Шимон Перес
(бывший мин. обороны Израиля)

ВСТУПЛЕНИЕ

В первый час воскресенья 4 июля 1976 года самолеты ударного отряда вырвались из самого сердца Африки, унося с собой более сотни заложников, которых держал в плену черный диктатор.

Операция "Молния" ударила по международному терроризму за 2500 миль от Израиля; это была блестящая 90-минутная битва, проведенная израильскими десантниками.

В это время американцы начинали празднование 200-й годовщины Дня независимости Америки. Сенсационное известие было получено в Вашингтоне с помощью чутких электронных ушей Управления национальной безопасности. Передатчики подслушали короткие радиопереговоры между израильскими отрядами, сражавшимися в Уганде — одной из последних британских колоний, получивших независимость.

Сообщениями на иврите обменивались армейские джипы, пехота, четыре гигантских транспортных самолета "Геркулес", два "Боинга-707" и черный "Мерседес", якобы принадлежавший (хотя на самом деле это было не так) президенту Иди Амину Дада, которого иногда с мрачным юмором называют Большой Папа.

На борту одного из "Боингов", круживших на высоте пяти миль над Энтеббе, находился полевой штаб операции во главе с начальником Военно-воздушных сил Израиля.

Не все из происходившего в Уганде было сразу же понято в Вашингтоне. Переводчикам из УНБ Уганда казалась далекой, как Луна; и действительно, это африканское государство больше известно своими Лунными горами, чем какой-либо ролью в мировой политике.

Однако для государственного секретаря Киссинджера полученное сообщение было понятно. За несколько

минут перед тем его предупредили, что израильский штурмовой отряд в количестве около 500 солдат и летчиков пролетел над Красным морем, вдоль границ враждебных арабских государств, миновав по пути радарные станции, построенные русскими, пролетел над частью Африки и приземлился в Энтеббе.

Израиль сообщил США о беспрецедентной военной операции только в последнюю минуту. Маленькая группа людей в Иерусалиме взяла на себя всю ответственность за происходящее. В течение недели она боролась с кризисом, который должен был бы вызвать реакцию других правительств, но не вызвал; с кризисом, для выхода из которого не было ни готовых ответов, ни предварительного опыта, ни идеального решения.

Послы Израиля информировали о случившемся Киссинджера и других министров иностранных дел, чтобы предотвратить военную тревогу. Они сделали это по получении единственного зашифрованного сообщения, переданного из Иерусалима в различные районы мира; и сделали это в последний момент, так что ни одно государство уже не имело времени ни вмешаться, ни протестовать.

Этот кризис, который Израиль встретил в одиночестве, возродил горчайшие воспоминания о других трагедиях, когда евреи точно так же были предоставлены своей судьбе. Но сами израильтяне об этом не говорили. Когда мы занимались восстановлением цепи событий, приведших к 90 минутам в Энтеббе, никто не упоминал о Катастрофе*, погромах или инквизиции. Никто из солдат, летчиков, политиков или государственных деятелей не делал никаких сравнений. Факты говорили сами за себя. Когда министр обороны Шимон Перес рассказывал об отчаянных и безуспешных усилиях, которые он предпринимал, чтобы заручиться меж-

* Катастрофа – гибель восточноевропейского еврейства во время Второй мировой войны.

дународной поддержкой, он никого не осуждал. Когда начальник генерального штаба Мордехай Гур внезапно уронил голову на руки, обнаружив этим, до какой степени он устал, в этом движении было и чувство облегчения оттого, что евреи все еще могут рассчитывать на единственного верного защитника — Государство Израиль.

И операция "Молния" это доказала. Она еще раз подтвердила необходимость существования Израйля, без которого заложники в Энтеббе были бы убиты или стали бы пешками в новом виде партизанской войны, ставящей себе целью разрушение существующих норм общественной морали. Все заложники были евреями. И ни одно правительство в мире не желало спасти их путем военного вмешательства.

Однако операция "Молния" явилась поворотным пунктом в отношении мирового общественного мнения к новым методам террора. В течение многих лет мы настолько привыкли к шантажу и анархии, что похищение самолета авиакомпании "Эр Франс" на пути из Афин в Париж почти никого не поразило. Рейс "139" начался в Тель-Авиве в воскресное утро 27 июня. В это самое время люди, которые провели всю последующую неделю в бессонном напряжении, занимались своими будничными делами. Среди них были солдаты, работающие на гражданских предприятиях, пилоты, студенты университетов, политики, увлекающиеся философией или археологией. Человек, застреливший главаря террористов в Энтеббе, в то воскресное утро находился в квартале художников в Цфате, обсуждая скульптуры со своим школьным товарищем.

Прошло совсем немного времени после похищения, а рейс "139" уже не занимал умы читателей газет. Только те, у кого на этом самолете были родственники, да израильтяне, которые восприняли случившееся как еще один вызов их праву на существование, продолжа-

ли о нем думать. Но для тех, кто, не будучи евреем, исповедует те же моральные нормы, судьба рейса "139" имела огромное значение.

В истории рейса "139" было много странного. Похитители следовали тщательно разработанному плану. Они были радушно приняты президентом Уганды — первый случай, когда современная нация и ее руководитель стали защитниками бандитов и политических шантажистов. Их поддерживала международная террористическая организация, штаб-квартира которой находится на территории стратегического партнера СССР в Африке — Сомали. Фактически они развязали необъявленную войну против Кении, которая решительно противостояла влиянию агентов советского блока и Китая.

Террористов возглавляли немец и немка, чье поведение живо напомнило одному из заложников, с вытатуированным на руке номером концлагеря, о временах нацизма. Имя Шакала, убийцы с широкими международными связями, возникало снова и снова. Шакал не выдуманный злодей. Он наемный убийца, работающий на террористов, скрывающихся в подполье. Они вели переговоры с Государством Израиль с высокомерием людей, чувствующих за собой могущественную поддержку. Одним из их покровителей была Ливия, где рейс "139" приземлялся для заправки, Ливия, которая перевела и продолжает переводить часть своих баснословных нефтяных прибылей партизанским группам: 50 миллионов долларов — революционерам в Ливане, 100 миллионов долларов — "Черному Сентябрю", террористическому крылу Аль Фатха, и еще миллионы — таким мастерам поджогов и убийств, как "Ангелы смерти" в Эритрее. Все эти названия почти ничего не говорят большинству людей — пока не станет слишком поздно... Они значили очень мало — или не значили вовсе ничего — для пассажиров рейса "139", которые должны были быть обменены на

заключенных террористов. Обмен, ставший таким привычным, что многие воспринимают его как норму.

Но в Израиле этот порядок все еще не считается нормой. "Мы воспринимали пассажиров рейса "139" как солдат на фронте", — говорили эксперты по борьбе с терроризмом. Их сердца обливались кровью, даже когда они просто говорили это. Перед ними на одной чаше весов лежало несколько жизней, на другой — судьба нации и народа. Все, кто знаком с Израилем, знают, какую боль мы испытываем при потере даже одной-единственной жизни. Но Израиль в отличие от большинства государств ясно видит страшное будущее, которое несет с собой международный терроризм.

Таким образом, борьба за освобождение пассажиров рейса "139" была битвой против изощенной безжалостности тех, кто стоит за спиной профессиональных убийц типа Шакала. Они научились запугивать демократические общества. Их поражение в Энтеббе, несмотря на всю сенсационность, только промежуточный эпизод. Но операция "Молния" доказала, что в мире еще есть люди, у которых хватает мужества сражаться с терроризмом. Эта операция вызвала сочувственный отклик у простых людей, который подтвердил, что общественное мнение далеко опередило правительства в своем желании бороться против новой опасности.

Ободряющая сторона триумфа в Энтеббе состоит в том, что он явился результатом сотрудничества между разными людьми во многих частях Африки и западного мира.

И, возможно, в этом все дело. Несмотря на то, что правительства и государственные деятели отвернулись от этой акции, многие помогали Израилю неофициальными путями.

"Мужество тех, кто сражался в Энтеббе, — сказал один из высших чиновников Израиля, — было дополнено смелостью и осведомленностью наших контрразведчиков и их друзей во многих частях света".

ГДЕ РЕЙС "139"?

В воскресенье 27 июня 1976 года в 6.17 утра в транзитный зал афинского аэропорта вошла женщина в темной джинсовой юбке и голубой блузке, в туфлях без каблуков. Глаза ее были слегка воспалены, на лице виднелись следы от выдавленных угрей. На вид ей не было и тридцати лет. Она молча встала рядом с прилично одетым молодым человеком, прилетевшим вместе с ней на борту сингапурского лайнера рейсом "763" из Бахрейна. Пара была зарегистрирована как миссис Ортега и мистер Гарсиа.

На некотором расстоянии от них держались молодые люди с арабскими паспортами, вышедшие из того же самолета. Они тоже взяли билеты на рейс "139" авиакомпании "Эр Франс" Тель-Авив — Париж. Значились они под именами Фахим аль-Сатти и Хосни Альбу Вайки.

В Афинах в этот день безопасность практически не обеспечивал никто: происходила забастовка наземного персонала, и поэтому полиция не затруднила себя даже элементарным контролем. Время, выбранное для забастовки, приобрело для пассажиров рейса "139" особое значение, как и наблюдения одного из блюстителей порядка, который, кажется, был единственным, кто не спал в афинском аэропорту в то роковое утро. Его детальное описание обеих пар позднее помогло выяснить, что под именем миссис Ортега скрывалась Габриэль Крош-Тидеманн, 24-летняя террористка, принимавшая участие в похищении министров на встрече стран ОПЕК в Вене в декабре 1975 года, любовница немца, по-

гибшего ранее при взрыве собственной бомбы в тель-авивском аэропорту. Габриэль прежде жила с Карлосом — Шакалом, всемирно известным террористом. Ее нынешний спутник-немец был членом группы Бадер-Майнхоф.

Один из арабов позднее тоже был опознан. Он оказался основателем террористического Народного Фронта Освобождения Палестины (НФОП), планировавшего боевые операции.

Четверо пассажиров вступили на борт самолета рейса "139", не пройдя сквозь контрольные турникеты, проверяющие наличие металлических предметов. Их багаж не был досмотрен. В самолете они разделились. Один из арабов сел рядом с Моше Перецом, 26-летним студентом-медиком из Израиля. Перец, аккуратный молодой человек, начал вести нечто вроде дневника на обратной стороне своего билета. По мере того, как время шло и это стало опасным занятием, характер его заметок изменялся. Они начались с записи, которую, как думал Перец, будет забавно когда-нибудь подклеить в альбом. Они превратились под конец в лихорадочные ивритские закорючки на гигиенических пакетах, проспектах, салфетках, которых становилось все больше и больше. Ровно неделю и три часа спустя в том же месте, где они начались — в Тель-Авиве, они были прерваны.

Воскресенье, июнь, 27. Афины. 11.00

12.10. Через несколько минут после взлета вдруг слышу ужасный крик. Сначала я подумал, что кто-то упал в обморок. Вижу, двое бросаются вперед. Один — длинноволосый парень в красной рубашке, серых брюках и бежевом пуловере. Другой — усатый, в длинных брюках и желтой рубашке. Они бегут в отделение первого класса.

12.12. Перепуганные до смерти стюардессы появляются из отделения первого класса; у них трясутся ру-

ки, но они все же пытаются успокоить пассажиров, начинающих волноваться.

Через минуту слышим по радио возбужденный женский голос. По-английски, с иностранным акцентом он сообщает нам, что самолет находится под контролем "группы Че Гевары" и "батальона Газы" НФОП. Когда я слышу "Че Гевара", мне становится страшно — боюсь, что им ничего не стоит взорвать самолет в воздухе. Истерический голос по громкоговорителю выкрикивает, что все пассажиры должны поднять руки вверх и не двигаться. У входа в отделение первого класса встают два террориста, держа в руках пистолеты и гранаты без предохранителей. Они начинают личный обыск пассажиров: вызывают по очереди и ощупывают все тело. Потом обыск становится менее тщательным. Объявляют, что все, имеющие оружие, должны сдать его немедленно. Несколько пассажиров отдают ножи и вилки. Меня тоже вызывают и кое-как обыскивают. Все это продолжается до 15 часов.

15.00. Понятия не имею, где мы летим. Внезапно в поле зрения появляется берег, бесплодная земля и одна-единственная посадочная полоса. Думаем, что это Бенгази. Самолет долго кружит перед приземлением. Затем главарь террористов в красной рубашке говорит, что мы действительно сели в Бенгази. Он говорит, что у самолета теперь новый командир — Базин эль Нубази, вождь "Газы". Самолет, говорит он, будет отзываться только на пароль "Хайфа". Ждем два часа. Они в это время ставят круглую банку с торчащим из нее предохранителем возле левого входа самолета и квадратную — возле правого. Банки умещаются в руке, весят, по-видимому, не более 200 г. Террорист в желтой рубашке говорит, что двери обложены взрывчаткой. Честно говоря, банки не кажутся такими уж страшными.

17.00. Одной из женщин, которая говорит, что ей плохо, позволяют выйти из самолета.

17.15. Террористы начали сбор паспортов. Они укладывают их в нейлоновый мешок. Отдаю паспорт, армейскую карточку, водительские права, — словом, все свои документы. Они пригрозили, что тот, кто не сдаст все документы, понесет суровое наказание. Они говорят по-английски, а одна из стюардесс переводит на французский. Атмосфера в самолете спокойная.

18.00. Одна из женщин падает в обморок, и доктор, из пассажиров, оказывает ей первую помощь. Мы все еще сидим здесь, выглядывая из окон. Унылая земля, четверо скучающих солдат сидят на посадочной полосе, неподалеку — несколько пожарных машин.

19.15. Ужин холодный, но неплохой; стюардессы приносят баночки с соком с надписями по-арабски. Тем временем я вижу светловолосого террориста и немку. Она из тех, кто действует быстро. Желаящий пойти в туалет поднимает вверх палец, и она выкрикивает разрешение. Один раз, когда двое поднялись одновременно, она разоралась, как дикий зверь.

19.25. "Командир" (немец) объявляет нам, что сожалеет о причиненных неудобствах, и обещает, что мы взлетим, как только будет возможно.

21.35. Наконец мы в воздухе. Невероятно. После шести с половиной часов на земле. Обращение с нами довольно хорошее. Но куда мы летим? В Дамаск? В Багдад? В Тель-Авив? Или в Париж? Мы свободно разговариваем, но не знаем ни места нашего назначения, ни требований наших похитителей.

23.00. Пробуждаюсь от дремоты. Очень холодно. Накрываюсь израильскими газетами.

Рейс "139" замолчал вскоре после вылета самолета из Афин. Потеря связи не вызвала особенной тревоги у греческих диспетчеров. Зато в Израиле внезапное молчание авиалайнера ознаменовало начало бурной недели (с воскресенья 27 июня по воскресенье 4 июля), которая обозначена теперь в архивах израильской раз-

ведки словом "Молния" и окружена беспрецедентной секретностью.

Внезапное исчезновение рейса "139" было зарегистрировано специальной разведывательной службой Израиля, не имеющей себе равных. Прослушивая эфир мощными электронными приборами, а также применяя некоторые другие методы, эта служба следит за полетами по совершенно особым причинам. Ее задача — предотвратить изоляцию и последующее разрушение Израиля. В сферу ее деятельности входит также обеспечение безопасности высокопоставленных гостей, приезжающих в страну, и выслеживание убийц, которые хотят превратить Израиль в осажденное гетто и уничтожить его, когда это будет удобно.

"Рейс "139" с большим числом израильтян на борту либо потерпел катастрофу, либо захвачен террористами, — гласило первое донесение. — Исчезнувший самолет авиакомпании "Эр Франс" вылетел из аэропорта имени Бен-Гуриона (Тель-Авив) около 9 утра..."

Это сообщение было получено в кабинете министров во время очередного еженедельного воскресного заседания. Министр транспорта Гад Яакоби, 42-летний экономист, передал его премьер-министру Ицхаку Рабину. Было 13 час. 30 мин; связь с рейсом "139", приземлявшимся для заправки в Афинах, прервалась всего несколько минут назад.

Премьер-министр Рабин, генерал в отставке, бывший начальник генерального штаба Израиля, сказал Яакоби, начавшему службу солдатом и дослужившемуся до младшего лейтенанта:

— Если он похищен, ответственность за информацию ложится на тебя.

Гад Яакоби понял, что теперь он выходит на линию огня. Младшему офицеру предстояло ощутить груз забот высшего командования.

Начала поступать информация. Никто уже не думал об обеде. "Исчезнувший самолет вылетел с 245 пасса-

жирами и 12 членами команды, — сообщили сотрудники службы безопасности аэропорта Бен-Гурион. — Полагаем, там 83 израильтянина, но, возможно, и больше, так как некоторые из пассажиров имеют двойное гражданство... Неизвестное число арабов пересело на рейс "139" скорее всего с сингапурского рейса, который приземлился незадолго до того в Афинах".

В 15.30. была сформирована специальная комиссия — спустя два часа после получения первого сообщения разведки и за 15 минут до конца заседания. Комиссия состояла из премьер-министра и пяти членов его кабинета. В нее был включен также начальник генерального штаба генерал Мордехай Гур, чьи парашютисты прославились своими быстрыми и неожиданными действиями.

Каждый член специальной комиссии имел за собой специалистов: экспертов по новой международной террористической сети, по антитеррористической тактике, военных, политических и дипломатических советников. Случаи подобного сотрудничества бывали и раньше, но никогда еще — по такому поводу. Никто еще не знал, потерпел ли рейс "139" аварию или находится в руках террористов, замысливающих убийство. Быть может, он похищен представителями новой подпольной группировки, специализирующейся на воздушном пиратстве и политическом шантаже?

— Я боюсь именно этого, — сказал Рабин советнику Министерства обороны по науке доктору Иехезкелю Дрору. — Обратимся к фактам. У них никогда еще не бывало такой добычи: чуть не сотня евреев, у которых могут быть влиятельные родственники по всему миру! Ведь любой из этих родственников может поддаться шантажу.

Профессор Дрор когда-то написал трактат "О борьбе с терроризмом, связанным с безумными режимами".

Тогда он не мог себе представить, что это сочинение окажется пророческим. Точно так же, как министр

обороны Шимон Перес не мог даже вообразить, что его собственные слова, произнесенные сегодня по поводу "Вествинда" (гражданского реактивного самолета, созданного, с израильской изобретательностью, на деньги израильских налогоплательщиков), по-новому окрасятся будущими событиями.

— "Вествинд" — это вклад в будущую авиапромышленность Израиля, — сказал он. И добавил иронически: — Даже президент Уганды Иди Амин предпочел его лучшим самолетам мира.

Намек на то, что угандийский диктатор имел свой собственный, построенный в Израиле "Вествинд", в воскресенье 27 июня был еще безобидной шуткой. По полученным сведениям, похищенный рейс "139" находился в воздухе, но летел куда-то в южном направлении, вместо того чтобы лететь на север, в предписанный пункт назначения — Париж.

Париж задыхался от чудовищной жары, которая бывает раз в сотни лет. Все, кто мог, покинули город. Президент Франции Валери Жискар д'Эстен улетел для встречи с президентом Фордом в Порто-Рико. С ним отбыли ведущие министры французского правительства. Встречающие рейс "139" в аэропорту имени Де Голля увидели только, что на доске расписания рядом со временем прибытия самолета — 13.30 по Гринвичу (14.35 по парижскому времени) появилось слово "задерживается".

— Внимание! — прорезался сквозь шум голос диктора. — Прошу внимания... — Немногие из вспотевших родственников и друзей услышали и поняли короткое объявление: — Эр Франс приносит свои извинения за задержку прибытия рейса "139". Ожидающих просят прийти в центральное бюро Эр Франс...

В то самое время, когда самолет ожидали в Париже, он начал снижаться в Бенгази. Это возбудило худшие опасения.

Над Израилем сгушались сумерки, когда специальная комиссия начала свое изнурительное бдение. К этому времени уже стали известны некоторые факты. Похитители избрали Ливию в качестве начального хода в сложной игре. Они были специалистами в новом виде "войны" против Израиля, которую вела НФОП во главе с доктором Вади Хададом.

Доктор Хадад командовал международной армией фанатиков-террористов. Израильская разведка полагала, что он переехал из раздираемого конфликтами Ливана на более безопасную базу где-то в Африке, чтобы обучать молодых революционеров, которые если и не разделяют его ненависти к Сиону, то во всяком случае желают получить доступ к его арсеналам и изучить технику ведения партизанской войны.

Израильцы опасались, что сейчас повторится история с бельгийским самолетом, который люди Хадада захватили и заставили вернуться обратно в Тель-Авив. Тогда израильские командос, переодетые в одежду членов наземного персонала, освободили самолет, убив двух арабов, но сохранив жизнь 97 пассажирам.

Если похитители следовали заранее разработанному плану — а именно это и сообщали электронные уши Израиля, настроенные на африканские и арабские радиоволны, — то командосам генерала Мордехая Гура предстояла нелегкая работа. Они начали незаметно подтягиваться к аэропорту им. Бен-Гуриона, одетые в белые комбинезоны механиков или просто в обычную гражданскую одежду.

Казалось, что рейс "139", направляемый специалистами д-ра Хадада по террору и шантажу, должен вернуться сюда.

Столкновение с похитителями рейса "139", если они приземлятся в Израиле, потребовало бы от премьер-министра всей его решимости. Битва с ними грозила гибелью невинных пассажиров, и в результате весь мир осудил бы Израиль. Итак, Рабин приготовился к дли-

тельным переговорам, устроив себе командный пункт в помещении службы генерального директора "Эль Аль"* Мордехая Бен-Ари. В свое время Бен-Ари, создавая "Эль Аль", использовал опыт, приобретенный им во время Второй мировой войны, когда он нелегально вывозил людей из нацистских лагерей смерти.

2

АФРИКАНСКИЙ ДИКТАТОР ВСТУПАЕТ В ИГРУ

В воскресенье вечером из Лондона пришло первое подробное описание террористов. В нем сообщалось предположительно, что основными исполнителями были двое немцев; что похитители следовали заранее разработанному плану; что рейс "139" приземлился скорее всего в стране, дружественной террористам. Эти важные сведения были получены от Патриции Хейман, тридцатилетней англичанки, которая уговорила похитителей выпустить ее в Бенгази, так как была беременна и опасалась преждевременных родов. У Пат Хейман был английский паспорт, но родом она была из Петах-Тиквы в Израиле. Она ничего не говорила до тех пор, пока рейсовый ливийский самолет не доставил ее в Лондон. Там за дело взялся Скотланд Ярд. В эти пять часов ей пришлось иметь дело сперва с политическими пиратами, а потом — со специалистами по антитеррористической тактике. Как бы примиренчески ни были настроены правительства, полиция свободного мира создала свое собственное подполье для обмена информацией.

"По словам освобожденной заложницы, спустя 5 минут после вылета из Афин рейс "139" был захвачен немцем, немкой и, кажется, тремя арабами, —

* "Эль Аль" — израильская авиакомпания.



Сплошная линия

Маршрут похищенного самолета авиакомпании "Эр Франс".

Пунктирная линия

Маршрут израильских самолетов, участвовавших в спасательной операции.

сообщил Лондон. — Все вооружены. Возле дверей размещена взрывчатка, замаскированная под баночки с финиками. Вероятно, Бенгази — промежуточная остановка. Местом назначения представляется скорее всего Центральная Африка”.

В 3 часа утра в понедельник 28 июня израильский министр обороны вернулся из аэропорта в свой тель-авивский кабинет. Шимон Перес родился в Польше в 1923 году. В возрасте 11 лет он попал в Палестину. Семья, оставшаяся в Польше, уже не надеялась когда-нибудь присоединиться к нему, чтобы вместе строить страну, способную уберечь евреев от преследований.

”В чем значение Израиля? — говорил себе Перес. — В частности, и в том, что евреи могут передвигаться по всему миру, как свободные люди. Мы не можем уступить шантажу”.

Он только что узнал, что рейс ”139” приземлился в Энтеббе. Ему было кое-что известно об Уганде и ее президенте Иди Амине, потому что в течение нескольких лет Израиль сотрудничал с диктатором и обучал его летчиков. Но в том, что похитители выбрали именно Уганду, слышалась ирония судьбы. Когда-то эта страна рассматривалась в качестве места, где евреи могли бы — впервые за 2000 лет — создать свое государство. Уганда была альтернативой Палестине, которая со временем превратилась в Израиль.

Перес прошел мимо контрольных постов, улыбкой скрывая свою тревогу: необходимо было поддерживать спокойствие и не давать пищи слухам о катастрофе. Генерал Гур и советники разведки уже ожидали его, расстелив на длинном столе карты и фотографии.

— Более 4000 километров, — сказал Гур, отвечая на незаданный вопрос министра обороны. — Мы рассматривали военные варианты, но путь огромный и проходит над враждебными территориями.

— Террористы получили поддержку Амина, — вступил в разговор офицер разведки.

— Вы уверены?

— Да. "Голос Уганды" передает призывы к революционерам и нападки на Францию и Израиль. У террористов в Уганде уже есть организация. Руководители операций приезжают туда из Сомали.

Перес взглянул на карту. Британское Сомали, которое уже не принадлежало британцам, вначале стало вотчиной коммунистического Китая, а потом перепродалось Советскому Союзу, у которого возможности подкупа оказались больше. Теперь, вооруженное советским оружием, "защищенное" русскими ракетами от неизвестных врагов, Сомали превратилось в надежное убежище для главных специалистов НФОП по партизанской войне.

И еще кое-что подсказала карта. Ранее Уганда находилась под британским контролем, как и Кения и Танганьика. В процессе деколонизации Восточная Африка прошла сквозь бури смутного времени: Эфиопия, на севере, свергла легендарного императора Хайле Селассие и разрушила традиционное британское влияние. Французское Сомали вышло из-под контроля Франции, за исключением порта Джибути...

— Джибути? — вслух сказал Перес.

— Это подходит, — сказал Гур и задумчиво подергал себя за ухо. — Проверьте, что скажут французы: можно ли будет самолетам там заправиться.

Никто не спросил, что он имеет в виду. Если военная операция станет необходимой, и только в том случае, если она станет необходимой, самолетам придется лететь над враждебными арабскими территориями, обойти русские системы слежения в Сомали и совершить перелет, далеко выходящий за пределы нормальной дальности, существующей у военно-воздушных сил Израйля.

Кто-то поднял трубку и позвонил министру иностранных дел Игалу Аллону. Ему придется прозондировать французов на предмет Джибути, не говоря уже

о тысяче всяких других дел. По другому телефону генерал Гур негромко разговаривал с командирами парашютистов. Специальным подразделениям командос все еще предписывалось быть наготове в аэропорту, хотя теперь шансы на возвращение рейса "139" в Тель-Авив были уже меньше десяти процентов. "Все члены отрядов X и V должны быть готовы к действиям где угодно".

В штаб-квартиру начал поступать текст заявления угандийского радио в 2500 слов. В нем содержались нападки на французскую оккупацию Джибути, словно в Уганде разгадали намерения специальной комиссии. "Франция держит в своих руках Джибути только для того, чтобы сохранить единственную для Израиля возможность попасть в Африку", — заявило радио Уганды.

Это был язык доктора Хадада и ярых врагов Израиля.

К концу понедельника специальная комиссия получила поразительно информированный доклад о возможности развития событий. Израильская разведка представила комиссии свой собственный анализ:

Операция "Уганда" разработана 46-летним д-ром Вади Хададом, руководителем НФОП, действующим практически независимо от ООП, которую возглавляет Арафат. Хадад организовал серию успешных похищений, чтобы доказать необходимость жесткой политики по отношению к Израилю, в отличие от ООП, взявшей курс на псевдодипломатические контакты и большую умеренность. Для проведения операции "Уганда" Хадад поселился в Сомали, откуда отправил в Африку команду террористов, немку и немца-анархиста, предположительно Вильфрида Бёзе, известного сотрудника Шакала — Карлоса Рамиреса. Руководителем этой группы, возможно, является Абдул Рахим Джабер, родившийся в Хевроне в 1930 году, долгое время живший в

Каире, основатель организации "Герои возвращения", командир и конкретный исполнитель различных операций, проведенных радикальным крылом НФОП, связанным с неонархистскими группировками во всем мире.

Компаньон Шакала Джабер получил приказ о похищении самолета от политического отдела НФОП. Это указывало на то, что рейс "139" станет элементом политической войны, цель которой — не только завоевать новых сторонников для доктора Хадада и его теории насилия, но и дискредитировать Израиль, впервые заставив его уступить угрозам. Это Джабер организовал атаку на самолет Пан-Американской авиакомпании в Риме в 1973 году, когда был убит 31 человек. Семья Джабера (в том числе пять его братьев) находилась под непрерывным наблюдением израильской разведки. Один из братьев, Расми Джабер, содержавший магазин сувениров под Иерусалимом, открыто говорил о своих связях с террористами. Теперь он подтвердил, что Фаиз Джабер был "руководителем многих больших операций против Израиля".

За два часа до полуночи, в понедельник, зловещие предположения начали сбываться. В восторге от представившейся возможности продемонстрировать себя миру Большой Папа — Иди Амин появился в Энтеббе перед заложниками со свитой телохранителей, вооруженных и одетых в военную форму палестинцев. Угандийское радио представило Иди Амина как посредника между похитителями и Израилем.

Но почему только Израилем?

В ту ночь перед премьер-министром Рабином и его кабинетом открылась ужасающая правда. Освобожденная заложница Патриция Хейман рассказала Скотланд Ярду о "селекции". Оказывается, все пассажиры-евреи были отделены от остальных под дулами немецких револьверов. Никто из членов специальной

комиссии не был "мистически настроен", как об этом писали позднее. Однако никто из них не мог забыть, что Израиль возник как реакция на поголовное истребление евреев в нацистских лагерях смерти. Слово "селекция" было чревато эмоциями. Будет лучше, если семьи заложников об этом пока не узнают, решила комиссия.

В Уганде, сообщила далее израильская разведка, президент Амин выступает перед заложниками в качестве их покровителя. Молодой израильтянке, назвавшей его "мистер президент", он возразил:

— Я — Его Сиятельство Аль Хаджи, фельдмаршал, доктор Иди Амин Дада, кавалер Британского Креста Победы, кавалер ордена "За безупречную службу", кавалер "Военного креста", назначенный Всемогущим Богом быть вашим спасителем.

3

ТЕРРОРИЗМ И БЕЗУМНЫЕ РЕЖИМЫ

Владельца магазина на окраине Тель-Авива спросили, не хочет ли он позвонить по телефону в Кампалу, — поговорить с Большим Папой, польстить ему, напомнить об огромной ответственности, которая лежит на нем как на главе Организации стран Африканского единства теперь, накануне встречи на высшем уровне на острове Маврикия.

Владельцем магазина был полковник Барух Бар-Лев, "Борька", бывший глава израильской военной миссии в Уганде. "Борька" был близким другом черного диктатора. "Пусть он разговаривает как можно больше", — гласил неофициальный приказ.

И тут начались совершенно удивительные телефонные разговоры между Израилем и Угандой, в то время как специальная комиссия отчаянно старалась вы-

играть время. Стало известно, что от милости Большого Папы зависели свыше 250 пассажиров и 12 членов команды. Большой Папа, к которому повсеместно относятся как к опасному фигляру, хорошо известен врачам в Иерусалиме, лечившим его от сифилиса; он вступает сейчас в последнюю, маниакальную стадию этой страшной болезни, все еще оставаясь, однако, изобретательным и коварным врагом.

Доктор Дрор, главный научный советник, написавший пророческое сочинение о терроризме и его связях с безумными режимами, составил предположительную психологическую модель поведения президента Амина. Эти модели основываются на методах исторического исследования, модернизированных разведками разных стран во время войны против Гитлера. Пионером этого метода был профессор Колумбийского университета Гилберт Хайет, хладнокровный шотландец, сумевший воссоздать психологическую атмосферу, в которой жили римские императоры. При помощи той же техники он предсказывал поведение лидеров враждебных режимов в различных ситуациях, имея в своем распоряжении самые ограниченные сведения о личности диктатора, его семье, друзьях и сопутствующих обстоятельствах.

Пока доктор Дрор изучал Большого Папу, обдумывая планы действий, угандийское радио объявило во вторник назначенную цену освобождения заложников. Похитители требовали, чтобы 53 осужденных террориста (40 из которых предположительно содержались в Израиле, 6 — в Западной Германии, 5 — в Кении, 1 — в Швейцарии и 1 — во Франции) были доставлены к ним.

— Мы единственная нация, у которой есть и заложники, и террористы, — сказал министр транспорта Гад Яакоби.

Ему досталась незавидная роль — он осуществлял связь с двумя спонтанно возникшими комитетами:

комитетом спасения заложников и комитетом родственников. Каждый из этих комитетов шумно требовал действий. Список пассажиров похищенного самолета не был опубликован из соображений безопасности: их имена были сообщены только родственникам, которые поклялись молчать.

Якоби как член специальной комиссии должен был поддерживать контакты с Эр Франс и Международной Организацией гражданской авиации (МОГА), а также выступать от имени правительства; он очень скоро почувствовал первые признаки изоляции Израиля. Слова сочувствия не меняли дела: французы не проявили никакого желания принять решительные меры, МОГА же, которая является органом ООН, как всегда, отражала политику этой международной организации, постоянно идущей на поводу у стран третьего мира — союзников Уганды в борьбе с Израилем.

Только 73 из 134 членов МОГА были участниками "Гаагской конвенции", призывающей способствовать выдаче и наказанию похитителей самолетов и принимать санкции против стран, оказывающих им содействие.

Якоби, бывший деятель Генеральной федерации еврейских рабочих — Гистадрута, все более разочаровывался в правительствах третьего мира, проповедующих социализм и практикующих диктатуру.

Бережно хранивший свои фотографии с Давидом Бен Гурионом, Якоби часто перечитывал исторические статьи Бен Гуриона и раздумывал над ними. Бен Гурион приводил слова Фукидида о факторах, определяющих выживание нации: "Состояние сельского хозяйства, мораль, крепость стен и мудрость тактики..." Таков наш высший критерий. Разве может Израиль уступить требованиям Уганды и остаться после этого нацией с моралью Бен Гуриона?

С другой стороны на правительство оказывали давление семьи заложников, и давление это все возраста-

ло. Они требовали переговоров с похитителями, они особенно надели на Якоби, после того как террористы пригрозили убить пассажиров и взорвать самолет, если в четверг к 14.00 по израильскому времени Израиль не даст согласия освободить заключенных террористов.

— Мишень их — Израиль, — устало сказал Якоби, появившись на очередном заседании специальной комиссии.

Все понимали, что принять решение можно только демократическим путем. Заседание кабинета было назначено на вторник, до истечения срока ультиматума террористов...

4

ВАРИАНТЫ

Похитители внезапно освободили 47 заложников. Это событие имело неожиданные последствия: оно помогло объединению народа страны. Всем в Израиле стало ясно, что мишенью являются евреи, и именно их жизни станут объектом торга с израильским государством. Со времени войны Судного дня нация перестала быть единой. У людей возникло чувство тревоги, которое ощущалось и в общественных местах, и в парламенте, раздражение росло, начались взаимные обвинения, вызывала сомнение линия поведения с врагами, которые вдруг перешли от вкрадчивых уговоров к внезапному взрыву ненависти.

Когда 47 освобожденных пассажиров поздно ночью в среду прибыли в Париж, они предупредили о серьезной опасности. Вначале во всем мире думали, что президент Амин и в самом деле является посредником. Но освобожденные заложники рассказали представителям французской разведки совершенно иное. Полученные сведения были переданы в Иерусалим: "Уганда

действует заодно с главой террористов доктором Хададом”.

Эти новые сведения поступили в военно-политический вычислительный центр в Иерусалиме, теперь настроенный на военный вариант, который позднее стал известен как план Б.

План А был вариантом дипломатических переговоров. По многим причинам, из которых не последней было общественное мнение в Израиле, нужно было продолжать разрабатывать этот план.

Однако известие об освобождении 47 заложников, как уже говорилось, заставило объединиться весь народ. С быстротой там-тама страну облетел рассказ о старой женщине с вытатуированным на руке номером нацистского концлагеря, которая была по недосмотру освобождена вместе с 47 счастливыми, может быть, потому, что ее паспорт не содержал в себе никаких признаков еврейства. Люди повторяли ее слова: ”Я почувствовала себя, как 32 года назад, когда услышала немецкие приказы, увидела автоматы... Я увидела вереницы заключенных, услышала резкий окрик: ”Евреи, направо!” И я подумала: что толку в существовании Израиля, если все это может повториться и сегодня?”

В пустыне возле Беер-Шевы, где Авраам когда-то поил свой стада, где в течение столетий скрещивались верблюжьи караванные пути, в 20 милях от самого большого ядерного исследовательского центра на Ближнем Востоке, слова старой женщины повторяли друг другу пилоты и парашютисты в огромных подземных ангарах. Глубоко под замаскированными взлетными полосами находился военный штаб, точно дублировавший главный военный центр при министерстве обороны в Тель-Авиве. На дубликатных схемах прослеживались маршруты врагов Израиля, от Багдада до Ливии. Здесь, собранная воедино и выверенная с военной точностью, была представлена картина страны,

находящейся в вечной осаде, — картина, которая все время уточнялась в соответствии с непрерывно меняющейся обстановкой. Радары наблюдали за русскими военными кораблями в Средиземном море и их самолетами, шныряющими во всех направлениях. Наземная разведка сообщала о передвижениях террористов. Командующий специальными воздушными и десантными силами бригадный генерал Дан Шомрон координировал рейды против баз террористов за пределами Израиля.

Дан Шомрон выступал за план Б. Он уже привык составлять проекты, которые отвергались по политическим или дипломатическим причинам. Он знал, что предпочтение отдано плану А. Этот план ему не нравился, и не потому, что Дан Шомрон был командиром парашютистов, которому за свои 39 лет не приходилось идти на компромиссы. Шомрон просто был уверен, что только военная акция может решить проблему спасения одной или двух сотен заложников в самом сердце Экваториальной Африки. Он извлек неплохой урок из войны Судного дня, которая вопреки ожиданиям Израиля затянулась вследствие политических ошибок, недостаточной подготовки и неправильного использования главного преимущества специальных сил — быстроты и неожиданности. "Русским дали время рассчитать соотношение сил, — заключил он. — Когда соотношение изменилось в пользу Израиля, Советский Союз пригрозил широкой военной интервенцией и практически приказал Киссинджеру, чтобы США голосовали за прекращение военных действий в ту минуту, когда произошел перелом в нашу пользу".

Ту войну называли войной с секундомером. Пока нападали арабы, стрелки двигались медленно; как только Кремль увидел, что Израиль начинает побеждать, стрелки задвигались очень быстро. Словом, Израиль всегда должен быть в проигрыше, потому

что мир не позволит ему победить. Вот почему бригадный генерал Шомрон не считал нужным обращать внимание на мировое общественное мнение.

Итак, он продолжал работать над вариантом Б. С ним, разрабатывая планы один изобретательнее другого, сотрудничали израильяне всех рангов. Все эти планы были отвергнуты. Перед специальной комиссией под руководством Рабина появились только схемы практических действий. Человек же, наиболее подходящий для осуществления военной акции, Дан Шомрон, должен был продемонстрировать широкой публике свою непричастность к событиям и полное спокойствие.

Потому-то вечером во вторник 29 июня он и стоял с бокалом виски в саду частного дома в Рамат Гане, куда попал прямо из накаленной атмосферы пустыни.

— А как насчет ваших парашютистов? Вы не можете захватить Энтеббе?

Этот вопрос задал один из гостей, приглашенных на свадьбу дочери бывшего полковника-парашютиста. Свадьба, конечно, меньше всего похожа на командный пункт. Однако сад, как нарочно, был полон парашютистов, бывших и настоящих. Здесь находился начальник генерального штаба генерал Мордехай Гур, рядом с ним стоял руководитель Мосада — центральной службы безопасности и разведки Израиля — анонимная фигура, тайна для иностранных гостей. По лужайке расхаживал помощник министра обороны Исраэль Таль; генерал-майор запаса Ариэль Шарон пожимал руку бородатому генералу Дани Мату.

Несмотря на праздник, разговоры все время возвращались к судьбе заложников. Что сделает правительство? Использует силу? Будет бомбить Ливан или какую-то другую мишень, поскольку ранее такое возмездие бывало эффективным? Или они собираются капитулировать и освободить террористов, чьи имена значатся в списке, предъявленном Вади Хададом?

Наиболее известными террористами среди находящихся в израильских тюрьмах были:

- архиепископ Илларион Каппуччи, глава греческой католической общины в Восточном Иерусалиме. В 1974 году он был приговорен к 12 годам заключения за незаконный ввоз оружия в своем автомобиле, имевшем дипломатическую неприкосновенность. Действовал в системе Аль-Фатх;

- Козо Окамото, член японской "Красной Армии". В июле 1972 года был приговорен к пожизненному заключению за массовые убийства в аэропорту Лод — кровавый инцидент, в котором погибли 24 человека и десятки были ранены: Действовал в системе НФОП;

- Фатъма Барнави, черная мусульманка из Восточного Иерусалима, подложившая взрывчатку в кинотеатре "Сион" в Иерусалиме в 1968 году. Член Аль-Фатх;

- Вильям Джордж Насер, арестованный в Восточном Иерусалиме в 1968 году. Приговорен к пожизненному заключению за бесчисленные акты саботажа и убийство часового-друга возле Иерусалима. Член Аль-Фатх;

- Муциа Камиль Никола, медсестра по профессии, которая провела несколько лет в Лондоне и вернулась в Израиль, чтобы работать на Аль-Фатх, занимаясь шпионажем и вербовкой новых членов;

- Камиль Намри, инженер из Иерусалима (мать — еврейка). В 1968 году приговорен к пожизненному заключению за саботаж. Работал на Аль-Фатх;

- Самир Дарвиш из Акко. Арестован накануне Шестидневной войны. Планировал побег двух заключенных из тюрьмы в Рамле и был членом организации, возглавляемой Джабрилем, руководителем террористов в Уганде.

Вероятность осуществления военного плана начала возрастать. Министр обороны Перес доложил Рабину о предпринятых действиях. К этому времени среди

военных возник слух, что постоянные политические разногласия между Пересом и Рабином, о которых было широко известно, продолжались и в специальной комиссии, занимающейся реисом "139". Поводом послужило именно то, что Рабин поручил Пересу ежедневно докладывать о новых планах и предложениях.

Мнение десантников было единодушным:

— Чего бы это ни стоило, мы должны отправиться в Энтеббе. Если мы уступим, это станет трагедией для целых поколений. В следующий раз террористы захватят самолет и в обмен потребуют наших руководителей или ухода с Западного берега...

Бригадный генерал Шомрон пожимал плечами:

— Чего вы от меня хотите? Разве решаю я? Если правительство захочет, мы доберемся куда угодно...

Шомрон ничуть не похож на партизана. Он высок, голубоглаз, хорошо сложен, родился в кибуце Дгания в 1937 году. ("Мы из рода "отцов-основателей". Отец и мать по очереди возглавляли кибуц, а теперь секретарь кибуца — мой брат"). В возрасте 19 лет Дан записался в парашютисты и участвовал в актах возмездия перед Синайской кампанией 1956 года. В Шестидневную войну он командовал подразделением бронированных джипов с безоткатными орудиями — первым соединением, достигшим Кантары на Суэцком канале. Его имя упоминалось в сообщениях с фронта. Сначала Шомрон был командиром десантников, затем был переведен в бронетанковые части. В войну Судного дня бригада, которой он командовал в Синае, удерживала натиск египтян и затем переместилась к Суэцкому каналу. Шомрон и его часть вышли в Адабие, на берегу Суэцкого залива, чтобы замкнуть кольцо вокруг 3-й египетской армии. После войны Дан "вернулся домой", к парашютистам, как старший парашютист и пехотный офицер — звание, мало что говорящее о специальных воздушных и десантно-диверсионных силах.

Чтобы оценить уровень оперативного мышления Шомрона, надо познакомиться с его предыдущей военной деятельностью. Перед Шестидневной войной он был послан на учебу в Высшую школу командиров и штабных офицеров при Армии обороны Израиля.

— С момента начала войны мне было ясно, что она кончится, как только мы выйдем на Суэцкий канал, — сказал он позднее.

Шомрон продирался туда через заслон египетских батальонов. Когда наконец его часть достигла канала, он решил, что война кончена. Но в ту же ночь он получил приказ атаковать египтян на Фирданском мосту под непрерывными бомбежками противника. Утром он увидел грузовики с египетскими солдатами, следующие из Каира на западный берег канала. Это была подготовка к начавшейся через год войне на истощение.

Накануне Судного дня 1973 г. Дан готовил свою бригаду к маршу на Суэцкий канал. Все указывало на то, что война начнется в 18.00, и его бригада, чередуясь с другой, несла охрану Суэца. Пока шли приготовления, египетские самолеты сбросили бомбы на расположение бригады, убив 10 человек. Первой мыслью Шомрона было: "Сумасшедшие! Они же могут в нас попасть!"

Позднее он рассказывал:

— Мой первый короткий отпуск после войны Судного дня произвел на меня тяжелое впечатление. Я почувствовал себя чужим. Прилетел я в Тель-Авив в полдень, и город жил своей обычной жизнью. Я поехал домой, принял душ. Зазвонил телефон, — были неприятные новости. Пришлось вернуться в аэропорт и лететь на юг. Когда мы взлетели и я увидел внизу Тель-Авив — освещенный, как ни в чем не бывало, мне почудилось, что я и мои люди летим на нашу частную, личную войну, до которой никому и дела нет. Я вспомнил, что солдаты и офицеры на фронте нередко гово-

рят: "Мы сражаемся здесь за то, чтобы дома, в тылу, все шло, как всегда". Но я думаю иначе. Я не хочу, чтобы дома все шло как всегда. Я не думаю, что это правильно. Это общая война, которая включает все население Израиля. Каждый должен отдавать все, что может. Я знаю, что не один я так думаю. Я видел лица солдат, вернувшихся из отпуска. Им не нужно было ничего говорить, я и так знал, что они думают и чувствуют. В такие дни дом должен быть похож на линию фронта. Люди, которые почему-либо не могут работать в городе, должны ехать помогать в мошавы и кибуцы, члены которых ушли на фронт. Это вовсе не утопия, это может и должно быть сделано — не самотеком, а в плановом и организованном порядке.

Точка зрения премьер-министра Рабина была иная. Он хотел, чтобы все выглядело как обычно. Во второй половине дня он собрал кабинет и получил то, чего добивался: продления чрезвычайных полномочий специальной комиссии, предоставляющих ей возможность действовать по своему усмотрению. "Мы распределили обязанности, — рассказывал позднее Рабин. — Каждая оперативная команда независимо одна от другой прикидывала, какие шаги можно ожидать от французского министерства иностранных дел, какую позицию займут другие правительства по отношению к требованиям похитителей и т. д.

5

ГДЕ ЭТА ЧЕРТОВА УГАНДА?

С самого начала в требования террористов входило освобождение пяти их собратьев по оружию, заключенных в тюрьму в Кении.

Согласно английским источникам, в январе того же 1976 года угандийский президент Иди Амин снабдил

трех палестинских террористов советскими противоздушными ракетами, с помощью которых они чуть не сбили самолет "Эль Аль" при приземлении в Найроби. Это произошло 18 января 1976 года. Террористы были арестованы кенийской службой безопасности раньше, чем успели выпустить первую ракету. В их автомашине нашли пулеметы, гранаты и пистолеты. Все это оружие было контрабандой вывезено из Уганды с ведома президента Амина. Двое из этих троих принимали участие в нападении на самолет "Эль Аль", вылетевший из парижского аэропорта Орли в январе 1975 года. Все трое прибыли в Найроби в декабре 1975 года с визами, выданными британским посольством в Бейруте.

21 января в Найроби прилетела еще одна пара — немец и немка, — чтобы узнать, что случилось с их коллегами. Их арестовали и допросили. Во время обыска выяснилось, что на животе у женщины невидимыми чернилами записаны инструкции: террористам приказывали совершить нападение на самолет "Эль Аль". Президент Кении Джомо Кениата негласно дал разрешение израильской разведке допросить пятерых задержанных. 3 февраля это было сделано. Теперь похитители угрожали, что Кения будет подвергаться репрессалиям по всему миру, если не освободит этих пятерых арестованных.

В то время как похитители объявляли условия освобождения заложников, Моше Перец продолжал свой дневник:

Понедельник, 28 июня. 00.35. Мы ожидаем приземления в любой момент — в конце концов прошло уже три часа. Куда мы летим?

00.40. Я прошу разрешения пойти в туалет. Я поднял руку, и террорист в красной рубашке махнул автоматом, показывая, что я могу идти. Возле туалета я встретил одного из стюардов, который возился на кухне. Он говорит, что мы летим на юг.

3.15. Пробуждаюсь после короткой дремоты. Командир террористов объявляет, что мы приземляемся в Энтеббе, и приказывает всем задернуть шторы на окнах.

6.00. Слегка отодвигаю штору и вижу дневной свет. По-моему, мы приземлились около огромного озера. На высокой траве вокруг посадочной полосы лежат солдаты. Обращаюсь по-арабски к террористу в желтой рубашке, и он говорит, что мы пробудем здесь долго. Еще он говорит, что родился в Хайфе.

6.20. "Капитан" (немец — командир террористов) вежливо благодарит пассажиров за проявленное терпение и объявляет, что сейчас они проводят переговоры с угандийским правительством. Иди Амин должен лично прибыть сюда, чтобы объявить свое решение.

8.00. "Капитан" объявляет, что беспокоиться не о чем, все идет хорошо. Позднее он объяснит причины захвата самолета. Он желает нам приятного аппетита и шутит, что мы впервые в жизни позавтракаем в Уганде. Мы получаем по одной булочке, и ничего больше.

9.00. Задняя дверь самолета открыта... Веревка, сделанная из галстуков стюардов, — единственное, что отделяет нас от внешнего мира, где я вижу огромную фигуру Иди Амина, который разговаривает с террористами.

9.15. "Капитан" говорит, что главная опасность позади. Он просит нас помнить, что он и его товарищи — не какая-нибудь банда жестоких убийц.

9.35. "Капитан" говорит, что похищение совершенно НФОП. Они не собираются проводить массовое убийство пассажиров; их цель — всего лишь привлечь внимание широкой публики.

12.05. "Капитан" объявляет, что мы должны пересестись из самолета в автобусы.

12.10. Приказ отменен. Они решили, что мы продолжим путешествие другим способом.

12.15. Один за другим мы выходим из самолета. Трое террористов стоят у входа. Мы сходим по трапу. Несколько пассажиров, убежденные, что все уже позади, на прощание машут террористам руками. Мы входим в старое здание аэропорта — огромное, темное и грязное. Садимся в кресла. Угандийцы приносят дополнительные стулья. Ручной багаж с нами, и несколько пассажиров спрашивают, когда принесут чемоданы.

14.15. Мы съедаем ланч в здании аэропорта в Энтеббе. Угандийские служители приносят котелки, наполненные рисом с мясом. Я боюсь есть мясо (а вдруг это мясо жирафа?) и пить воду, так что приходится есть всухомятку. Здание аэропорта окружают угандийские солдаты с автоматами наготове. Все еще неясно, сколько нас тут продержат вроде как под домашним арестом. От Уганды до Парижа около десяти часов полета, так что если мы сейчас вылетим, то будем в Париже ночью. Несколько раз нас снимали для угандийского телевидения. Мы ожидаем "короля" Уганды, который может прибыть в любой момент.

17.20. Появляется Иди Амин, в зеленом берете и с "крылышками" израильских парашютистов. Встреченный аплодисментами пассажиров, он заявляет: "Некоторые из вас меня знают, некоторые — нет. Для тех, кто не знает, я фельдмаршал доктор Иди Амин Дада". Говорит, что только благодаря ему пассажирам позволили выйти из самолета и остаться в Уганде. Сообщает далее, что Израиль полностью отклонил требования похитителей, в то время как другие страны их приняли. После этого ему снова аплодируют.

19.35. Ужин. Меню: мясо, картошка, зеленый горошек и крошечные бананы. Пассажиры и команда затевают длинный спор о том, как удалось террористам пробраться в самолет.

20.35. Угандийский врач дает каждому пассажиру по две противомаларийных таблетки.

22.45. Люди решают лечь спать. Ложатся прямо на грязный пол, и скоро в адской жаре начинается целая симфония храпов. Все кричат друг на друга, требуя тишины. Похоже на летний молодежный лагерь Гадны (израильская юношеская военная организация).

Вторник, 29 июня. 7.30. После завтрака несколько человек услышали по радио сообщение, что Израиль отказывается принять ультиматум террористов, которые угрожают взорвать самолет, если их требования не будут выполнены. На лицах пассажиров видны признаки беспокойства. Утро проходит без инцидентов. Террористы продолжают держать нас под охраной, сидя у дверей; они разрешили женщинам и детям играть на лужайке возле здания. Угандийским солдатам приказано отойти от здания на 50 метров.

13.55. Я предложил храпунам спать отдельно, чтобы не повторилась предыдущая ночь. Я пишу обо всех этих мелочах, и это подчеркивает контраст между спокойствием, царящим здесь, и теми волнениями, которые испытывают сейчас наши родственники за границей. Тут у нас никаких разговоров ни о том, что нам угрожает, если взорвут самолет, ни об ультиматуме. Я надеюсь, что семья сообщит на работу о причине моего отсутствия.

15.30. Террористы зачитывают список своих требований, в число которых входит освобождение к полудню 1 июля 53 заключенных, 40 из которых находятся в Израиле. Израиль почти определенно откажется. И что же тогда будет? Либо террористы выполнят свою угрозу и убьют заложников, что кажется менее вероятным, либо, скорее всего, будет достигнут компромисс, и в четверг освободят некоторое количество заключенных и всех заложников, кроме израильтян.

19.10. Террористы отделяют нас от остальных; очень драматическая сцена. Людям с израильскими паспортами приказывают выйти из центрального зала и перейти в смежную комнату. Женщины начинают пла-

кать. Чувство такое, будто идешь на казнь. Террористы роются в нашем ручном багаже. Они находят два альбома о войне Судного дня и с величайшим удовольствием перелистывают их на глазах у израильтян. Мы входим в соседнюю комнату. Поперек двери они прибили одну планку, вдоль — другую, так что мы вынуждены согнуться и протискиваться туда в таком положении. Людям с двойным гражданством также приказано идти в эту комнату. Тем временем террористы забрали наши фотоаппараты и личные принадлежности.

20.00. Мы находимся в маленькой комнате, часть которой заставлена картонными ящиками. Террористы предупреждают, что они заполнены взрывчаткой, и если кто-нибудь их коснется, будет взрыв. Сначала это пугает нас, но через какое-то время страх проходит, и люди развешивают на ящиках свою одежду. Пока мы устраиваемся, один из заложников подходит к террористу и просит подушку для ребенка. В ответ тот ударяет его рукояткой револьвера. Наша вторая ночь в Уганде.

Среда, 30 июня. 11.30. На вертолете прибывает Иди Амин. В центральном зале его встречают аплодисментами, в нашей комнате — весьма прохладно. Но когда он говорит "шалом", его вознаграждают рукоплесканиями. Все, что он может обещать нам, — это одеяла и подушки. Он сообщает также, что террористы имеют претензии не к нам, а к фашистскому израильскому правительству, и если оно не согласится на требования партизан, значит, ему безразлична судьба собственных граждан. Один из нас, Илан, говорит, что, по существу, мы ничего не можем сделать здесь, но могли бы попытаться помочь, вернувшись в Израиль, где сможем повторить требования террористов. Еще кто-то критикует Амина за то, что он не предпринимает никаких шагов к тому, чтобы обе-

зоружить партизан и освободить заложников. Амин говорит, что если бы это было так, здание уже давно было бы взорвано. Из разговора с одним террористом я выясняю, что их требование об освобождении заключенных еще не принято, но они не собираются нас убивать. Иногда с ними можно спокойно разговаривать. Большой частью они расхаживают среди нас с автоматами на плече, но у тех, кто сторожит здание, автоматы наизготовке. Тем временем половину пассажиров-неизраильтян уже освободили. Наша судьба решится в ближайшие 24 часа.

14.00. Ланч.

15.00. Отдых.

17.00. Люди играют в карты, читают книги и обсуждают различные возможности, открывающиеся перед террористами.

6

УЛЬТИМАТУМ ТЕРРОРИСТОВ

”... различные возможности, открывающиеся перед террористами”. На этом Моше Перец в среду закрыл свой дневник.

Теперь послушаем другого мемуариста — представителя правительства Израиля.

Среда, 30 июня. Мы мечемся между Тель-Авивом и Иерусалимом, пытаюсь сохранять видимость спокойствия.

Утром правительство прослушало доклад о развитии событий. Сразу после заседания группа министров собирается особо, чтобы узнать о состоянии дел в каждом министерстве. Совершенно ясно, что между Амином, его армией и похитителями существует тесное взаимодействие. Министерство иностранных дел прила-

гает отчаянные дипломатические усилия, чтобы другие правительства оказали давление на Уганду. Из министерства звонят главам государств на различных континентах и просят убедить Иди Амина прекратить сотрудничество с террористами. Представитель Израиля в ООН Хаим Герцог находится в Израиле (на конгрессе еврейских организаций); к нему обращаются с просьбой оказать давление на генерального секретаря ООН Вальдхайма. Религиозные организации обращаются к Папе. Французское правительство посылает запросы главам африканских государств.

В 2.30 пополудни начинается заседание комиссии Кнессета по безопасности и иностранным делам. Премьер-министр и генеральный директор министерства иностранных дел сообщают о предпринимаемых дипломатических усилиях; Израиль не просит вмешательства ООН, дабы не снимать с Франции ответственности за пассажиров (обращение к Вальдхайму имеет сугубо личный характер). Позиция Германии в вопросе об освобождении бадер-майнхофских террористов беспокоит Израиль. Иерусалим знает о нежелании Бонна выполнить требования террористов, и, таким образом, вопрос о заключенных, находящихся вне Израиля, значительно затрудняет ситуацию. Свободный мир проявляет сочувствие: ни одна из западных стран, чьи подданные находятся среди заложников, не предлагает капитулировать перед террористами. Тем временем родственники заложников оказывают все большее давление на правительство через специально созданное бюро при министерстве транспорта.

В 21.00 группа министров выслушивает краткую характеристику заключенных, освобождения которых добиваются террористы, и принимает предварительно предложения, которые выдвинет Израиль в том случае, если правительство пойдет на переговоры с террористами. Дело в том, что в глубине души каждый из участников заседания понимает, что оказать давление

на Амина не удастся, а срок истечения ультиматума близок.

Ночь. Министр транспорта и генеральный директор канцелярии премьер-министр Амос Эйран встречаются с семьями заложников и объясняют им: правительство знает, что времени осталось мало, и главная его цель — сохранение жизней пассажиров. Возбужденные родственники требуют прекратить всякие рассуждения, пока заложники не вернутся домой.

Бар-Лев продолжает свои телефонные переговоры с африканским президентом все в том же стиле:

— Господин президент, сам Бог послал Вас. Сама история избрала Вас для исполнения Божьей воли и спасения заложников. Вы знаете, что пишут о Вас в мире. Вы знаете, как Вас ругают. Теперь у Вас есть возможность доказать всему миру, какой Вы великий человек. Вы храбрый солдат, Вы получите Нобелевскую премию мира. Весь мир увидит, каков на самом деле Иди Амин. Вы должны освободить заложников, чтобы доказать, что все плохое, что о Вас пишут, — это ложь.

Другой вариант звучит так:

— Господин президент, Уганда — Ваша страна. Невозможно, чтобы Вы не могли вмешаться в то, что там происходит. Никто в Уганде и пальцем не пошевелит без Вашего согласия. Вы должны вмешаться и освободить заложников.

Президент Амин отвечал:

— Освобождение заложников от меня не зависит. Ваше правительство должно освободить партизан, о которых они говорят. Похитители упорны.

В четверг 1 июля специальная комиссия собирается в канцелярии премьер-министра в Тель-Авиве. Один за другим следуют доклады о предпринятых шагах и полученных результатах. Всем очевидно, что из дипломатии нужно выжать все, что возможно. Решают сообщить похитителям самолета, что в принципе Израиль согласен на переговоры. Срок истечения ультиматума

близок (полдень того же дня), переговоры с Амином провалились. Заложникам грозит реальная опасность. Комиссия единодушно решает рекомендовать кабинету министров начать переговоры с террористами — и для того, чтобы продлить срок ультиматума, и потому, что никакой альтернативы переговорам нет. Комиссия отдает себе отчет в том, что переговоры необходимо вести крайне осторожно, так как они будут касаться широкого круга вопросов.

В 8.30 утра кабинет единогласно принимает выводы специальной комиссии, доложенные министром Галили, и представляет ей широкие полномочия для переговоров с похитителями, вплоть до обещания освободить террористов.

После совещания министры обмениваются мнениями: многие считают, что принятое решение имеет значение и тактическое, и принципиальное. Израиль готов выполнить часть требований похитителей и тем самым выигрывает столь необходимое сейчас время.

Пока происходит заседание кабинета министров, собирается комитет Кнессета по безопасности и иностранным делам. Рабин задерживается на заседании кабинета, и вместо него появляются Амос Эйран, Шломо Авинери и советник премьер-министра по делам разведки Рехавам Зеэви. Комитет выражает поддержку решению правительства, хотя ряд его членов (Игал Горовиц, Эстер Херлиц, Мордехай Бен Порат, Иехуда Бен Меир, Эйтан Ливни) после заседания в разговорах между собой не слишком его одобряют.

О решении правительства сообщают в Париж послу Газиту. Игал Аллон разъясняет его суть. Израиль будет обсуждать с похитителями вопрос об освобождении террористов, содержащихся в его тюрьмах, в обмен на освобождение заложников. Другими словами, Израиль стремится избежать ситуации, при которой он должен согласовывать вопрос о заключенных террори-

стах с другими странами (Швейцарией и ФРГ). Затем министр иностранных дел сообщает о принятом решении ряду всемирно известных деятелей.

Правительство и комитет по иностранным делам заседают, сознавая, что надо торопиться с решением; а в это время полковник Бар-Лев слышит по телефону от Иди Амина, что ему надо будет прослушать важное сообщение радио Уганды в 13.00. Такое же известие приходит и из Франции. Что это значит? Израиль не знает. В 13.00 радио Кампалы объявляет о решении похитителей продлить срок ультиматума до воскресенья. Они объявили об этом сами, не упоминая правительство Уганды.

В 13.30 министры собираются опять, чтобы обсудить новый поворот событий. Они приходят к заключению, что теперь проблема стала чисто израильской: после освобождения второй партии заложников в руках террористов остались только израильтяне и лица с двойным гражданством. На этом заседании было сделано предложение послать Моше Даяна для переговоров в Энтеббе параллельно с переговорами через посла Газита в Париже.

В 23.00 министры собираются вновь, чтобы обсудить тактику переговоров. Прежде всего обсуждается техническая сторона дела: где все это произойдет? Чьи самолеты доставят террористов из тюрем Израиля? Как будет произведен обмен? Газиту и Зеэви поручают начать переговоры по этим вопросам. Пока все детали не будут согласованы, конкретное обсуждение числа и имен подлежащих освобождению террористов невозможно. Предлагается создать для переговоров объединенную франко-израильскую комиссию. Предложение передают в Париж, французское министерство иностранных дел его принимает. Израиль предлагает, чтобы освобожденные террористы были доставлены самолетом "Эль Аль" на французскую территорию, куда должны быть доставлены и заложники.

В этот четверг победа плана А казалась очевидной. По мнению многих израильтян, это означало, что Израиль уступил шантажу. Глубокое уныние овладело народом, несмотря на то, что два главных раввина высказались за проведение переговоров.

7

ПЛАН А: СДАВАТЬСЯ?

— Четверг был критическим, — сказал позднее Рабин. — Я был вынужден доложить, что у нас нет готового военного плана, который можно было бы привести в исполнение до истечения срока, поставленного террористами.

Когда роковой час был уже близок, к премьер-министру в кабинет ворвались родственники заложников, требуя освобождения террористов, названных Амином в качестве платы за возвращение пассажиров рейса "139"

— Я не мог противиться требованию о переговорах, — сказал премьер-министр. — Военная операция зависела от точности данных разведки и от возможности провести необходимые военные репетиции, которые доказали бы, что операция может быть проведена успешно.

Военные продолжали круглосуточно работать над планом Б. Они знали, что Амин собирается отправиться на конференцию глав африканских государств, на которой ему предстояло председательствовать в последний раз, так как срок его полномочий председателя ОАЕ (Организации африканского единства) уже заканчивался. Если психологические портреты Амина и предполагаемых руководителей террористов соответствовали действительности, можно было надеяться на продление срока ультиматума. В этом случае у такти-

ков Дана Шомрона оставалось время совместно с воздушными силами придумать и разработать схему операции. Израильские военные специалисты с паспортами бизнесменов уже летели в рейсовом самолете "Эль Аль", который делает остановку в Найроби по пути в Йоханнесбург. Агенты израильской разведки катили на машинах из Кении в Уганду по длинной дороге, проходящей через Рифт Велли, — поездка, занимающая 5 часов, если моторы не перегреваются и полиция на границе не чинит никаких препятствий.

Некоторые данные, которыми располагала разведка, исходили еще от Иерухама Амитая, старшего офицера военно-воздушных сил Израиля (ВВС). Заместитель командующего ВВС Иерухам Амитай тренировал угандийских пилотов во время медового месяца Израиля с Иди Амином, продолжавшегося до тех пор, пока диктатор не потребовал от Израиля сверхзвуковых реактивных истребителей.

— Когда я сказал президенту Амину, что истребители слишком сложны и дороги, — рассказывал Амитай, — он не понял меня и впал в ярость. Я имел в виду, конечно, что угандийскую воздушную оборону лучше строить на более скромной основе. Он же заподозрил, что я сомневаюсь в способности угандийцев справиться с такими сложными истребителями. "Мы можем все! — бесновался Амин. — Мы пошлем наших людей на Луну! Мы получим из России "МИГи" и разбомбим моего злейшего врага Джулиуса Ньерере в Танганьике!"

Когда отношения между Израилем и Угандой были разорваны, в дело вмешалась Россия. Пока в Уганде находилась израильская военная миссия, СССР держался в стороне.

— Если русские появлялись над аэродромом Энтебе в то время, когда израильтяне тренировали угандийских летчиков, — вспоминал Амитай, — я заставлял своих ребят кружиться в воздухе до тех пор, пока рус-

ские не просили разрешения сесть. Но все это были, конечно, булабочные уколы. Я знал, что русские неизбежно возьмут Уганду под свой контроль и что наступит день, когда нам придется считаться с настоящими врагами, которые прячутся за спиной сумасшедшего угандийского президента. Мы не могли вступать в эту игру. Мы не могли дать Уганде такие игрушки по прихоти самозванного фельдмаршала, великого адмирала и высшего воздушного командира! Русские смогли и дали ему все, включая "МИГи".

Готовясь к неизбежному разрыву, Амитай и другие израильтяне вели подробные записи. Они знали, какое оружие получает Большой Папа от коммунистов и как оно используется для подготовки палестинских и других террористов. Они наблюдали, как профессиональные террористы пробирались к ключевым постам в государстве. Более трехсот палестинцев были назначены на гражданские должности, освободившиеся после ухода азиатов, которые были изгнаны из Уганды как последыши британского владычества.

При Амитае Израиль построил в Энтеббе новые сооружения. Те, кто работал над планом Б, уже соорудили модели энтеббских взлетных полос и зданий, когда появилось сообщение, что отъезд Амина на конференцию в верхах совпал с отсрочкой приговора на 3 дня.

Для парашютистов и командос это означало, что вероятность перехода к военному варианту увеличивается и что нация готова от полной покорности перейти к действиям.

— Если вы хоть раз уступите шантажу, — сказал как-то Амитай, — этому уже не будет конца. Требования будут расти и расти. Запад уже сдался, и мы тоже начинаем уступать. С этим надо покончить. Уступать нельзя.

Решение "не уступать" было принято почти бессознательно. Иерухам Амитай, великолепный летчик и

прекрасный человек, спасшийся чудом из оккупированной гитлеровцами Варшавы, не дожид до этого дня. Он погиб в авиационной катастрофе вскоре после событий 1972 года, когда Уганда выслала все представительства Израиля — военное, дипломатическое и техническое.

Амитаи был человеком безмерной отваги. Он бы никогда не смягчился после того, как в газетных заголовках появилось жуткое слово "селекция".

Теперь, после того как в Уганде освободили еще 101 заложника, это слово было у всех на устах. В руках террористов остались только заложники-евреи да еще французский экипаж самолета, командир которого, Мишель Бако, отказался уехать и убедил свою команду сделать то же самое. Мишель Бако и его товарищи считали своим долгом быть свидетелями происходящего преступления.

Картину происшедшего рисует рассказ одной из освобожденных заложниц, 62-летней Юлии Ойзерман. Она рассказала:

Во время остановки в Афинах я заметила двух молодых арабов, которые почему-то тащили с собой банки консервированных фиников. Один был рыжий; позднее я узнала, что он носил парик. За ними в самолет вошла пара немцев. Женщина лет 28, на ней были синие чулки, синяя юбка и голубая блузка. Волосы темные, странного цвета. Потом я обнаружила, что она тоже носила парик. Мужчина, который выглядел немного старше, прошел вместе с ней в отделение 1-го класса.

После взлета я увидела, что стюард разговаривает с одним из арабов и поднимает руки вверх. Он отступил назад, лицо его выражало страх. Видно, араб наставил на него автомат. Я не верила своим глазам. Я думала, что это мне снится.

Затем я увидела, как весь обслуживающий персонал — стюарды и стюардессы — поднимают руки вверх и ложатся на пол, лицами вниз. Одна из стюардесс была близко от моего кресла. Она лежала на полу, держа руки на затылке.

В отделении первого класса оба немца бросились к кабине пилотов. Я была слишком далеко, чтобы видеть, что там происходит, но пассажиры этого отделения потом все нам рассказали.

Все произошло с ужасающей быстротой. В туристское отделение, где мы сидели, прибежала немка и начала что-то кричать по-немецки. Я не понимала, что она говорит, но несколько раз услышала "Че Гевара". Потом одному из стюардов, говорящему по-английски, приказали переводить. Нам объявили, что мы похищены во имя "арабской и мировой революции". Нам было запрещено двигаться — любое лишнее движение могло повлечь выстрел. Нам сказали, что самолет теперь называется "Арафат". Немка добавила, что вместо слов "Эр Франс" мы должны употреблять слово "Арафат". Невысокий бородатый мужчина, который говорил по-французски с сильным еврейским акцентом, попытался возражать. Похитители столкнули его на пол и нещадно избили, причем в основном это делала немка. Мы застыли в своих креслах. Старший стюард сказал нам, что беспокоиться не о чем, все будет в порядке. Но сам он дрожал, как осиновый лист. Поразительно, но мы успокоились. Матери ухаживали за детьми, другие пассажиры просто сидели молча, были даже такие, которые продолжали читать газеты или книги.

Никто из нас не знал, куда летит самолет; мы знали только, что не в Париж. Когда я, попросив разрешения, пошла в туалет в сопровождении немки, я увидела, как арабы и немец что-то говорят в радиопередатчик.

Прежде всего похитители конфисковали у нас паспорта и другие документы. Они записали каждый ото-

бранный у нас документ. После этого по проходу прошли стюардессы, предлагая напитки и бисквиты, как будто бы ничего не произошло.

Бенгази, где мы приземлились в полдень, был для нас только географическим названием — ничем больше. Старший стюард объявил: "Бенгази!" — и так мы узнали, где находимся. Мы знали — и я и мои соседи, — что наш визит в арабскую страну, которая стремится уничтожить Израиль, не сулит ничего хорошего. Конечно, Ливия для нас не тихая пристань.

Прошел час, потом другой, а мы все сидели в молчании, подавленные тяжелым предчувствием. Когда самолет наконец взлетел, стало легче; кто-то сказал, что мы летим на юг. Остальные молчали: похитители не разрешали разговаривать. Особенно свирепствовала немка: она расхаживала по проходу, одной рукой почесывая голову, вернее, свой парик, а в другой держа гранату; и снова и снова рычала на нас, чтобы мы молчали.

Я слышала, как шептались члены команды: они утверждали, что бандиты с самого начала знали, куда мы направляемся и что старшему пилоту показывали карту с отмеченными на ней точками. Но я все еще не знала, куда именно мы летим.

Мы приземлились, когда было еще очень темно, что-нибудь около 3.30 утра. Стюард сказал, что мы в Уганде.

Уганда? Никто из моих соседей не знал, где она находится и вообще, что это такое. Затем кто-то сказал, что это страна Иди Амина. Признаюсь, я испугалась. Для меня Амин и Гитлер — это одно и то же. Амин всегда вопил, что восхищается Гитлером. Сперва немка выкрикивала приказы и бросала на нас ужасающие взгляды, а теперь — страна Иди Амина. Мне показалось, что я снова попала в кошмарный мир Второй мировой войны — мир концлагерей.

Несколько часов мы просидели в ожидании, не выходя из самолета, — никто не знал, почему. Через иллюминаторы мы видели здание аэропорта, аэровокзал, угандийских полисменов и солдат, бегущих к самолету. Потом включили мощные прожекторы, и стало светло, как днем.

Мы просидели так до 10 утра. Затем дверь самолета открылась, и нам разрешили сойти по одному. Нас провели в центральное помещение аэровокзала, откуда было видно озеро Виктория. Вот уж не думала, что когда-нибудь его увижу!

Через несколько минут над нами появился вертолет. На нем прилетел Иди Амин со своим сыном, семи или восьми лет. Отец и сын были одеты в одинаковую форму, с одинаковыми украшениями и медалями.

Иди Амин вошел в зал, улыбаясь, пожимая руки направо и налево. "Добро пожаловать в Уганду, добро пожаловать в Уганду!" — снова и снова повторял он.

Иди Амин сказал, что постарается сделать все, чтобы наше пребывание в Уганде было максимально удобным. В зале появилась толпа африканок — они несли для нас кресла. По-моему, кресел хватило на всех, нас было человек 250. Потом подали завтрак: чай, бананы, хлеб, масло, яйца и даже картофель. Иди Амин, поощренный нашими аплодисментами, произнес длинную речь.

"Палестинцам должно быть предоставлено право иметь собственное государство, — сказал он. — Сионисты и империалисты лишают их государства". Он рассказал о своей недавней поездке в Дамаск; он посетил там еврейскую общину и заверял нас, что с евреями Дамаска обращаются хорошо. "Не беспокойтесь о них, — сказал он, — сирийцы присматривают за ними и удовлетворяют все их нужды".

С ним были врач и медсестра. Они спросили, есть ли среди нас больные или нуждающиеся в медицинской

помощи. Врач был похож на араба, и несколько человек сказали, что он — палестинец. Он осмотрел несколько больных, но очень поверхностно и наскоро. Один из пассажиров — Соломон Рубин — страдал сердечной недостаточностью: врач дал ему несколько таблеток аспирина.

Всю ночь нас охраняли двое похитителей с автоматами. Я заметила, что немцы — мужчина и злобная женщина — ни на минуту не присели. Немец не расстался с автоматом, который раньше был спрятан у него под пиджаком, на спине. Таким способом он пронес его в самолет в Афинах.

Все похитители были хорошо вооружены и явно намеревались довести до конца начатую операцию. У немца, как я уже сказала, был автомат, остальные в одной руке держали пистолеты, в другой — ручные гранаты. Террористы и угандийцы были, по-видимому, в прекрасных отношениях. Перед сном нас предупредили, что каждый, кто попытается перейти запретную линию, будет убит на месте.

Угандийские солдаты были размещены по крайней мере в 20 ярдах от нас. Судя по нашим впечатлениям, они помогали террористам нести охрану.

После того, как нас привезли в Энтеббе, похитители получили подкрепление. К ним присоединились еще двое, с виду палестинцы. Кто-то сказал, что это члены местного отделения НФОП в Кампале. Во всяком случае, вооруженные террористы вместе с угандийскими солдатами, которые окружали нас и, по-видимому, сотрудничали с террористами, пресекали любую попытку к сопротивлению.

Иди Амин снова посетил нас. Он сказал, что делает все, что в его силах, чтобы добиться освобождения пожилых людей, инвалидов и матерей с маленькими детьми. Под конец он заявил, что похитители решили освободить 40 человек, но он уговорил их освободить 48.

В течение всего времени, что мы находились в здании аэровокзала, мы ни разу не видели французского посла и вообще никого, кроме наших похитителей, Иди Амина, его телохранителей и африканской obsługi.

Вторник был грустный, мучительный. Вечером, как раз перед ужином, появился немец со списком в руках. Когда он стал его оглашать, на четвертой или пятой фамилии стало ясно, что фамилии — только израильские. Люди, которых он вызывал, брали свои вещи и переходили в другую комнату. Многие плакали. Мы, оставшиеся в прежнем помещении, чувствовали себя прескверно. Это была ужасная сцена — этот немецкий акцент и селекция!

83 человека ушли. Через несколько минут за ними пошел Иди Амин. Мы не слышали всего, что он говорил, — только обрывки фраз. Несколько раз он сказал на иврите "шалом". Когда он кончил, израильтяне захлопали. Это была ужасная ночь, хотя и я, и многие другие знали, что скоро будем освобождены.

В среду, то есть вчера, мы уже знали, что для нас все позади. Амин опять посетил нас. Мы, счастливы, которых должны были освободить, готовились к отъезду. Иди Амин подал каждому руку, пожелал приятного путешествия и опять заверил нас, что он наш друг.

Французская монахиня, которая была в списке освобождавшихся, заявила протест. Она хотела остаться, чтобы вместо нее освободили кого-нибудь другого — пожилого человека или инвалида. Еще одна француженка, лет 55, предложила то же самое. Но очень скоро стало ясно, что список окончательный и пересмотру не подлежит.

Нас привезли на автобусе во французское посольство, где уже ожидал посол. Тут мы и увидели его в первый раз. Он пожал нам руки, нас угостили апельсиновым соком, затем перевезли в новый аэропорт и посадили в самолет. Вот и все. Через 9 часов полета

мы прибыли в Париж. Для нас все было позади.

Для нас — но только для нас. Никто из вернувшихся не знает, что там происходит сейчас и какова будет судьба тех, кто остался. Ясно, что похитители способны на все: свыше двухсот заложников находятся в их руках.

Моше Перец, израильский студент-медик, продолжал свои записи и в четверг.

8.00. Обычное времяпровождение: завтрак, стирка одежды, дети на лужайке, домашний арест.

12.00. Появляется Амин в военной форме вместе с сыном и сообщает, что пока что переговоры провалились из-за упрямства израильского правительства. Он говорит, что ведет переговоры с правительством Израиля через своего хорошего друга, полковника Бар-Лева, и что ему удалось продлить срок ультиматума до 11 утра в воскресенье. Израильцы угнетены; они тихи, печальны, разговоров мало — каждый погружен в себя. Дети играют по-прежнему.

14.00. Освобождена вторая партия французов. Теперь остались только израильцы, 20 молодых французов и команда. Тем временем террористы придумали новое развлечение: они выкликают фамилии израильцев, и каждый названный должен поднять палец. Террорист долго испытующе смотрит на него и делает какую-то таинственную отметку в своем списке. Что это — знак жизни или смерти? Это ужасно. Один мальчик лет 16 не сразу поднял руку; за это араб ударил его и разорался. Прошел слух, что четырех пассажиров пытали электрическим током и угрожали убить. Действительно, четверых уводили в соседнюю комнату. Одного мужчину избили, одну из женщин запугивали всякими ужасами.

16.00. Нас приводят обратно в центральный зал. Мы чувствуем, что и мы, и оставшиеся французы, и

команда — одно целое. Приятное чувство (при таких обстоятельствах).

18.00. Мы узнаем новость, которая заставила нас всех прыгать от радости. Израильское правительство полностью приняло требования террористов! Какое счастье! Все целуются и обнимаются, как будто заново на свет родились. Эту новость сообщил капитан нашего самолета. Однако некоторые пассажиры говорят, что это решение вызывает у них неприятный осадок. Конечно, мы будем на свободе, но сам факт уступки означает, что действия террористов против гражданской авиации приобретут большой размах.

20.00. Мы собираемся спать и готовимся к завтрашнему отлету домой.

8

ПЕРЕХОД К ПЛАНУ Б: НАПАДЕНИЕ

Пока заложники и их семьи радовались в ожидании предстоящей встречи, подавленное настроение овладело населением Израиля: все испытывали чувство беспомощности и унижения. То же настроение было и в кабинете министров. Некоторые министры утверждали, что эта уступка — хоть селекция и не оставляла другого выхода — нанесет еще один удар по позиции правительства: антитеррористическая кампания в Израиле потеряет всякий смысл.

Решение кабинета уступить, конечно же, не было уловкой. Тем не менее премьер-министр Рабин, как это ему свойственно, все еще пытался выиграть время. Часы. Дни. К пятнице 2 июля объединенные разведывательные службы начали склоняться к варианту Б, военному.

Полиция многих западных столиц и военные специалисты по терроризму поставляли в Израиль инфор-

мацию, не обращая внимания на робость политиков и официальную позицию правительств. Сама по себе возникла тайная сеть, как вызов тирану и его союзникам-террористам. Президент Амин был марионеткой в руках своего "Государственного исследовательского управления", организованного его русскими советниками и набитого тщательно обученными ставленниками палестинских партизан. Названием "Государственное исследовательское управление" прикрывалась секретная полиция, такая могущественная, что сам Большой Папа, несмотря на весь свой опереточный блеск, играл в ней роль статиста. Все это выяснилось из разведывательных данных, полученных по многим каналам.

Из Западной Германии пришли сведения о Вильфриде Бёзе, в котором предположительно опознали немца, объявившего себя командиром захваченного самолета.

Из Канады пошел целый поток материалов, собранных Гаем Тупином, начальником службы безопасности на Олимпийских играх в Монреале в 1976 году. Более года Тупин работал в тесном контакте с полициями десятков стран, готовящихся к Олимпийским играм. Он живо помнил зверское убийство израильских спортсменов в Мюнхене в 1972 году. Это было делом рук палестинских партизан, и Тупин подчеркивал, что угандийский президент послал тогда в ООН телеграмму, в которой выразил свое восхищение по поводу свершившейся бойни, и восхвалял Гитлера за убийство 6 миллионов евреев. Не в Уганде ли находились те, кто планировал преступление в Мюнхене?

Быстрота и деловитость "капитана" Вильфрида Бёзе при захвате авиалайнера подтверждались в сообщении, которое команда самолета переправила из Уганды. Мишель Бако, стройный седой командир самолета, заявил, что ни он, ни его команда ни при каких обстоятельствах не покинут Уганду без всех пассажи-

ров. Когда две партии заложников были освобождены, он послал с ними подробный отчет о том, что произошло на маршруте Афины — Бенгази. "Это было опасно, опасно для него самого, — сказал позднее израильский министр. — Но это было в его характере. Капитан Бако даже подметал полы и стелил постели для больных пассажиров, он советовал им, что говорить и как себя вести, чтобы не раздражать террористов. Самым важным, однако, было его сообщение, что руководители террористов, угнавших самолет, находятся сейчас в Уганде".

Шимон Перес, министр обороны, который родился в Польше, а в Израиле научился летать, был восхищен действиями капитана Бако. В пятидесятые годы Пересу удалось наладить хорошие отношения между Францией и еврейским государством, благодаря чему Израиль смог приобрести французские истребители типа "Мираж". "Мираж" был затем усовершенствован израильскими учеными и конструкторами, которых Перес мобилизовал для этой цели, когда работал в министерстве обороны под руководством Давида Бен-Гуриона. Этот израильский вариант "Миража" стал одним из лучших в мире истребителей.

Все эти дни через кабинет Переса шел нескончаемый поток солдат и летчиков. С момента возникновения кризиса Перес считал, что уступка террористам — величайший риск.

— Что толку в разговорах о свободе, если люди боятся жертв ради нее? — спрашивал он у начальника генерального штаба Мордехая Гура.

Это был риторический вопрос. Гур был всецело за план Б, хотя перед истечением первого срока, поставленного террористами, он еще не мог представить никакой конкретной программы действий. Всю неделю он выслушивал идеи своих подчиненных. К пятнице отчаянные прожекты были отброшены, и все внимание

сосредоточилось на одном-единственном плане освобождения, который казался наиболее безопасным и надежным.

При обсуждении плана Б учитывались следующие соображения, сжато сформулированные Пересом:

1. Президент Амин наслаждается неслыханным "паблисити", и именно террористам он обязан тем, что на него смотрит сейчас весь мир. Нет никакой возможности убедить Амина сотрудничать с Израилем, однако все указывает на то, что он, как и террористы, хочет продлить этот спектакль как можно дольше. Поэтому Гур должен составить точный план действий, исходя из того, что время для репетиций еще есть.

2. Известно, что шесть ведущих террористов прибыли в Уганду из Сомали наземным транспортом, чтобы избежать обязательной в аэропортах регистрации. Президент Амин во время одного из разговоров с Бар-Левом говорил, что рядом с ним стоит "номер один". Это мог быть доктор Хадад, который стремился "выдоить" из возникшей ситуации все, что возможно для пропаганды, как среди самих палестинцев, так и среди внешнего мира.

3. Президент Амин попытается использовать для саморекламы конференцию ОАЕ и затем поспешит назад, чтобы не пропустить окончания срока ультиматума.

4. Есть основания опасаться, что террористы действительно начнут убивать заложников в воскресенье, причем будут убивать их по одному, с большими промежутками, чтобы продемонстрировать всю серьезность своих угроз.

5. Угандийское Государственное исследовательское управление будет держать под контролем безумные приказы Амина до воскресенья, а затем секретная полиция может усмотреть некую выгоду в демонстрации жестокости.

Поэтому освободительная операция должна быть проведена в ночь на воскресенье, не позднее чем за шесть часов до рассвета 4 июля, когда могут начаться казни.

Из Канады был пущен ложный слух, что Шакал находится в Монреале. Распространены были и другие слухи, имевшие целью убедить похитителей в том, что никто не отождествляет немца - "капитана" с Вильфридом Бёзе, никто не подозревает о присутствии лидеров террористов в Уганде и Сомали и, наконец, что Израиль находится в полном одиночестве.

Шакал, известный также под кличкой "Карлос" (настоящее имя - Ильич Рамирес Санчес), прошел примерно тот же курс обучения, что и убийца Троцкого, которого сам Сталин послал уничтожить своего личного врага. Существовал слабый шанс поймать Карлоса в Энтеббе, и 2 июля из данных американской и европейской разведок было срочно составлено его досье. За ним числилось убийство двух парижских полисменов, похищение министров стран ОПЕК на венской конференции и другие акты насилия. Немец, который сторожил теперь заложников в Энтеббе, был его компаньоном и техническим советником.

- Хорошо бы взять их живыми, - сказал офицер разведки, изучая дело Шакала.

Министр обороны Перес с сомнением покачал головой:

- Главное - освободить заложников. Но - посмотрим...

Предложение послать в Уганду генерала Моше Даяна все-таки проникло за барьер, воздвигнутый генштабом против безумных проектов. Одним казалось, что Моше Даян сумеет каким-то образом захватить лидеров террористов, другие вспоминали роль, которую он много лет назад сыграл в истории с Насером, третьи думали, что это польстит Амину.

— Я лично не видел в этом ничего, кроме унижения и риска потерять Даяна, — сказал позднее Рабин.

Имя Даяна, солдата с черной повязкой на глазу, который в глазах всего мира был как бы символом Израиля, возникло, когда все задавались вопросом: "Можем ли мы захватить Хадада или кого-нибудь другого из главных террористов живыми?"

Большой Папа беспрестанно вспоминал о Даяне в своих телефонных разговорах с "Борькой" — Бар-Левом. Даяна даже как-то попросили позвонить африканскому диктатору. Даян ответил:

— Если он хочет со мной разговаривать, то уж лучше вести разговор лицом к лицу.

Вот откуда возникла эта идея. И поскольку ранее начальник штаба объявил, что для связи с командованием открыты все пути ("Мы будем рассматривать любые варианты"), этот план был также рассмотрен специальной комиссией.

Еще за 25 лет перед описываемыми событиями, когда Даян был военным комендантом Иерусалима, за ним упрочилась репутация человека, умеющего убедить своих врагов дипломатическим путем в тех случаях, когда он не "убеждал" их на поле брани.

Больше всего премьер-министр Рабин боялся, как бы до Даяна не дошло, что его хотят послать в лагерь заложников. Этого отчаянно смелого и решительного человека невозможно было бы остановить. Стремительная спасательная экспедиция вполне подошла бы к его темпераменту, но могла бы навлечь на Израиль обвинение в безрассудном и опрометчивом использовании военной силы.

— И все-таки я должен был проанализировать и это предложение и приготовить против него контрдоводы, — сказал Рабин. — Каждый план, поступавший в специальную комиссию, обсуждался долго, по всем правилам, как будто у нас было время выслушивать все за и против. Если бы Даян поехал, его бы скорее

всего убили. Но если бы даже ему удалось обольстить Амина, тому могло бы прийти в голову унизить его, как он унизил английского генерала, которого королева послала в Уганду. Генералу, приехавшему просить освобождения людей, приговоренных к смерти, во время очередной авантюры диктатора пришлось публично встать на колени.

И все-таки план отправить в Энтеббе посольство обсуждался. Но это не было пустой тратой времени. Детали, которые при этом разбирались, могли пригодиться и на случай военной акции. Как оказалось, Даян обо всем узнал и был готов отправиться в Энтеббе. Однако он понимал, что ставкой в игре служит нечто большее, чем его жизнь. Угандийская секретная полиция ничтоже сумняшеся могла передать его террористам. Даян только что ознакомился с сообщением из Ливана, подтверждавшим стремление НФОП привлечь мировое внимание: "Рейс "139" был похищен, чтобы напомнить миру о нашем решении изгнать сионистов и заменить Израиль обществом социалистической демократии. Французский самолет — возмездие Франции за интервенцию в Ливане, призванную отвлечь внимание от наших проблем".

Это были речи тех, кто выступал от имени палестинцев в Уганде. Даян вовсе не стремился попасть в ловушку. Не хотелось ему и выглядеть пенсионером, который лезет не в свои дела, вместо того чтобы заниматься своей археологией. Он просто предложил раздать описания террористов возможным участникам военного рейда.

Предложение было принято.

— В таком случае, — сказал Даян, — если вы вообще хотите знать мое мнение, то я на 150% за военную операцию.

И так как к этому времени в Израиль поступила новая информация — от ЦРУ, ФБР, Французского управления территорий, секретного отделения Королевской

канадской полиции, освобожденных заложников и собственных израильских осведомителей в правительстве Большого Папы, участникам специальных отрядов, кроме описаний, были также розданы и фотографии террористов.

Некоторые молились о том, чтобы удалось захватить живыми террористов, которые, как, например, Шакал, знают, кто поддерживает новые террористические организации, где и как они действуют. Величайшим успехом было бы схватить доктора Вади Хадада, которого считали автором требований, предъявленных Иерусалиму. Израильская разведка описывала Хадада так: "Человек, который, как русские анархисты XIX века, живет вне закона, игнорирует его и получает огромное удовлетворение от сознания, что он ничем не связан с миром и подчиняется только собственным правилам".

9

ДОКТОР ХАДАД — ОРГАНИЗАТОР ТЕРРОРА

Новые данные укрепили министра обороны в убеждении, что необходима военная акция.

— Если Израиль уступит террористам, — говорил он в критические часы между четвергом и пятницей, — катастрофа постигнет всю страну. Я считаю, что мы должны относиться к заложникам, как к солдатам на фронте.

Он говорил спокойным, ровным тоном, стоя под портретом Бен-Гуриона, и тот, кто его слушал, позднее рассказывал, что казалось, будто сам Бен-Гурион — этот упорный, мятежный, несгибаемый человек, как назвал его когда-то Перес, — находится среди них.

— В нем воплотился дух еврейского народа, — сказал тогда Перес.

И молодым командирам, которые бесконечным потоком проходили через кабинет Переса с оперативными планами (от похищения Амина до более умеренных вариантов освобождения заложников), казалось, что перед ними человек, который сможет наконец утолить горечь воспоминаний о последней войне, которая всего лишь три года назад чуть не уничтожила Израиль.

Военные командиры типа Дана Шомрона видели и понимали, что времена изменились, что отдельные антиизраильские группы превратились теперь во всемирную террористическую организацию, которая ставит своей целью установление во всем мире закона джунглей, полную изоляцию Израиля и исключение его из мирового сообщества. При этом прочие государства все чаще капитулируют перед грубой физической силой ради собственной безопасности и готовы поступиться любыми моральными принципами.

Военные специалисты не боялись нанести удар в самое сердце Африки. Летчики доложили, что приземление ночью на затемненном аэродроме, окруженном вражескими войсками, не представляет никаких проблем. На флоте есть корабли, способные обеспечить электронную защиту.

Но что скажет мировое общественное мнение? Потери во время освободительной акции могли быть очень велики. Эксперты Переса тщательно изучали каждый предложенный план с этой точки зрения. Мир все еще не хотел верить, что терроризм — это настоящая война, хоть и необъявленная, война против традиционной структуры демократического общества, созданного с такими мучениями, путем бесконечных проб и ошибок.

Перес и другие члены комиссии прекрасно знали, кто является их истинным врагом в Уганде. Перед Пересом лежал подробный доклад. Штаб-квартира террористов находилась в Сомали, которое объедини-

лось с арабской Лигой против Израиля три года назад. Уганда была первой страной, оказавшей помощь террористам; если операция террористов будет иметь успех, примеру Уганды последует соседнее Сомали и другие страны. Из Сомали прибыл доктор Хадад.

Доктор Хадад был такой же таинственной фигурой, как и Шакал, и приближался день, когда израильской разведке предстояло опубликовать все, что она о нем знала.

11 июля 1970 года Хадад чудом спасся от смерти. Тот факт, что он выжил, оказал огромное влияние на деятельность палестинских террористов по всему миру. Эта история была воссоздана ливанской службой безопасности:

Ракетная атака на дом Хадада 11 июля напоминала обстрел помещения НФОП в сентябре 1969 года. Но на этот раз мишенью был дом доктора Вади Хадада, одного из руководителей НФОП, возглавляемого Джорджем Хабашем. Хадад, 40-летний палестинец, считается человеком №2 в НФОП и основателем Арабского националистического движения.

Во время обстрела у Хадада гостила Лейла Халед, принимавшая участие в угоне американского самолета в Дамаск в августе 1969 года.

В 2.14 мин. в доме Хадада раздался взрыв. С шестого этажа здания напротив, с расстояния приблизительно 100 м, были выпущены шесть ракет "Катюша" советского производства. Три из них попали в гостиную и спальню. Две не взорвались. В доме вспыхнул огонь. Были повреждены двери, окна и машина на улице.

Сам Хадад был легко ранен. Его жена и восьмилетний сын получили ожоги и были доставлены в госпиталь при Американском университете.

В квартире, откуда были выпущены ракеты, полиция обнаружила самый обычный шкаф, кровать, дешевые предметы обстановки и хирургические перчатки.

Вероятно, преступник использовал их при сборке ракет, чтобы не оставить отпечатков пальцев. Как стало известно, эту квартиру снимал некий Ахмед Бацрат, обладатель иранского паспорта, прибывший в Бейрут 3 месяца назад. Подозреваемый оставил на ракетной устновке надпись на английском языке: "Сделано Фатх". 1970 г."

Доктор Хадад принимает активное участие в НФОП; он полностью посвятил себя этой деятельности, оставив свои занятия медициной (Хадад окончил Американский университет). Он очень близок с Хабашем, постоянно в разъездах и нигде не останавливается надолго.

Информационное отделение НФОП опубликовало коммюнике об инциденте, обвиняя израильских врагов и американские разведывательные круги в покушении на убийство. Хадад заявил, что обстрел дома был делом рук сионистских и американских организаций.

Подозреваемый Ахмед Бацрат, худошавый темнокожий человек лет 30, говорил, что не владеет арабским и практически ни с кем не встречался.

Следствие пыталось установить, каким образом террористу удалось обнаружить дом Хадада и как он узнал, что Лейла Халед находилась там же, особенно учитывая то, что Хадад всего за два дня до этого вернулся в Бейрут из Франции.

Выяснилось, что террорист прибыл из Европы и что он летал на самолетах "Люфтганзы" и "Эр Франс", о чем свидетельствовали ярлыки на его чемоданах, оставшихся в квартире. Два из них имели фальшивые стенки и дно. Вероятно, террорист использовал их, чтобы провезти ракеты через бейрутский аэропорт.

Стало очевидно, что Ахмед Бацрат был главным среди тех, кто участвовал в обстреле дома Хадада, и

что он был не один, ибо для осуществления этой операции требовалось участие еще нескольких человек. Бацрат, видимо, был единственный член группы, которому было приказано действовать открыто.

Арафат осудил этот акт и заявил, что преступная операция была звеном в цепи подпольных интриг, сплетенных контрреволюцией, чтобы дискредитировать палестинское сопротивление. Арафат добавил, что этому акту предшествовали многие другие, например, ракетный обстрел помещения ООП в Бейруте и попытка убийства там же в Бейруте Халеда Ясрами.

Ахмед Бацрат мог провезти ракеты либо в самолете, либо тайком переправить их через границу, либо купить на местном черном рынке. В любом случае ему требовалась помощь местной подпольной сети: кто-то должен был расставить наблюдательные посты, запланировать время операции, снять квартиру, заготовить оборудование. Агент — это специалист, который появляется, когда все готово, наводит ракеты на цель, устанавливает часовой механизм и исчезает.

Можно почти с уверенностью утверждать, что существует подпольная сеть, направляемая специальными агентами. Для ее раскрытия требуются усилия контрразведки и полиции на высоком научном уровне, однако прежде всего должны быть приняты меры устрашения.

Известно, что некий Ахмад Рауф приехал из Западной Германии и затем вернулся туда, так же как поступил и Ахмед Бацрат, оставивший в покинутой квартире западногерманские документы. Таким образом, ответственность за происшедшее должна нести также немецкая служба безопасности, которая уже во второй раз пропустила через свои аэропорты владельцев фальшивых паспортов.

Великая тщательность, с которой террористы заматали свои следы, наводит на мысль, что вещественные

улики, найденные в квартире, были там оставлены не случайно. Следствие предполагает, что ракеты были куплены в Ливане, а не привезены из-за границы. Улики, оставленные в квартире, были специально изготовлены.

Хадад всегда без колебаний использовал похищение самолетов для финансирования своей террористической деятельности. Классическим примером является угон в Аден самолета авиакомпании "Люфтганза" в феврале 1972 года, когда цена освобождения заложников составила 5 миллионов долларов.

Разведка сообщила тогда, что все нити ведут к доктору Вади Хададу, который является офицером НФОП.

Но западногерманская служба безопасности вначале решила, что похищение "Джамбо" совершили или гангстеры, или (ввиду того, что операция была выполнена столь профессионально) "это блестящая работа израильской "Шин Бет"* с намерением дискредитировать палестинцев".

Министр транспорта Гад Якоби, чье министерство отвечало за безопасность пассажиров, перечитал дело Хадада, вспомнил о том, какой груз лег на плечи Израиля, и вскипел.

В течение всего кризиса Якоби негодовал, что другие нации уклоняются и не хотят принимать мер против террористов. Слишком многие правительства боялись затронуть чувствительность арабов, азиатов и африканцев.

— Однако никто еще не похищал самолетов коммунистических стран! — сухо заметил Якоби. — В истории с рейсом "139" мы сделали все и всю ответственность взяли на себя, — сказал он. — С начала и

* Шин Бет — израильская контрразведка.

до конца Израиль встречал у прочих правительств только равнодушие.

Ощущая свое одиночество в борьбе против международного терроризма и чувствуя, что западные страны предпочитают по политическим причинам скорее недооценивать силу воздушных пиратов, 2 июля, в пятницу, Израиль предоставил возможность заинтересованным лицам ознакомиться с дополнительной информацией о Вади Хададе. Это был подготовительный ход, имевший целью обезоружить тех, кто станет критиковать Израиль в случае провала освободительной акции в Энтеббе.

Сторонники Хадада принадлежат к отколовшейся от НФОП группировке, которая похитила рейс "139". Они стремятся расширить террор против Израиля за пределами его границ, сотрудничая с неарабскими подпольными организациями.

Члены этой фракции почти не занимаются идеологической пропагандой и информационными сообщениями. Они сосредоточили усилия на демонстративных акциях. Численность их невелика, но их преимущества — хорошая организация, оперативный опыт и использование международных связей.

Вади Хадад, 46 лет — христианин. Родился, по видимому, в Цфате, но юность провел в Иерусалиме. Его отец, Элиас Нашралла, был одним из наиболее известных учителей в Палестине в последние годы Оттоманской империи и во времена британского мандата.

Хадад изучал медицину в Американском университете в Бейруте вместе с Джорджем Хабашем. Вдвоем они основали Арабское националистическое движение — организацию, которая распространилась по всему арабскому миру и установила связи с Насером.

Когда в конце 1967 года возник Народный Фронт Освобождения Палестины (НФОП), Хадад быстро стал

в нем главной фигурой. Это ему принадлежала идея угона самолета "Эль Аль" в Алжир в 1968 году — первый случай в цепи дальнейших похищений. Это он нашел и обучил Лейлу Халед (которая из осторожности даже не упомянула о нем в своих мемуарах).

Доктор Хадад начал свою подпольную деятельность в 1963 году в Иордании, когда открыл (вместе со своим другом Хабашем) глазную клинику в Аммане, служившую прикрытием для деятельности Арабского Националистического Движения. В клинике был маленький печатный станок, печатавший листовки, в которые заворачивались лекарства (для нуждающихся палестинцев).

После шестидневной войны Арабское Националистическое Движение превратилось в НФОП, который возглавил Хабаш. Хадад стал главным исполнителем.

Когда штаб НФОП переехал в Бейрут, квартира Хадада, недалеко от центральной улицы Аль-Хамра, стала оперативным центром организации. Здесь Хадад встречался со своими помощниками; здесь он планировал первые удары по Израилю вне его границ.

Именно доктору Хададу принадлежала мысль распространить террористическую войну с Израилем за его пределы. Первой акцией была попытка убить Бен-Гуриона во время его кратковременной остановки в Дании. После этого Хадад начал угоны самолетов. Это по его плану самолет "Эль Аль" был угнан в Алжир, а самолет американской авиакомпании — в Дамаск (операцией командовала Лейла Халед); рука Хадада видна и в наиболее крупной и сложной операции — одновременном похищении трех самолетов.

Доктор Хадад — человек приятной наружности; во все свои операции он включает женщин, в том числе своих любовниц. Например, в самой первой операции (в Дании) принимала участие прекрасная Муна Сауди, художница. Потом была Лейла Халед, потом — ее приемница из Ирака, очаровательная Кати Томас, воз-

главлявшая похищение японского "Джамбо" и убитая при взрыве гранаты.

Хадад редко появляется на людях. Он почти никогда не фотографируется и чрезвычайно осторожен в своих перемещениях и путешествиях.

"Люфтвагза" и западногерманские власти уступили требованиям Хадада, так что этот террорист получил возможность финансировать свои дальнейшие операции.

В июле 1973 года люди Хадада, опять под командой женщины, похитили японский самолет и потребовали 15 миллионов долларов. Самолет был уничтожен на взлетной полосе в Бенгази.

12 апреля 1976 года Хадад начал готовить новую волну террора и организовал по всему миру пропаганду террора против Израиля.

Итак, на основании всего этого можно сказать, что вряд ли найдется среди палестинцев еще один человек, столь же опытный в терроризме и имеющий такие же широкие международные связи с различными террористическими организациями. В течение многих лет Хадад держал в своих руках связь с немецкими, южноамериканскими, японскими, скандинавскими и многими другими террористами, которые также готовы принять участие в саботаже и убийствах.

Только Вади Хадад мог при существующих обстоятельствах организовать группу, включающую иностранцев, для похищения рейса "139". У Хадада есть друзья и помощники не только среди террористов. В этот список можно включить также Муамара Кадаффи в Ливии, Иди Амина в Уганде, а также руководителей Ирака и Южного Йемена.

Хадад набрал себе помощников из членов японской Красной Армии, которые впервые появились на арене международного терроризма, устроив кровавую бойню в тель-авивском аэропорту Лод в мае 1972 года.

За последние пять лет список подобных злодеяний стал длинным и страшным. Не все попытки Хадада оказывались успешными. Иногда у него бывали и неудачи. Но человек, подобный Хададу, не сдаётся. Потерпев неудачу в одном месте, он тут же принимается за дело в другом, так что итог неизменно оказывается в его пользу.

Передвижения Хадада содержатся в строгой тайне: время от времени он появляется в различных частях мира — в Юго-Восточной Азии, в Европе, в Южной Америке, в нефтяных эмиратах и, конечно же, в местах, где он всегда получает поддержку, — в Ираке, Ливии, Уганде, Сомали, Южном Йемене.

Хадад поставляет для самых различных — не только палестинских — операций документы, деньги, оружие и взрывчатку. У него друзья в банде Бадер-Майнхоф, в японской Красной Армии. Он пожимал руку Шакалу.

До того как Хадад приступил к подготовке и осуществлению похищения рейса "139", он потерпел неудачу в аэропорту Лод в Израиле. Хадад послал туда немца Бернарда Хаусмана в качестве "ходячей бомбы". Хаусман приехал в Израиль из Вены, не подозревая о том, что палестинские друзья установили в его чемодане взрывной механизм, который должен сработать при открывании замков. Он благополучно прошел небрежный досмотр в Вене и сел со своими бомбами в австрийский самолет.

Его заподозрили в тот самый момент, когда он сошел с трапа самолета в Израиле. Следившая за ним женщина — офицер безопасности — попросила его открыть чемодан. Он доверчиво открыл замок, и в ту же секунду взрыв потряс здание аэропорта. Хаусман и женщина-офицер были убиты. Чудом была предотвращена трагедия, подобная той, которая произошла в Лод 4 года назад по милости японских помощников Хадада.

Израильские и немецкие власти, изучив прошлое Хаусмана, получили представление, как Хадад вербует к себе на службу немецких анархистов. Если бы Хаусман не был убит в Лоде, спустя 4 недели он отпраздновал бы свой двадцать шестой день рождения.

Хаусман прошел обучение в лагере НФОП. Очень возможно, что он сотрудничал с Шакалом.

Подобным же образом Хадад вербовал японцев, южноамериканцев, французов и скандинавов для своего "террористического интернационала". Так была составлена и группа для похищения рейса "139". Немка, которая командовала пассажирами по пути из Афин в Уганду, была близка с Хаусманом. Ее палестинские друзья не сказали ей, что он был послан в Израиль в качестве "ходячей бомбы", а просто сообщили, что "израильтяне убили твоего друга Хаусмана". Она решила отомстить за него, и это, возможно, объясняет ее дикое поведение в течение всей этой недели.

Это некоторые из данных, включенных в приготовленную разведывательной службой краткую биографическую сводку с целью обосновать и оправдать крайние меры, принятые Израилем в необъявленной войне с международным терроризмом — операцию "Молния".

10

РАЗВЕДКА СОБИРАЕТ СВЕДЕНИЯ

Операция "Молния" беспрецедентна в истории. Не говоря уже о ее военном аспекте, она явилась также уникальным испытанием возможностей демократии в кризисной ситуации. Рабин пытался использовать план А, но теперь почувствовал достаточное моральное основание для перехода к плану Б. Однако ему было

необходимо единогласное одобрение кабинета. В течение всего кризиса любое, самое мелкое сообщение представлялось на рассмотрение каждого заседания специальной комиссии, где подвергалось всесторонней проверке. Никто не ощущал этой необходимости острее, чем солдат Рабин, перефразировавший Торквилля: "Демократическое общество может проводить твердый курс в иностранной политике с великими трудностями и путем очень медленного принятия решений. Демократия зависит от милости диктатора. Если она жертвует своими демократическими принципами во имя выживания, она теряет моральное право на борьбу".

Рабин был уверен, что Израиль должен принять решение демократическим путем. Всю пятницу он спокойно убеждал в этом высших офицеров.

Позднее начали говорить, что "Молния" как практическая операция была согласована в пятницу. Премьер-министр знал другое: только в субботу утром появилась возможность сказать, что участники рейда имеют некоторый шанс на успех. Решено было испробовать этот шанс, так как разведка из Уганды сообщила, что убийство первых заложников назначено на следующее утро.

— Президент Амин вылетел на остров Маврикий на пятницу и субботу, — сказал позднее Рабин. — Мы считали, что ничего не может случиться, пока он выступает перед зрителями в ОАЕ. Это дало нам время довести все аспекты "Молнии" — политический, военный, дипломатический и разведывательный — до их логического завершения. Уже в воскресенье можно было ожидать убийств.

Для решения проблемы, создавшейся в результате действий безумцев и фанатиков, не существовало никаких готовых ответов — только выбор между различными вариантами, каждый из которых был опасен. "Молния" принесет Израилю либо выдающийся успех,

либо ужасающую катастрофу” — таково было мнение Рабина о готовящемся военном ударе.

В самой общей форме создававшаяся ситуация обсуждалась с находившимся в это время в Израиле Збигневом Бжезинским, одним из главных советников по иностранным делам кандидата в президенты США Джимми Картера. В пятницу вечером Бжезинский был приглашен на обед к министру обороны, где в числе прочих гостей находился глава израильской разведки. Во время обеда Перес непринужденно разговаривал по-польски с Бжезинским, выходцем из Польши, как и он сам.

Министр обороны, да и все остальные члены специальной комиссии старались не выказывать беспокойства. ”Молния” уже репетировалась в пустыне — и от исхода этой репетиции зависела судьба заложников. Перес был весьма рад принимать у себя высокого гостя, который мог в один прекрасный день сменить Генри Киссинджера на его посту.

Бжезинский, 48-летний профессор, читавший курс международных отношений в Колумбийском университете (откуда вышли многие политические деятели США), анализировал создавшуюся ситуацию с тонкостью иезуита. Как католик, он был чувствителен к дилемме, стоявшей перед Израилем. Разговор за столом вертелся вокруг общих проблем борьбы с терроризмом. О конкретных мерах правительства не было и речи: ни план А, теперь уже практически отброшенный, ни план Б, еще сырой, но уже движущийся к завершению, ни тем более операция ”Молния” даже не упоминались. Тем не менее к концу обеда у Бжезинского создалось впечатление, что израильтяне прекрасно умеют сообщать то, что считают нужным, не раскрывая при этом своих секретов. Однако истинный смысл этого разговора стал ему окончательно ясен только рано утром в воскресенье, когда он позвонил в Нью-Йорк домой и услышал о рейде в Энтеббе. Теперь за-

стольная дискуссия о различных способах покончить с мировым терроризмом приобрела совершенно новое значение. В тот памятный вечер Бжезинский говорил об опасениях США, что величайшей угрозой для человечества в последующее десятилетие станет усовершенствованная технология, доступная для маленьких групп фанатиков-самоубийц. Дымящиеся бомбы анархистов — утеха карикатуристов прошлого столетия — вскоре появятся в эквивалентном ядерном исполнении. Министр обороны Перес оптимистически говорил о контрмерах, которые могли бы изменить ситуацию, если бы нации сотрудничали перед лицом подобной угрозы.

”Потрясающее самообладание, — сказал Дениэль Мойнихен, темпераментный представитель США в ООН. По счастливой случайности он также находился в это время в Израиле и обедал в пятницу вместе с членом специальной комиссии Игалом Аллоном. — Аллон долго разговаривал со мной, уже после того как мы выпили кофе; он отдыхал в своем кресле, совершенно, казалось, не интересуясь тем, что происходит в мире. Если его целью было удержать утечку информации о том, что планировалось на самом деле, он вполне в этом преуспел”.

Существовало ли в действительности намерение ввести в заблуждение весь мир и похитителей, пока готовилась операция ”Молния”?

”Нет, потому что, как это ни было опасно, даже при самом вылете освободительного отряда приказ еще не был отдан. Самолеты уже были в воздухе, а приказа выступать все еще не было, потому что переговоры могли оказаться успешными. Между тем каждая потерянная минута означала расходование тонн драгоценного горючего; каждую минуту ситуация в Энтеббе могла измениться”. Таково мнение Мойнихена.

Тщательный разбор последних приготовлений подтверждает его правоту. Специальная комиссия, разрабатывая планы А и Б, применила методы руководства в кризисной ситуации. Генеральный штаб как военная организация сосредоточился на плане Б. В Израиле не существует никаких барьеров, препятствующих военным обращаться к высшему руководству через голову своих начальников. Такая система связей, быть может, единственно возможная в израильской "семейной обстановке", позволяет довести любую идею до высших руководителей страны; однако существует неофициальное предупреждение: Боже упаси занимать время начальника генерального штаба просьбами о мороженом и холодильниках.

За эти дни были выдвинуты и практически осуществимые планы. Наиболее интересные были разбиты на части; над каждой частью в отдельных комнатах работали офицеры разведки. Ни одна комната не знала, что делается в других.

Ячейка разведки, которая занималась изучением и планированием, понятия не имела о том, зачем, например, понадобилось изучать передвижения президента Амина. Одна ячейка составляла данные об обычном расписании Большого Папы. Другая изучала только виды транспорта, которыми он пользовался. После того как операция "Молния" была завершена, пронесся слух, что десантники захватили с собой чучело Иди Амина в черном "Мерседесе", который катил впереди всех, чтобы обмануть угандийскую стражу. (Такой план существовал, но был отвергнут как слишком рискованный).

Большой Папа стал объектом такого же тщательно изучения, как и террористы. Очень подробные доклады, составленные в начале 70-х годов Иерухамом Амитаем об интересе Амина к авиации, имели последнее: были запрошены все пилоты, служившие инструкторами в Уганде. Они представили отчеты: сюда

вошли рассказы о том, как Амин требовал себе пилотов типа японских камикадзе, "Фантомы", чтобы сбросить бомбы на президента Танганьики Ньерере, "на эту шлюху, которая распространяет мерзкие венерические болезни по всей Африке", и крошечный самолет для своего девятилетнего сына, чтобы тот мог летать в нем "не выше деревьев и очень медленно".

Огромный (рост 192 см, вес 94 кг) экс-сержант английской армии заявил, что хочет увековечить память Гитлера и издать так называемые "Протоколы сионских мудрецов". Русский посол протестовал против памятника фюреру; нет сведений, протестовал ли он против измышлений о Сионе. В Израиле подчеркивали, что каким бы паяцем Иди Амин ни казался неафриканцам, он хитро сыграл на племенной розни и сломил прогрессивную Буганду, вырезав там от пятидесяти до ста двадцати тысяч сторонников короля Буганды Фредди. Чередуя убийства с припадками щедрости, Амин приспособил более образованных бугандийцев для бюрократической и коммерческой деятельности.

Еще в начале недели Большой Папа казался персонажем безобидного анекдота. Никто из членов специальной комиссии не думал о нем накануне исчезновения рейса "139". Теперь над ним уже не подшучивали, несмотря на телефонные разговоры, которые вел с ним из своего дома "Борька" — Бар-Лев, недоумевая, зачем он должен это делать. Как видно, следует поддерживать неофициальные контакты? Ведь во всем мире видных людей просили употребить свое влияние, чтобы спасти заложников. Бар-Лев чувствовал, что он, как британские дипломаты и кенийские журналисты, участвует в общем деле, когда, сидя в своем магазине, поднял телефонную трубку и попросил соединить его с номером 2241 в Кампале:

- Говорит ваш друг Бар-Лев...
- Кто? — спросил Амин.

— Бар-Лев... Б — бомба... — И Бар-Лев по буквам продиктовал старому другу собственное имя.

Вскоре после этого радио Уганды гордо объявило: "Полковник Бар-Лев, старый друг его превосходительства президента Уганды, вступил с ним в контакт от имени правительства Израиля. Его превосходительство президент поручил Бар-Леву передать правительству Израиля его просьбу и требование о том, чтобы Израиль выполнил желания похитителей. Полковник Бар-Лев позвонит его сиятельству еще раз, когда получит ответ своего правительства".

В пятницу 2 июля радио Уганды объявило, что полковник Бар-Лев опять разговаривал с Иди Амином. Радио Уганды расхвалило его и посоветовало премьер-министру Рабину произвести Бар-Лева в генералы. "Бар-Лев сделал для заложников больше, чем премьер-министр".

Иерусалим официально заявил, что ему ничего не известно об этих телефонных переговорах; в действительности же правительство собиралось и от Бар-Лева получить полезные сведения. Бар-Лев когда-то был тесно связан с Амином и знал его лучше других. В 1973 году Амин приказал всем израильтянам покинуть страну, разгневавшись на то, что отозвали Бар-Лева, тогдашнего главу израильской военной миссии. Когда Амин в качестве главнокомандующего Уганды посетил Израиль, его отношения с Бар-Левом были столь тесными, что бывший президент Уганды Мильтон Оботе, свергнутый вскоре после этого, утверждал, что в заговор против него был вовлечен Израиль.

Когда был похищен рейс "139", Бар-Лев рассказал, что в свое время знал о плане Амина свергнуть Оботе. Еще в 1970 году было решено покончить с деятельностью иностранных специалистов в Уганде. Бар-Лев убедил Амина подписать трехлетнее согла-

шение о военном обучении, за что позднее Амин был вознагражден.

По словам Бар-Лева, кровожадный Иди Амин Дада — фельдмаршал, почетный доктор философии, пожизненный президент — в действительности не людоед, а почти вегетарианец. Вот что рассказал Бар-Лев об Амине израильской разведке:

Амину ничего не разрешается есть, кроме салатов и цыплят. Он любит виски, бренди и другие напитки; однако врачи запретили ему алкоголь, поэтому он употребляет огромное количество чая. Может быть, это напоминает ему времена, когда он пил чай в английской армии. Когда я вернулся в Израиль, я был уверен, что с устройством на работу трудностей не будет: теперь я могу возглавить любой сумасшедший дом. В поведении Амина во время этого кризиса проявляются черты его сложного характера.

Амин происходит из небольшого северного племени. Он в жизни не прочел ни одной книги. История с похищением самолета для него — редкостная удача: весь мир пишет об Уганде и ее президенте Амине, с ним ведут переговоры правительства великих держав, его забрасывают дипломатическими посланиями. Он ежедневно посещает заложников, каждый раз в другой военной форме; он приходит к ним со своим сыном Шароном (получившим это имя по вывеске отеля в Израиле, где Амин однажды останавливался). Заложники ему аплодируют, а он распоряжается, чтобы им доставили еду и питье, одеяла и простыни. Только однажды он рассердился — когда кто-то из заложников обратился к нему, не назвав его полным титулом: фельдмаршал-доктор-президент.

Мать Иди Амина любила Библию. В своем завещании она наказала сыну почитать еврейский народ. В детстве Амин не был религиозным, пока вдруг не решил, что станет мусульманином. Когда он был в Иерусалиме, я взял его в мечеть Омара, после чего

Амин заявил: "Теперь я хаджи" (мусульманский паломник) — слово, которое теперь включено в его имя. Когда ему сказали, что для того, чтобы заслужить такое имя, он должен совершить паломничество в Мекку, он спросил: "А что такое Мекка?"

Когда ему было 14 лет, англичане взяли его в армию. Он не знал английского языка и выучил буквы и цифры по надписям в бараках. Два года Амин посещал школу. Во время Второй мировой войны он сражался со своим батальоном в Бирме и получил звание старшего сержанта. Вне всякого сомнения, у него есть дар вожака: своих солдат (большинство из северных племен) он крепко держит в руках, чему помогает его высокий рост, огромная физическая сила, знание английского и фюрерское красноречие.

Но под маской героя скрывается инвалид. У него бывают острые боли в ногах и руках. Во время приступов он звереет. В Израиле, когда он проходил курс лечения в больнице "Тель Хашомер" (это было вскоре после Шестидневной войны и его поездки в Синай), он не переставал восхвалять израильскую армию. Но как только боли усилились, он начинал кричать: "Вы плохие люди! Я видел, что вы сделали с египетской армией! Я сейчас же полечу домой и все расскажу Оботе!" Когда ему сказали, что в этот день рейса нет, он гневно заявил: "Я пойду пешком в Афины и возьму там самолет до Уганды". Позднее Амин получил через меня таблетки от израильских докторов.

Амин действует на основе каких-то озарений, которым все обязаны верить. Однажды утром он проснулся и заявил, что Уганда должна начать производство автомобилей, специально приспособленных для ее тяжелого климата (по своим климатическим условиям эта страна — одна из счастливейших в мире). На другое утро он решил захватить Кению и Танзанию, чтобы дать своей стране выход к морю. Между тем он знает, что

с его солдатами даже ученья нельзя продолжать более двух часов. После этого отряды рассыпаются.

После ухода из Уганды англичан сержант Амин стал капитаном. Когда президент Оботе столкнулся с королем Буганды Фредди, джипы Амина, вооруженные безоткатными орудиями, которые поставила израильская армия, открыли огонь по королевскому дворцу и решили исход сражения в пользу Оботе. Амин стал заместителем главнокомандующего, а затем и главнокомандующим. Когда он достиг этого, он стал следить за тем, чтобы все офицеры имели звания по крайней мере на два порядка ниже его. Только произведя себя самого в фельдмаршалы, он стал назначать бригадных генералов.

Амин страдает паранойей. Он содержит специальный разведывательный отряд из небольших самолетов для своей личной охраны. Этот отряд спас Амину жизнь, когда Оботе решил арестовать его. После этого произошел переворот, который привел Амина к власти.

У Амина есть таинственное, просто звериное чутье опасности. Он с дьявольской ловкостью избегает смерти. В последний год перед переворотом его положение главнокомандующего стало непрочным, и старшие офицеры уговорили Оботе арестовать его. Амин вылетел с визитом к египетскому министру обороны. Там он получил телеграмму, приказывающую ему немедленно вернуться в Кампалу. Амин ответил президенту, что вместо возвращения он отправится в Мекку, чтобы стать хаджи.

После возвращения из Мекки его встретил верный ему отряд, который сопровождал его в парламент. Многочисленные мусульмане Уганды встретили Амина как святого человека, и это предотвратило его арест. Он стал часто принимать участие в мусульманских религиозных церемониях и назначил специального диктора, который каждый вечер читает по телевидению стихи из Корана.

Амин любит кино. В его дворце находится коллекция из 30 или 40 фильмов о мировой войне, которые он смотрит снова и снова. Он так и не смог научиться управлять самым простейшим проектором, и одной из моих обязанностей было демонстрировать ему фильмы о камикадзе.

Когда Амин поехал в Советский Союз, он взял с собой фотоаппарат, который я ему дал. Он сделал там очень много снимков, но когда пленки были проявлены, все они оказались пустыми.

Амин любит женщин; любая женщина, которая ему нравится, становится его женой. Жены живут вокруг его дворца. Он считается отцом 18 детей.

Ничто не может сильнее ослабить его положение, уязвить его гордость, его самовлюбленность, чем поражение в Энтеббе. Поэтому надо ожидать, что президент Амин станет еще более опасным, чем когда-либо раньше.

Рано утром в пятницу был получен ответ на вопрос, сотрудничает ли Амин с похитителями. Из Уганды — с помощью агентов разведки и освобожденных заложников — были получены сведения, подтверждающие участие угандийской армии в судьбе рейса "139". Те немногие лица среди израильского руководства, которые все еще сохраняли надежду на то, что Амин не забыл своих прошлых связей с Израилем и что на него могут повлиять телефонные переговоры со скромным владельцем магазина в Тель-Авиве, убедились наконец, что эта надежда была ни на чем не основана. Амин позволил террористам, находившимся в Уганде или в соседнем Сомали, прислать подкрепление группе похитителей. Израильский разведывательный самолет сообщил о специальном рейсе, который привез из Ливии в Уганду команду советников. Еще 6 террористов присоединились к группе похитителей в старом здании аэропорта, где они беседовали с Амином.

Большинство пассажиров из второй освобожденной партии заложников имели французское подданство. Это укрепило Израиль в мысли, что нападки Уганды и НФОП на "французский военный империализм" отошли на второй план и главная их цель — извлечь все возможное из бедственного положения евреев.

Один из освобожденных заложников, Мюррей Шварц, продюсер американского телевидения, сообщил, что после приземления в Энтеббе к похитителям присоединились еще несколько человек, похожих на арабов. Двое других пассажиров рассказали, что в Энтеббе все было приготовлено для приема самолета. Они считали, что угандийские власти заранее знали о похищении. Отделение евреев от остальных пассажиров отражало изменения в планах террористов.

Жан Шокетт из Монреаля вынес впечатление, что "Амин очень симпатизирует похитителям". По словам Шокетта (это подтверждали и другие освобожденные заложники), с ними обращались неплохо, "не считая, конечно, психологического давления". Шокетт подтвердил, что в Энтеббе к похитителям присоединились несколько вооруженных людей. Он также сообщил, что в Энтеббе в самолет внесли ящик с динамитом, чтобы, как сказал один из террористов, "взорвать самолет, если будет нужно".

В сообщениях из Парижа рассказывалось, как вели себя израильтяне, когда освобожденные заложники отправлялись на летное поле, чтобы сесть в самолет. Мужчины приветственно махали руками, женщины, вытирая слезы, поднимали на руках детей.

По-видимому, Амин скорее был склонен слушаться террористов, нежели западных дипломатов или Бар-Лева. Чтобы тайно следить за самолетом Большого Папы во время его полета на остров Маврикий, был послан израильский "Фантом". Агенты разведывательной службы, работающие на линии Кампала — Найроби — Иерусалим, ежечасно сообщали обо всем,

что происходило в Уганде во время двухдневного отсутствия Амина. Слежку за Большим Папой осуществляла также круглосуточная служба в сотрудничестве с израильским военным кораблем, посланным во вторник к восточноафриканскому побережью. Вместо новых усовершенствованных ракет "Габриэль" типа "вода-вода" этот корабль доставил туда электронное оборудование для обеспечения необходимой связи. Опасаясь утечки информации, специальная комиссия решила не полагаться на иностранную помощь в этих приготовлениях.

— В последние часы перед операцией нас преследовал страх, что мы прилетим в Энтеббе и не найдем там заложников, — сказал командир 35-й десантной бригады. — Естественно, мы уже во вторник думали о возможности этого рейда. И мы вспомнили, как однажды американцы совершили освободительный рейд в Северный Вьетнам, но не нашли уже никого из тех, кого собирались спасти. Это была главная проблема — пока собирали информацию и пробовали варианты, в Энтеббе могло не остаться никого из заложников. Мы, читавшие характеристики Амина, не тешили себя никакими иллюзиями: мы знали его жестокость и коварство.

Вот почему так жизненно важны были разговоры Бар-Лева. Они давали хотя бы некоторую надежду на то, что заложники все еще находятся в Энтеббе.

Пока шли все эти приготовления, студент-медик Моше Перец продолжал свой дневник:

Пятница, 2 июля, 6.00. Подъем после бессонной ночи. Все вещи упакованы, и мы ожидаем, что нам сообщат, когда же мы отправимся в путь.

7.00. Приходит Амин в широкополой шляпе. С ним красавица-жена, одетая в зеленое платье, и сын — Гамаль Абдель Насер Джвами. Он ошеломляет нас сообщением, что Израиль не принял требований террористов и что наше положение очень серьезно, потому что

здание обложено тринитротолуолом и будет взорвано, если требования похитителей не будут приняты. Он заявляет, что отправляется на Маврикий, где будет обсуждать наше положение. Он вернется сегодня вечером или завтра утром. Амин советует также написать письмо для прессы или радио с просьбой к Израилю удовлетворить требования похитителей.

8.00. Бурные дебаты между теми, кто хочет писать письмо, и теми, кто против. Большинство семейных и члены команды (кроме капитана Мишеля Бако) — за, остальные — против. Что произойдет? Мне все равно. Эмоциональные перепады измучили людей и довели их до изнеможения. Больно думать о семье, оставшейся дома.

11.00. Мы продолжаем обычную жизнь. 19-летний Жан Жак Маймони излучает бодрость. Он приносит чай и кофе, раздает пищу и следит, чтобы никто не остался без порции. Для себя он не требует ничего. Женщины стирают и сушат белье. Скучный ланч, легкая дремота.

20.30. Палестинцам вручают письмо, содержащее благодарность Амину за его внимание и просьбу к правительству Израиля освободить арестованных террористов. Письмо написано несколькими израильтянами. Похитители удовлетворены этим письмом, так как нет впечатления, что оно написано под давлением.

Уже суббота; несколько ребят сочиняют пародии на редакционные статьи в разных газетах, освещающие ситуацию. Как напишет, например, религиозная газета или спортивный журнал? Кто-то говорит, что мы не должны так уж горевать: в конце концов, Герцль когда-то предложил создать Еврейское государство в Уганде. Мы поем субботние песни, очень тихо, потому что те, снаружи, сильно нервничают, особенно по вечерам.

Специальная комиссия рассмотрела также возможность перехвата личного самолета Амина с тем, чтобы вынудить его к посадке в том месте, где его смогут схватить израильские агенты. Так как этот самолет был построен в Израиле, его технические характеристики были хорошо известны. Настолько хорошо, что еще раньше было выдвинуто предложение: испортить еще в Энтеббе топливные баки самолета, чтобы пилот был вынужден совершить аварийную посадку в Найроби.

11

АМИН – МАРИОНЕТКА ООП

Неоценимую помощь оказал посетитель, прибывший из Найроби в Израиль в среду 30 июня. Это был умнейший человек, Джордж Джити, доверенное лицо президента Кении Джомо Кениаты, редактор кенийской "Дейли Нейшн". Эта газета была основана в 1961 году, ее финансировал Ага Хан с расчетом оказывать сдерживающее влияние на Восточную Африку после достижения ею "ухуру" — независимости.

Ранее существовали подобные ей "Дейли Нейшн" в Уганде и "Дейли Нейшн" в Танганьике. Однако с уходом Англии восточноафриканская федерация распалась, что привело к разделению стран и газет. Место редакторов-англичан заняли африканцы. Главой кенийской "Дейли Нейшн" стал Джордж Джити.

Джити прибыл в Израиль из Тегерана в качестве гостя израильского правительства. Газеты не сообщали о его прибытии. От него не ожидали никакой особой помощи. Однако Джити очень много знал о жизни Уганды под властью Амина и о средствах связи, без которых никакая газета вообще не может существовать.

Беседы с Джорджем Джити проводили члены одной из разведывательных ячеек. Они понятия не имели, по-

чему важны эти беседы, точно так же как и другая группа, изучавшая причины преданности Амина палестинцам, не знала, зачем она это делает. Между тем именно секретное соглашение между ООП и Угандой оскорбляло и даже пугало кое-кого из кенийских руководителей.

Амин стал поддерживать палестинцев задолго до того, как рейс "139" приземлился в Энтеббе. Его охраняли триста командос из палестинских террористических организаций. Эти палестинцы прошли обучение в Ливии, как и шесть сильных, мускулистых, вооруженных револьверами женщин из племени Амина, которые тоже были членами охраны.

Здание, в котором раньше размещалась израильская миссия, было предоставлено в распоряжение ООП, и ее знамя заменило на мачте флаг со звездой Давида.

После того, как ливийский президент Муамар Кадаффи обещал Амину десятки миллионов долларов экономической помощи (обещание, которое никогда не было выполнено), Амин разрешил ООП построить на территории Уганды тренировочные лагеря, пригласил делегацию ООП на конференцию ОАЕ в Кампале (июль 1975 года) и дошел до того, что предоставил палестинцам для тренировок русские "МИГи", имевшиеся в его распоряжении.

— Чем труднее тренироваться, тем легче воевать, — заверял Амин террористов Аль Фатха, учившихся летать на "МИГах".

В октябре 1975 года угандийское радио описывало "сложные тренировки", которые проводил отряд "палестинских и угандийских камикадзе" в южной Уганде. Гражданская авиация получила предупреждение не летать в этих районах до специального разрешения.

Из опубликованных в 1975 – 1976 годах сообщений о несчастных случаях во время этих тренировок можно составить представление о летных качествах арабских пилотов и, возможно, их угандийских инструкторов. Среди прочих 29 октября 1975 г. в Уганде погиб палестинский пилот родом из Хеврона; его кодовое имя было Джордж, настоящее – Юсуф Брейдпит. Он вступил в Аль Фатх в 1967 году и после обучения в Алжире и Китае был назначен командиром взвода палестинских добровольцев. Во время тренировочного полета в северной Уганде он столкнулся с двумя другими истребителями, которые пилотировали угандийцы и палестинцы. Гроб Джорджа сопровождала в Дамаск, а оттуда и в Амман угандийская делегация, возглавляемая личным представителем Амина, Амином Мака, и представителем воздушных сил Уганды Ахмедом Дауди. Амин не преминул послать Арафату выражение соболезнования – “от моего собственного имени и от имени солдат угандийской армии”.

Амин стал поддерживать палестинцев отнюдь не по идеологическим причинам. В апреле 1967 года он обратился в Арабскую лигу с просьбой о срочной экономической помощи. В ответ он получил холодное уведомление, что его просьба передана правительствам стран – участниц Арабской лиги. Амин яростно обрушился на арабские государства и, согласно кенийской “Дейли Нейшн”, заявил, что “все трудности в Уганде – следствие моей твердой поддержки палестинцев”.

Двумя месяцами раньше официальное заявление ООП, опубликованное в Бейруте, подтвердило, что палестинские летчики тренируются в Уганде. В ответ на это “ООП расширяет военную помощь Уганде”. В заявлении не уточнялось, в чем именно заключается эта помощь. Правда выяснилась в проникновенных словах благодарности Амина Арафату: “Эта помощь укрепила могущество Уганды и даст ей возможность принять участие в освобождении Палестины и Южной

Африки от сионизма и расизма". Амин принял палестинских пилотов в своем дворце и объявил им, что Арафат предоставил их в его распоряжение: "И как ваш командир я могу послать вас на задания, связанные с палестинскими, арабскими или африканскими проблемами. И пока вы здесь, считайте, что вы находитесь в своей собственной стране, среди ваших братьев, которые служат в воздушной армии Уганды. Ваш долг — тренироваться здесь для решительной борьбы в Палестине. Однако готовиться к борьбе с врагами должны не только вы, но и все государства, которые хотят освободить Палестину, и среди них, конечно, Уганда", — закончил Амин. Его слова были приведены в авторитетном органе ООП, газете "Фалести а Сур", издающейся в Бейруте.

Почему террористы так нуждались в разрешении Амина тренировать своих летчиков? Ответ не так давно был дан одним из палестинских командиров, Абу Джаро, когда он публично благодарил президента Уганды:

— Вы, генерал, сделали для палестинцев то, что отказались сделать их арабские братья. Нам нужны воздушные силы.

Почему фельдмаршал Амин стал так жестоко ненавидеть Израиль, если Израиль помог ему захватить власть? Ведь он даже обязан жизнью израильскому офицеру Зееву (Зонику) Шахаму.

Это случилось в 1965 году. Зоник был главой израильской военной миссии в Кампале, когда Амин был заместителем главнокомандующего угандийской армией. По долгу службы Амин часто инспектировал войска. В его распоряжение был предоставлен самолет типа "Дакота", выписанный из Израиля и управляемый израильским летчиком. Однажды Амин совершал очередную инспекционную поездку по подразделениям, составленным из членов одного не-

большого племени с берегов Западного Нила. Пока самолет летел к месту назначения, Зоник, находившийся в Кампале, узнал, что офицеры одного из батальонов сговорились убить Амина. Они ожидали своего высокого гостя на посадочной полосе, намереваясь открыть огонь, как только Амин появится в дверях самолета. Зоник приказал пилоту "Дакоты" вернуться, и мятежные офицеры так его и не дождались.

Амин горячо благодарил Зоника. Так же поступил и президент Мильтон Оботе, специально пригласивший главу израильской военной миссии к себе. Несколько лет спустя после того, как Амин изгнал Оботе, Зоник размышлял, как бы поступил в то время Оботе, если бы знал свою дальнейшую судьбу.

Первые связи с лидерами и их партиями в Уганде установил израильский представитель в Кении, Ашер Наим. Терпеливо и настойчиво, стараясь не привлекать внимания английской службы безопасности и разведки, занятой войной Мау-Мау, Наим установил контакт с Оботе, который должен был стать первым президентом Уганды после получения ею независимости.

Вскоре после того как Уганда стала независимой, туда приехал с визитом Шимон Перес, тогдашний генеральный директор министерства обороны Израиля. Его попросили помочь организовать угандийскую армию и воздушные силы. Перес дал согласие, и в апреле 1963 года Голда Меир, в то время министр иностранных дел, подписала с Кампалой соглашение о дружбе и сотрудничестве.

Вскоре после подписания соглашения в Уганду прибыла военная делегация Израиля во главе с полковником Шахамом. При первой же инспекции стало ясно, что их ожидает огромная работа. Армия Уганды состояла из пехотного батальона численностью около 800 человек. Командир батальона и все офицеры были англичане. Солдат обучали только парадной муштре.

Это был церемониальный батальон, годный лишь для праздничных парадов. Зоник и сопровождавшие его офицеры поняли, что им предстоит превратить опереточный отряд в действенную боевую единицу.

Они начали с обучения одной роты. Угандийские солдаты были посланы в центральную офицерскую школу Израиля и в школы для военных пилотов. Обучение было успешным: президент Оботе попросил израильтян обучить также угандийскую специальную полицию. Используя самолеты типа "Дакота" и "Фуга-Магиста", присланные из Израиля, израильские инструкторы создали угандийские военно-воздушные силы, начав с обучения наземного персонала; они даже основали школу техников.

Во вторую годовщину Дня Независимости в параде участвовали шесть истребителей "Фуга-Магиста", умиляя израильских учителей, которые тогда все еще были убеждены, что только британское владычество мешало африканцам создать независимую и боеспособную армию. Иди Амин поддерживал особые отношения с израильской группой в Кампале — возможно, потому, что "эти ребята" из Тель-Авива обращались с ним как с равным. Он часто посещал их и каждый раз уходил в полном восторге. Его похвалы усердию израильтян не знали границ. Когда в Уганду прибыли первые реактивные истребители, которые для удобства перевозки были разобраны на части, Амин был изумлен, увидев, как израильтяне превращают эти "куски металла" в реактивные самолеты. Он захотел полететь на первом собранном истребителе и вернулся возбужденный как никогда раньше. Позднее он получил от израильтян награду — "крылышки" парашютиста, значок, который он продолжал носить с нескрываемой гордостью даже 2 июля, когда отправился на Маврикий.

Отношения были столь тесными, что однажды Амин обратился к Шахаму, военному атташе Израиля, с

просьбой, чтобы Израиль помог продать огромное количество золота, украденного в Конго. Амин сказал Зонику, что Израиль должен выполнить его просьбу. Израильское правительство отказалось от предложения Амина войти в долю, однако частные банки ухватились за него, не проявив никакого интереса к происхождению желтого металла.

Когда Израиль не согласился помочь Амину напасть на соседнюю Танзанию, он впал в ярость. Министерство иностранных дел в Иерусалиме все еще верило, что ухудшение отношений между двумя странами не приведет к полному разрыву. Но президент Амин — все более неустойчивый и безрассудный в своих решениях — вскоре разбил и эту последнюю иллюзию. В феврале 1972 года Амин и ливийский правитель Кадаффи торжественно заявили о своей твердой поддержке борьбы арабского народа против сионизма и империализма, за освобождение всех арабских оккупированных территорий и за право палестинцев вернуться на свою родину.

В марте 1972 года наступили последние дни израильского присутствия в Уганде. Израильский посол, ожидая решения президента, пытался узнать его намерения от одного из старших чиновников угандийского министерства иностранных дел. Тот считал, что на самом деле Амин не собирается идти на разрыв. Но ровно через 24 часа израильский посол получил ноту о разрыве дипломатических отношений.

Десятки израильских семей прямо среди ночи были отправлены в аэропорт Энтеббе с требованием немедленно покинуть Уганду. Это были первые жертвы чудовища, Франкенштейна, которого они сами создали. Но просчитались не только израильтяне. Англичане в порыве деколонизационного рвения отметили Амина как одного из тех африканских лидеров, которому надлежит оказывать поддержку.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ РАССМАТРИВАЕТ ПЛАН Б

Шимон Перес очень хорошо знал Уганду и Амина. Он предвидел возражения, которые вызовут акции, направленные против самого Амина или угандийских вооруженных сил.

Перес знал израильскую армию с первых дней ее существования; ему рассказывали верившие в него командиры о своем недовольстве слишком медленным ходом обсуждения в парламенте; работал он также и с экспертами по антитерроризму. К пятнице он составил собственное мнение по поводу террористов, освобождение которых являлось частью платы за свободу заложников.

О действиях Переса докладывали премьер-министру. Вот краткая сводка того, что делал в эти дни генеральный штаб.

Прежде всего он следил за развитием событий с момента похищения самолета. Правда, в начале недели никто и не думал о том, чтобы лететь в Энтеббе. Министр обороны консультировался с начальником генерального штаба Гуром, а тот, в свою очередь, совещался со своими подчиненными, пока правительство развивало дипломатическую деятельность.

В первую ночь, когда похищенный самолет был на пути в Уганду, специальная комиссия непрерывно следила за его курсом. Похитители ответили Каиру, что направляются в Амман. Когда вместо этого самолет приземлился в Уганде и стало очевидно, что он там останется, генеральный штаб приступил к оперативному планированию.

По мере того, как дипломатический процесс заходил в тупик, а дилемма, стоявшая перед правительством, по-прежнему оставалась неразрешенной, интерес к военному варианту усиливался. Когда террористы

объявили свои условия, один из старших чиновников министерства обороны сказал:

— Дело кончится тем, что военные опять спасут политиков, как это было в Шестидневную войну и в войну Судного дня.

Премьер министр Рабин резко ответил:

— Я жду продуманного, четкого и осуществимого военного предложения. Меня не интересует ваша военная философия. Мне нужны факты, а не теория.

В полдень, во вторник, спустя 48 часов после похищения, начальник штаба был вызван на срочное совещание в Иерусалим. Он понимал, что речь пойдет о возможности использования армии, и дал указание всем командирам быть наготове. Гура спросили, возможно ли провести военную операцию, и он ответил:

— Такая возможность существует.

Вернувшись в свой кабинет в Тель-Авиве, Гур приказал своим подчиненным прибыть вечером в генеральный штаб, чтобы подготовить конкретные предложения. Его поддерживало также давление "снизу", исходящее от бригадного генерала Дана Шомрона и пехотинцев бригады "Голани" — людей, повседневно имеющих дело с террористами, переходящими границу. Именно им предстояло осуществить военную акцию. Они типичные израильские солдаты, и философия их так же стара, как борьба за существование Израиля.

"Знайте, за что вы боретесь, и любите то, что вы знаете" — изречение, повторявшееся с ранних времен еврейского Сопrotивления, которое принес с собой Орд Вингейт, позаимствовавший его, в свою очередь, у Оливера Кромвеля. Вингейт был британским специалистом по партизанской тактике во времена Второй мировой войны. Борьба евреев за создание Израиля, в которой он принимал участие, была наполнена для него таким же смыслом и величием, как и события, описанные в Библии. Его именем был назван первый военизированный тренировочный лагерь.

Англичанин, отрекшийся от колониальных взглядов, организовал из еврейских поселенцев летучие ночные отряды для защиты от арабских убийц. Влияние школы Вингейта сказалось и на проведении операции "Энтеббе". Бывший начальник военно-воздушных сил Израиля Эзер Вейцман, анализируя операцию, писал о Вингейте: "Мне довелось встретить одного из наиболее ярких людей в длинной истории наших войн; этот человек появился у нас по рекомендации моего дяди Хаима (одного из основателей современного Израиля — Хаима Вейцмана)... Он гораздо больше походил на миссионера, чем на офицера Британской империи, и мог часами разговаривать о Библии. По-моему, у него была какая-то мистическая, глубоко личная связь с еврейским народом и Израилем"*.

Генеральному штабу было ясно, за что придется сражаться в Энтеббе, — за право каждого израильянина путешествовать где угодно без всякого страха и, в конечном итоге, за право граждан всего мира свободно решать, где и как им жить. Обсуждение предстоящей операции сосредоточилось на двух моментах: 1) как победить врагов этой свободы выбора; 2) можно ли считать заложников солдатами в этой борьбе.

В среду начальник генерального штаба вызвал к себе нескольких офицеров с требованием представить ему план конкретных действий. На первый взгляд эти планы казались вполне реальными. Но при более детальной проверке каждый из них обнаруживал по меньшей мере одно слабое звено.

— Эти планы не дают даже минимального шанса на спасение заложников, так что я не могу их рекомендовать, — сказал начальник штаба.

Офицеры удалились, разочарованные; однако, когда потоком хлынули новые данные, они воспрянули

* Эзер Вейцман. "На орлиных крыльях", Иерусалим, 1976.

духом и принялись составлять новые проекты. День и ночь они работали в генштабе и в штаб-квартире старшего офицера парашютных войск Дана Шомрона.

Ударные воздушные силы были всегда готовы к выполнению срочных операций, таких, например, как захват нефтяных скважин или хорошо укрепленных аэродромов во вражеских странах во время молниеносной войны. Суть таких операций состояла в быстром захвате ключевых стратегических точек. Некоторые планы были рассчитаны на парашютистов, другие — на ночные высадки десантников, способных захватить хорошо охраняемые базы противников. Все эти операции требуют скорости и внезапности. Нестабильность ситуации на Ближнем Востоке и постоянные угрозы существованию Израиля сделали необходимой подготовку таких планов и команд.

Мужчины и женщины, члены этих отрядов, занимаются в своей обычной жизни самыми мирными делами; однако они всегда готовы к отражению внезапной опасности. Среди израильских врачей, например, существует большая группа людей, владеющих всеми приемами десантного боя.

Для того, чтобы использовать в Энтеббе десантные войска, генштаб должен был составить точные планы на основании данных разведки. Вся система охраны заложников должна была быть известна досконально. На стадии составления планов данных разведки было еще недостаточно. Было известно, что аэропорт охраняют два угандийских батальона. Какие противоздушные заслоны существуют в Энтеббе? Где расположена охрана? Начальник штаба объяснил: "Проблема состоит в том, чтобы убереечь заложников. Мы должны точно знать расположение всех постов в Энтеббе".

В четверг Шомрон почувствовал, что ситуация с аэропортом проясняется. Марафонские дискуссии пошли быстрее. Начальник штаба был очень ободрен тем, что сторонником рейда в Энтеббе был сам министр

обороны Перес. В этот день бригадный генерал Дан Шомрон появился перед Гуром, главой оперативного отдела Иекутиэлем Адамом и начальником военно-воздушных сил Бенни Пеледом с новым предложением.

— Поверьте мне, — сказал Шомрон, — что с того момента как мы приземлимся в Энтеббе, все пойдет хорошо. Мы делали вещи в тысячу раз сложнее.

Дан был самым молодым из тех, кто планировал операцию. Все остальные были ветеранами Войны за независимость. Он был единственным, кто родился в Израиле. Дан подозревал, что все эти старые генералы считают его мальчишкой.

Тем не менее он получил то, что хотел: одобрение плана высадки в Энтеббе объединенных сил под его командой, включая особые отряды, руководимые Ионни Нетанияху. Оставались две задачи: а) в течение ночи на субботу провести учебную репетицию, чтобы доказать Гуру, что самолеты могут приземлиться в кромешной тьме на незнакомом, хорошо охраняемом аэродроме; б) обеспечить безопасность заложников и доставку их домой.

— Теперь все зависит от надежности разведки, — предупредил Гур.

НЕВИДИМКИ

Теперь разведывательные данные начали поступать в специальную команду Дана Шомрона; это происходило накануне и во время репетиции в ночь на субботу. Согласно этим данным, оборона Уганды основывалась на относительно большом числе бронетранспортеров (267), неизвестном числе ракет, гаубиц и минометов и по меньшей мере 50 боевых самолетах, включая 30

"МИГов"- 17 и "МИГов" - 21, базировавшихся в Энтеббе. Из 21000 обученных, хорошо вооруженных солдат около половины, вероятно, были размещены между Энтеббе и столицей Кампалой, в 21-й миле от Энтеббе. Аэропорт охранялся кольцом угандийских войск, вооруженных русским оружием и танками.

Дополнительные детали обороны в Энтеббе были получены в самые последние часы перед операцией от специализированной группы, которая в среду полетела в Найроби рейсом "Эль Аль" LY 535. Кое-кто из "бизнесменов", входивших в эту группу, устроил свою штаб-квартиру в частном доме израильского торговца, очень тихом и уединенном. Прямо отсюда были установлены прямые контакты с Лайонелом Бирном Дэвисом, шефом полиции в Найроби, и колоритным Брюсом Мак-Кензи, англичанином, бывшим командиром специальной авиаслужбы.

Один из самых энергичных людей на кенийской политической сцене в течение последних трех десятилетий, Брюс Мак-Кензи, белый фермер, пережил восстание Мау-Мау и стал другом его вождя Джомо Кениаты. Большой, дородный, презирающий тех белых, которые в шестидесятые годы отказались признать лидерство Кениаты, Мак-Кензи стал министром сельского хозяйства страны, пока его не сменил кениец из племени кикуйу, родного племени самого Кениаты. Но Мак-Кензи продолжал оставаться советником Кениаты, который высоко ценил его солдатскую прямоту. 85-летний Кениата — великодушный, но импульсивный правитель; в его однопартийном правительстве к традиционной племенной системе подчинения сильному вождю примешались аксессуары английской демократии. Его политические планы проводятся в жизнь так называемым Отделением общей службы (ООС), которое следит, чтобы парламентские дебаты никогда не выходили за рамки мягкого, доброжелательного обсуждения политики Кениаты.

Главным теперь был вопрос, разрешит ли Кения заправку израильских самолетов в Найроби. Ведь это единственный аэропорт в более или менее дружественных руках. Гигантские, полностью нагруженные "Геркулесы" могут в крайнем случае долететь до Уганды на своем горючем. Но они не смогут вернуться в Израиль без дополнительной заправки. Предложение заправиться в воздухе было отвергнуто как слишком опасное по нескольким причинам: 1) чтобы сохранить элемент внезапности, полет должен был состояться ночью; 2) маршрут проходил вдоль авиалиний враждебных государств; 3) врагам слишком легко было бы подстроить катастрофу во время сложной заправки в воздухе.

Командир хорошо вооруженных отрядов ООС Джеффри Кариджи заверил израильтян, что его правительство закроет глаза, если ООС и полиция Найроби изолируют израильские самолеты на время заправки; только пусть эта фаза операции выглядит как самая обычная процедура заправки самолетов, зафрахтованных "Эль Аль".

Шарль Нджойо, генеральный прокурор Кении, сказал как юрист, что поскольку будут соблюдаться законы международной гражданской авиации (по крайней мере в глазах властей аэропорта), то отказывать самолетам в заправке нельзя.

Черные африканские агенты, нанятые израильской разведкой (Мосад), в последние минуты уточнили и дополнили сведения об устройстве обороны в Энтеббе. Пилотам "Геркулесов" необходимо было знать устройство наземного обеспечения взлетно-посадочных полос, расположение цистерн с горючим (на случай, если все-таки придется запраправляться на месте) и степень бдительности контрольно-диспетчерских пунктов, один из которых обеспечивал безопасность эскадрильи истребителей, базирующихся в старой части аэропорта. Расспросили об этом пилотов гражданских авиалиний

просто так, в разговоре. Еще часть информации получили от наблюдателей с озера Виктория. Техники из Восточноафриканского управления гражданской авиации, хорошо знакомые с повседневной жизнью аэродрома, сообщили сотрудникам "Эль Аль" массу полезных сведений, не догадываясь о важности задаваемых им вопросов.

Но в Энтеббе жизнь не стояла на месте — и в этом была опасность. Поступило сообщение, что на сцене появилась новая фигура. По-видимому, этот человек был руководителем террористов. Он прибыл в Энтеббе на машине, которой управлял угандийский солдат. Стало известно, что заложники прозвали его "Граучо Маркс", у него были длинные усы и шаркающая походка, как у этого киноактера. В немке была окончательно опознана Габриель Крош-Тидеманн, 24 лет, участница похищения министров стран ОПЕК и известная сотрудница Карлоса Шакала.

В целом оборона Энтеббе представлялась уязвимой для внезапного нападения. Поступившее отсюда предостережение о том, что два угандийских "МИГа" могут разбомбить здание с заложниками, в расчет не принималось. Номера этих "МИГов" — 903 и 905 — говорили о том, что они предназначались для тренировок, а не для боевых действий. Нервничающие заложники, от которых шли эти сведения, просто не знали, что частые приземления и взлеты входят в программу тренировок. Гораздо больше беспокойства вызывало настроение террористов и полный контроль, который они сохраняли над угандийскими войсками.

Целая толпа "невидимок" поставляла Израилю сведения, часто даже не догадываясь об этом. Это были хорошо осведомленные люди; "невидимками" их прозвали потому, что они служили израильской разведке, сами того не зная. Среди них был и главный редактор кенийской "Дейли Нейшн" Джордж Джити,

тоже близкий друг и советник президента Кении. Он вылетел из Израиля в Найроби в субботу 3 июля после неофициальной беседы, которая принесла свои плоды. Впереди него летела радиограмма управляющему авиалинией "Эль Аль" в Найроби с просьбой держать наготове большие суммы денег. Этот управляющий из чистого любопытства, хотя никто его об этом не просил, измерил расстояние от Найроби до Энтеббе — 380 миль (608 км).

Другой незаурядный израильтянин тоже измерил это расстояние, но иным, весьма нелегким путем. Он приземлился в Энтеббе на своем собственном самолете в такое неподходящее время, что в его тель-авивскую контору посыпались правительственные зашифрованные требования: срочно отозвать его домой. Это был Эйби Натан, "пилот мира", чьи самостоятельные попытки найти мирные пути в каждой из предыдущих израильских войн вызвали у людей невольное восхищение. Правда, его действия несколько смущали правительство Израиля, потому что враги могли увидеть в них доказательство военной слабости страны. Но на этот раз опасность была совершенно другого рода: Эйби Натан, который вылетел в Энтеббе вскоре после отъезда Амина на Маврикий, мог попасть в перестрелку во время операции "Молния".

— Мне было не особенно весело, когда угандийские солдаты окружили меня, — вспоминал он позднее. — Они привели меня для допроса в новое здание аэропорта, в стороне от того, где содержались заложники. Затем появился старший адъютант Амина и согласился, чтобы я через него поговорил с одним из похитителей. Похититель стоял за занавеской. Я говорил с ним через адъютанта: как я понял, на время своего отсутствия Амин поручил именно этому адъютанту решать все вопросы. Похитители получали инструкции от него и от старших офицеров, присоединившихся к

группе, угнавшей самолет. Они сказали мне, что ни о каких переговорах не может быть и речи.

Эйби Натан вернулся в Найроби. Его тель-авивский поверенный, Арье Маринский, не переставал звонить из Тель-Авива.

— Не летай больше в Уганду! — резко сказал он Натану, когда их наконец соединили. — Понимаешь? Врачи здесь очень беспокоятся о твоей печени!

— Моей печени? — удивился Натан. — Но с ней все в порядке.

— Ты ведь помнишь, доктора говорили, что тропические фрукты тебе вредны, — с особенным ударением сказал Арье. — И высота...

— Но здесь, в Найроби, высота почти 6000 футов, — возразил Натан, — а в Энтеббе наполовину ниже.

— Ну, пеняй на себя, — вздохнул Маринский. — Если ты заболеешь — я не виноват.

В конце концов Эйби Натан понял, в чем дело: в субботу он сообщил много важных деталей, которые успел заметить в Энтеббе. Главный его вывод был, что если не террористы, то во всяком случае угандийцы начнут смертные казни завтра, то есть в воскресенье, как только истечет срок ультиматума. По его мнению, Амин, полновластный хозяин Уганды, будет опасаться за свой престиж, если Израилю удастся выторговать еще какие-нибудь уступки.

Дополнительные сведения пришли из Парижа. Группа специалистов из израильской разведки прибыла во Францию для бесед с освобожденными заложниками. Многие не могли точно вспомнить жизненно важные детали — такие, например, как расположение дверей в старом здании аэропорта или в какую сторону открываются створчатые, доходящие до полу окна — наружу или внутрь. Гипнотизеры, обладающие большим опытом допросов вражеских солдат и пойманных террористов, подвергли, с их

согласия, гипнозу заложников, потерявших память вследствие шока.

Один американский врач рассказал под гипнозом массу подробностей, которые он никак не мог вспомнить, пока сознательно пытался помочь допрашивающим. Те работали наперегонки со временем и накануне пятницы наконец убедились, что того, что рассказывали освобожденные заложники, достаточно, чтобы восстановить не только физическую, но и психологическую атмосферу в Энтеббе. Из израильского посольства в Париже специальной комиссией было отправлено тщательно закодированное послание: "Предыдущий анализ поведения Амина нуждается в уточнениях. Он был склонен к продлению переговоров, так как наслаждается внезапной славой. Однако он озабочен также и тем, чтобы не рассердить своих "друзей" в ООП и НФОП. Они уже проявляют признаки недовольства. На основании доказательств, изложенных ниже, представляется вероятным, что Амин согласится начать "показательные казни" в воскресенье, 4 июля, на рассвете".

Это предположение, подкрепленное добытыми сведениями, не имело целью посеять панику. Его авторы знали, что оно будет тщательно взвешено. Оказалось, что оно подтверждает предположения Эйби Натана и Джорджа Джити.

Вероятность убийства заложников оказала новое давление на Рабина. До сих пор он все еще надеялся оттянуть время, рассчитывая, что Амин постарается как можно дольше пробыть в лучах мировой славы.

— Раз уж мы говорим о нашем народе, что он не поддается демагогам, — сказал позднее Рабин, — то я, как премьер-министр, должен был принять только такое решение, которое основано на общем согласии.

Большую часть времени, мучительно и одиноко размышляя над создавшейся ситуацией, Рабин проводил в

своей временной резиденции в Тель-Авиве, в маленьком доме под красной черепичной крышей. В этом здании когда-то размещался немецкий Орден Тамплиеров, а затем, по иронии судьбы, во время Второй мировой войны англичане содержали в нем немцев, подозреваемых в шпионаже в пользу Германии. В трагический послевоенный период, накануне создания Израиля, когда еврейская подпольная армия (в которой сражались многие из тех, кто теперь решал судьбу рейса "139") боролась с англичанами, здание превратилось в штаб-квартиру английских оккупационных войск. Позднее оно служило временным пристанищем для правительства Бен-Гуриона — перед рождением Израиля.

Сидя в длинной комнате, на стенах которой не было ничего, кроме портретов Теодора Герцля и Хаима Вейцмана, Рабин снова и снова терзался сомнениями.

— Я предпочел бы находиться в первом самолете, который приземлится в Энтеббе, — сказал он впоследствии.

Рабин переговорил обо всем и с лидером оппозиции Менахемом Бегинем, что могло бы показаться странным для тех, кто незнаком с пестрой и многообразной историей Израиля. В свое время Бегин был наиболее желанной добычей для английской контрразведки, после того как был убит Аврахам Штерн. Неуловимый вождь подпольной организации "Иргун Цваи Леуми" (Эцель), он постоянно выступал с критикой Рабина и заслужил репутацию "ястреба". Однако острые политические схватки были забыты: теперь их объединила общая опасность.

Сам Рабин в возрасте 18 лет был десантником в партизанских отрядах, боровшихся против блокады, которую установили в Палестине англичане с целью помешать иммиграции евреев. И, как это ни парадоксально, он был также диверсантом в английских войсках, сражавшихся против нацистов во время Второй мировой войны. Всю свою жизнь, с самого детства,

он участвовал в войнах особого рода; однако по своим склонностям он фермер, и в его характере сочетаются типичные черты израильского гражданина-солдата: твердое понимание необходимости всегда быть готовым к борьбе за свое право быть евреем и вместе с тем душевная мягкость и доброта, которые являются следствием философского подхода к жизни и смерти.

После создания Израиля Рабин прошел обучение в военном колледже при английском штабе. Он понял, какую роль должна сыграть авиация при подавлении вражеских аэродромов в первый день Шестидневной войны.

— Как только они были выведены из строя, — сказал Рабин, который в то время был начальником генерального штаба, — основная задача по разгрому вражеских войск легла на плечи наших войск в пустыне.

Рабин-гуманист был полон сочувствия к родственникам пассажиров рейса "139", которые штурмовали его резиденцию. Рабин-солдат вычислял возможность риска в беспрецедентном рейде. Большому числу пассажиров грозила опасность, так как решено было без необходимости не стрелять в угандийских солдат, охраняющих здание. Рабин-политик вспоминал предыдущие случаи обмена заключенных. Он с горечью напомнил о них во время одной из жарких дискуссий:

— В 1968 году после секретных переговоров мы освободили палестинцев и тайно обменяли их на израильтян — пассажиров угнанного в Алжир самолета "Эль Аль". В 1969 году произошел другой безмолвный обмен: сирийских летчиков и других военнопленных обменяли на двух израильских заложников, которых продержали в Дамаске 98 дней. И, наконец, после войны Судного дня мы вернули более сотни диверсантов и шпионов, чтобы получить тела нескольких израильских солдат, погибших в боях.

Однако родственники пассажиров рейса "139" задавали только один вопрос:

— Вы хотите дождаться, чтобы людей убили до того, как вы, наконец, совершите обмен?

И Рабин-гуманист позднее сказал:

— До конца своих дней я буду прислушиваться к голосу своей совести. В истории с рейсом "139" я придерживался принципа, от которого не хотел отступать, пока не произойдет нечто, что в корне изменит всю ситуацию. До тех пор, пока я не убедился во время субботней репетиции, что операция тщательнейшим образом продумана, я считал, что надо произвести обмен.

Премьер-министр, на которого сыпались обвинения в бездейственности и нерешительности, различал три формы реакции на террористические методы шантажа.

Первая: террористы действуют на нашей территории. В этом случае предпочтительнее с ними бороться, а не уступать, хотя иногда гибнут невинные жертвы, как это произошло в Маалоте, когда погибло больше двадцати израильских школьников, попавших в руки террористов*.

Вторая: захват заложников на дружественной нам территории, где полиция враждебна террористам. Так было в ЮАР, где мы боролись с террористами, имея поддержку властей. Там не было никакой моральной дилеммы.

Третья: захват и увоз заложников на территорию, дружественную террористам. Таков случай с рейсом "139". Я знаю, что наши войска в состоянии произвести удар дальнего действия, но я не могу согласиться рисковать сотнями невинных жизней — или даже одной.

* В Маалоте специальные отряды взяли штурмом школу, где просочившиеся через границу арабские террористы держали в качестве заложников 100 детей. В ходе перестрелки погибло 22 школьника.

Я не хочу никакой освободительной операции, у участников которой будет билет только в одну сторону.

Я хочу получить доказательства, что первый самолет, прилетевший в Энтеббе, сможет безопасно приземлиться и благополучно вернуться назад. Катастрофа в Уганде будет колоссальной победой наших врагов.

И пока я не получу этих доказательств, ничто не заставит меня изменить принятое ранее решение о переговорах.

Бегин, поседевший командир Эцеля, поддержал Рабина. Он принимал участие в заседаниях кабинета и согласился с решением о переговорах. Затем в пятницу вечером Рабин, ознакомившись с новейшими данными разведки из Энтеббе, сказал своему политическому противнику и бывшему товарищу по оружию:

— Я думаю, мы сможем это осуществить. Надо только, чтобы Гур побывал на репетиции "Молнии", и тогда, если он будет удовлетворен, мы будем просить одобрения всего кабинета.

14

НОЧЬ РЕПЕТИЦИИ

Только горстка мужчин и женщин, отобранных для участия в "Молнии", знала, что в ночь на субботу они занимались не учебной тренировкой, а подготовкой к секретной операции. Репетиция была разделена на несколько частей. Каждое подразделение в течение дня отрабатывало свое задание, по возможности независимо от других. Врачи в репетиции не участвовали, так как были хорошо знакомы с хирургией в условиях полета. Большинство их в пятницу после полудня было отправлено в карантин. Из-за неожиданного стечения

обстоятельств одному все-таки пришлось вернуться в госпиталь; там его коллега увидел, что он укладывает в полевую сумку лекарства и хирургические инструменты. Это вскоре стало известно; исчезновение других докторов тоже не прошло незамеченным; таким образом, госпиталь оказался одним из очень немногих мест, где догадывались о том, что готовится освободительный рейд.

В остальном секретность практически была стопроцентной. Но когда летчикам приказали идти в карантин, они запротестовали. "Я хочу провести последнюю ночь в собственной постели", — заявил чуть ли не каждый. И так как для участия в операции было отобрано втрое больше пилотов, чем требовалось на самом деле, а с другой стороны, летчики сами были максимально заинтересованы в соблюдении секретности, то карантин для них был отменен. Как известно, пилоты, сбитые над вражеской территорией, подвергались жестоким пыткам и увечьям. К тому же они стремились уберечь своих жен и детей от мести террористов. Это делало их самой неболтливой группой в стране.

Генерал Гур хотел лично убедиться в том, что "Геркулесы С-130", известные в израильских ВВС под названием "Гиппо"* , могут доставить в нужное место технику и войска и вернуться назад, совершив путь длиной в 5000 миль без посторонней навигационной помощи. Он сомневался, удастся ли самолетам пройти незамеченными весь путь до Энтеббе. Расспрашивал, может ли большой самолет приземлиться на охраняемом аэродроме на высоте 3800 футов над уровнем моря так, чтобы не поднялась тревога.

— Предположим, — говорил он, — в одном из самолетов выйдут из строя посадочные приборы, или будет поврежден мотор, или самолет получит пробойну, или в мотор попадет птица. В операции должны участво-

* "Гиппо" — сокращенное от "гиппопотам".

вать как минимум четыре "Геркулеса". Если один из них будет поврежден или задержится в Энтеббе — что станет с его командой и десантниками?

— А ничего страшного, — успокаивал его командующий ВВС Бенни Пелед. — Я полечу впереди. У нас будут наготове резервные места. И, кроме того, ты еще не видел, на что способны наши "Гиппо". Пошли.

В эту ночь Гур пережил одно из самых сильных ощущений за всю свою долгую жизнь военного. В течение трех часов он сидел в огромной кабине четырехмоторного "Гиппо", в то время как самолет подвергался всесторонним испытаниям. "Локхиды С-130", эти рабочие лошади авиации, не впервые проходили такие экзамены. Им случалось доставлять 92 полностью вооруженных батальона за 2000 миль от дома. На другом испытании этот самолет совершил посадку на обстреливаемом участке, выгрузил гаубицы, грузовики, живую силу, погрузил 74 "раненых" на носилках, и на всю операцию ушло 33 минуты.

Бенни Пелед, который летал с детства, знал по своему опыту, что все это осуществимо. Генерал Гур знал это из докладов. Теперь ему предстояло лично убедиться, какие это мощные и послушные машины.

"Геркулес" с начальником генерального штаба на борту летал над пустыней и над горами, которые скрывались в крошечной мгле. С четырьмя двигателями, работающими на полную мощность, и пилотом, "стоящим на тормозах"*; 70-тонный самолет

* Техника вертикального взлета заключается в том, что пилот удерживает машину на месте до тех пор, пока мотор не наберет нужного числа оборотов, после чего резко отпускает тормоза, и самолет буквально "вспрыгивает" вверх. Для того, чтобы машина преждевременно не сдвинулась с места, пилоту приходится стоя, всей тяжестью тела, налегать на рукоятки тормозов. Отсюда выражение "стоять на тормозах".

взмывал вверх почти вертикально, словно вертолет. Его приземления были похожи на падения.

Это были чрезвычайно серьезные испытания. Несколько раз Гур, к своему изумлению, замечал, что судорожно сжимает поручни, борясь с внезапным ускорением или замедлением. Один раз он взорвался:

— Куда, к черту, мы летим?

Пелед дружески толкнул его в плечо:

— Мы надеемся, что в Энтеббе.

”Геркулесу” пришлось пройти через все эти эксперименты потому, что для Энтеббе требовалось быстрое, почти бесшумное прибытие, минимальное использование посадочных полос и моментальность взлета. Пилотов готовили к посадке прямо на землю, если предупрежденные угандийцы сделают недоступными посадочные полосы. Они могли вертикально взлететь прямо с поля боя с освобожденными заложниками на борту. ”Геркулесы” были идеально приспособлены для решения таких задач. Однако способный осуществлять столь поразительные вещи ”Геркулес” имеет и свои минусы. Он предназначен для полетов на небольших скоростях, и слишком быстрый разворот при поспешном взлете может искривить его очень гибкие крылья. В Энтеббе же предполагалось огромное ускорение при взлете. В это время два внешних мотора работают на половинной мощности, а два внутренних — на полной. Командир корабля держит правую руку на рукоятке дросселя, а левую — на штурвале, в то время как второй пилот отчаянно манипулирует элеронами, чтобы удержать нужный профиль крыльев. Дело в том, что чудовищная энергия, создаваемая четырьмя турбовинтовыми двигателями, становится опасной, если один из моторов откажет в критический период, пока скорость самолета не возрастет до 900 миль в час.

На меньших скоростях одного только рулевого управления оказывается недостаточно, чтобы воз-

местить противодействие отказавшего мотора. "Полет на элеронах" — это необычная техника, которая требуется потому, что толстые, низкого давления шины и посадочные приборы не в состоянии сами предотвратить такой перекося самолета, при котором одно из его крыльев зарывается в землю. Генералу Гуру были продемонстрированы все причуды и качества "Геркулеса". При этом демонстрация происходила в ночной темноте. Новичок, находящийся в кабине, со всех сторон окруженный иллюминаторами, даже днем испытывает кошмарное ощущение — как человек, выброшенный в пустоту. Разумеется, все четверо членов команды имеют электронных помощников, которые дают полную картину наружных условий. Но, даже понимая все это, генерал Гур должен был испытать ощущение гибели в катастрофе, когда "Геркулес", имитируя крушение, с глухим шумом начал падать на маленький клочок земли! При этом скорость все время уменьшается, и начинает казаться, будто огромная машина качается от каждого дуновения ветра. Системы управления при такой скорости становятся малочувствительными. Когда дроссели полностью закрываются, самолет плюхается на землю, и огромные его крылья искривляются так, словно вот-вот оторвутся. Несколько раз Гуру продемонстрировали вертикальное приземление, которое было скорее похоже на падение лифта. Расстояние, которое требовалось для приземления "Геркулеса", не превышало 213 м, что позволяло посадить его на внешней кромке аэродрома в Энтеббе неслышно для террористов.

В течение ночи Гур разговаривал с солдатами, которые летали в "Геркулесах". Все они были уверены, что если их доставят в Энтеббе, последующая операция займет не больше часа.

— Сделайте это за 55 минут, — сказал Гур.

Отряды снова и снова репетировали свои задания, используя на этот раз поврежденный "Геркулес"; они

сбегали по откидному трапу, бросаясь в "атаку" на угандийскую стражу, радарную станцию, контрольно-диспетчерский пункт и, самое главное, на старое здание аэропорта. В ходе репетиции было решено, что заложников можно освободить в течение 75 секунд после того, как террористы будут выбиты из здания.

Гур все еще не был удовлетворен. Он не отрывался от макета Энтеббе, отмечая новейшие данные разведки о возможном расположении танков и охраны. Небольшая группа десантников, у которых было единственное задание: освободить пассажиров и побыстрее доставить их в "Геркулес", снабженный ракетным двигателем, — снова и снова врывается в "здание тюрьмы" заложников, выстроенное в натуральную величину.

— Больше всего меня убедило то, — сказал позднее Гур, — что никто из десантников не находил в плане действий ничего невозможного. Им уже случалось проводить военные рейды, теми или другими деталями напоминавшие предстоящую операцию; они были до того опытны и натренированы, что дело казалось им почти обычным. Они не склонны были недооценивать трудности и опасности, но относились к ним спокойно, как хирурги в операционной. Хирург заранее знает все, что его ожидает, но тем не менее, начиная операцию, он всегда готов к неожиданностям; так же точно и десантники.

Глава штаба рассказывал десанникам и о том, как обдумывалась предстоящая операция, говорил о необходимости избегать ненужного кровопролития, но прежде всего он подчеркивал справедливость операции "Молния" и ее важность: она должна показать еще раз, что еврейский народ больше никогда не будет бояться своих преследователей, не будет, голый и безоружный, стоять перед врагом.

В атмосфере изоляции, окружавшей Израиль во время истории с рейсом "139", было одно светлое

пятно. Англия, где террористы оставили кровавый след взрывов и убийств от Лондона до Северной Ирландии, предложила Израилю свое полное сотрудничество, но с учетом того факта, что в Уганде все еще находятся английские подданные. Англичане имели секретное соглашение с Кенией, по которому королевский воздушный флот и десантные войска имели право использовать кенийские аэродромы, включая аэродром в Найроби.

В это время специальная комиссия, подсчитывая возможные потери при операции "Молния", пришла к выводу, что их число не превысит 35. Допустимо ли это? И тут из британских источников в Восточной Африке пришло предупреждение: по целому ряду причин, начиная с возвращения Амина и кончая беспокойством среди стратегов ООП в Кампале, значительно увеличилась вероятность того, что убийства заложников начнутся в воскресенье рано утром. Таким образом, сроки проведения операции "Молния" сильно сокращались, но уравнение стало простым. На одной чаше весов был риск потери в бою 35 израильтян, на другой — 105 человек, погибших вследствие преступного бездействия.

15

"ГИППО" СОБИРАЮТСЯ В ПУТЬ

Мужчины и женщины, участники операции "Молния", были предупреждены, что они должны прибыть на свои базы в гражданской одежде и в общественном транспорте или в частных автомобилях, а не в военных или правительственных машинах. Была еврейская суббота, а в Израиле проведение любой военной операции сопряжено с вмешательством в семейную или религиозную жизнь.

”Скорость, секретность, внезапность” — три ключевых слова, которые все время повторял в предыдущую ночь командир ”Молнии” бригадный генерал Дан Шомрон. Секретности угрожала одна особенность Израиля: по субботам он превращается в одну большую семью. Все сплетничают; старшие допрашивают молодежь: ”Где ты был? Что видел? Что делал?” Ответы типа ”нигде” и ”ничего” означают, что что-то происходит. А в эту особую субботу каждый мог предположить только одну возможность.

Итак, суббота казалась обычным летним днем: пляжи полны, дороги забиты транспортом. Немногочисленные участники операции ”Молния” — командос, отобранные из бригады ”Голани”, парашютисты 35-й десантной бригады, участники антитеррористических отрядов, девушки-военнослужащие ВВС, обязанностью которых является уход в воздухе за ранеными, — незаметными струйками стекались из кибуцов, Тель-Авива и Иерусалима к секретным местам сбора.

На одной из авиабаз в пустыне были на некоторое время изолированы инженеры строительной компании ”Солел-Боне”. Это они построили для репетиций ”Молнии” огромный макет Энтеббе, использовав для этого синьки, по которым они же во времена дружбы Израиля с Угандой построили там новые здания. Макеты были воссозданы в соответствии с уточнениями, полученными от французской разведки и от освобожденных заложников; помогли и фотографии, сделанные с израильских разведывательных самолетов и с американских спутников. Инженеров задержало на базе неожиданно широкое гостеприимство командира, предложившего им остаться и отдохнуть после напряженной работы. Даже если они и догадались о причинах такого радушия, они не подали вида. Между семейным образом жизни Израиля и делом обороны страны существует невидимая граница.

База, очень неприметная, лежала в котловине, окруженной высокими деревьями, среди которых витали призраки "Суперкорнетов" — больших вертолетов, уже отслуживших свой век и разобранных десантниками на части для тренировок. Позади этих обломков — туго натянутые канаты и вышка для прыжков. Между рядами эвкалиптов стояли старые самолеты, ветераны предыдущих войн, сохраненные в качестве памятников.

Теперь участвовать в битве предстояло гигантским низкопрофильным "Гиппо". Необыкновенно трудно обнаружить такой самолет на земле. Забавно, что пилоты ВВС дали "Локхиду С-130 Геркулес" именно это ласковое прозвище: самое большое животное, которое можно увидеть возле Энтеббе, — это неуклюжий гиппопотам, с трудом вытаскивающий свое грузное тело на берег из озера Виктория.

Однако операция "Молния" была полна таких совпадений. Взять хотя бы историю с "Мерседесом" президента Амина. Несколькими годами ранее Амин предложил будущему своему министру иностранных дел решить, в какой стране он хотел бы стать послом. В течение 24-часовой марафонской пьянки тот вопрошал самого себя, куда бы ему хотелось отправиться. Как и Амин, он обожал самолеты и автомобили. Все предложенные ему посты он рассматривал с единственной точки зрения: какой марки машину он сможет купить без уплаты таможенной пошлины?.. Лондон — и "Роллс-Ройс"? Париж — и новый "Ситроен"? Вашингтон — и "Линкольн"? Или Бонн — и "Мерседес"?

Он выбрал Бонн. Он и Амину посоветовал завести "Мерседес". Это было время, когда иностранные правительства состязались между собой в бесстыдной борьбе за благосклонность черных диктаторов, набирающих силу после исчезновения колониализма. Итак, Амин, которому в качестве взятки предлагали всякие

марки машин, выбрал "Мерседес" (Израиль не мог участвовать в этом соревновании, пока кто-то не додумался подарить Амину "игрушку" другого сорта: тренировочный реактивный самолет "Фуга-Магиста", ВВС).

В субботу 3 июля черный "Мерседес" Амина, или по крайней мере точно такой же, стоял за закрытыми дверями большого ангара. В течение нескольких дней специалисты по маскировке прочесывали Израиль. Они нашли "Мерседес", который подходил под описание, представленное агентами Мосада, но он был белого цвета. Перекраска и наем маляров выростали в целую проблему для службы безопасности. Трудно было сделать это, не привлекая внимания. Кому придет в голову каприз за одну ночь перекрасить баснословно дорогую машину? Ни у кого в Израиле нет таких денег. И сотрудники министерства перекрасили его сами.

"Реума", резервистка ВВС, а в обычной жизни сотрудница тель-авивской телевизионной компании, превращала дородного парашютиста в Амина. Сверяясь с фотографиями Большого Папы, она работала в том самом ангаре, где стоял перекрашенный "Мерседес". Когда и как будет использован лже-президент и его "Мерседес", еще не было решено. Но то, что начиналось как шутка, стало частью реального плана.

На другой базе другой гример работал над людьми из команды подполковника Ионатана (Ионни) Нетанияху. Эти люди — искусные стрелки, натренированные в страшном искусстве убийства, — должны были возглавить атаку.

Ионни, их командир, родился в США; сын выдающегося еврейского историка, он и сам изучал философию в Гарвардском университете. Друзья говорили: "Это человек меча и Библии", — повторяя известное древнееврейское выражение. Он страстно любил израильскую землю. В операциях против террористов он

был предводителем. Во время тренировок он был волшебником, умевшим оживлять прошлое.

— Ионни знал каждый уголок Израиля по Библии, — вспоминал его товарищ. — Где бы мы ни были, он всегда рассказывал, что было на этом месте в библейские времена.

Ионни разговаривал со своими людьми об Уганде, пока нескольких солдат гримировали под угандийцев. Ребята, почти все двадцатилетние, немного нервничали.

— Мы ведь не имели никакого понятия об Африке, — сказал один из них позднее. — Нас, конечно, научили ночным рейдам и боям в незнакомых условиях, но нас ориентировали на Ближний Восток. Мы знали, как атаковать нефтяные скважины или захватить аэродром. Но никто из нас никогда не думал о Черной Африке.

Другой участник группы Ионни, по кличке "Рафаэль", рассказал:

— Нервы были натянуты, как струны. Однако те, кого отстранили от участия в рейде, уходили со слезами на глазах. Нервное напряжение — это подготовка к действию. И если для тебя действие отменяется, — это трагедия.

То, что окончательный отбор участников произойдет в самую последнюю секунду, было решено заранее. План операции непрерывно корректировался по мере поступления новых донесений разведки.

Часть этих донесений поступала прямо с угандийских небес, где самолеты ВВС, сменяя друг друга, следили за погодой, движением угандийских самолетов и перемещениями Амина. Амин собирался обратно в Энтеббе. От точной даты его возвращения зависели последние поправки в плане операции "Молния".

Другие данные продолжали поступать из Европы. Особый советник по антитерроризму генерал-майор Рехамам Зеэви с момента своего прибытия в Париж во

вторник 29 июня был непрерывно занят переговорами и опросами. В субботу в 14.30, за час до начала операции, он позвонил по телефону Рабину и сообщил, что возникла новая помеха в переговорах с террористами. "Почему-то прервалась связь", — сказал он, имея в виду связь с похитителями в Энтеббе.

— Продолжайте попытки! — ответил Рабин.

И Зееви продолжал свои бесплодные попытки возобновить связь с похитителями, уверенный, что с ними уже обо всем договорились. Но сам того не зная, он передал специальной комиссии важную информацию. Террористы не отвечали потому, что не могли этого сделать: Амин еще не вернулся, а без Амина они не решались обсуждать очередной предложенный им план обмена. Таким образом, всего за час до начала операции общая картина дополнилась еще одной деталью.

Управляющий рейсами "Эль Аль" в Найроби получил указание подготовить и заправить для дополнительных рейсов "парочку самолетов". Теперь он знал, для чего надо было держать наготове валюту из неприкосновенного запаса, и знал, куда пойдут деньги. О том, куда полетят самолеты, он старался не думать.

Проблема заправки все еще не была решена. С самого начала Рабин сосредоточил внимание на этом слабом звене. Транспортным "Геркулесам" и "Боингам 707" придется покрыть огромное расстояние. "Боинги" смогут заправиться в Найроби, не привлекая особенного внимания. Но "Геркулесы", оснащенные для боевой операции, не могли ни приземлиться по пути в Энтеббе, ни заправиться в воздухе, ибо это привлекло бы внимание вражеских радаров. Поэтому один из четырех "Геркулесов" загрузили цистернами с горючим с расчетом уже в Энтеббе перекачать горючее в остальные машины. Это означало необходимость иметь с собой еще и специальные насосы. Это означало также колоссальный риск для пилота и команды корабля.

Рано утром в субботу премьер-министр все еще обдумывал политические и дипломатические последствия "Молнии" и все еще был не в силах дать окончательное "добро". Он снова запросил командующего ВВС Бенни Пеледа, генерала Гура и советников разведки, есть ли хоть какая-нибудь возможность не тащить с собой цистерны с горючим до самого Энтеббе.

К этому времени из Найроби пришло известие, которое позволило советникам Рабина полагать, что израильским самолетам будет разрешена заправка в Кении. На всякий случай пятый "Геркулес" с горючим на борту полетит впереди и будет ожидать на кенийской военной базе возле Момбасы. Однако этот воздушный танкер следует использовать лишь в случае крайней необходимости. Если спасательная экспедиция будет вынуждена приземлиться на африканской военной базе, поднимется настоящий вой, и Кения будет обвинена в помощи и содействии военному нападению на Уганду. С другой стороны, аэропорт в Найроби используется для гражданских авиалиний, и поскольку рейдовые самолеты будут зарегистрированы как гражданские, выдвинуть обвинения против правительства Кении станет практически невозможно.

Уточнились также временные границы операции: с одной стороны, они определялись неизбежностью предстоящих казней, а с другой, — отсутствием движения на гражданских авиалиниях с Ближнего Востока в Южную Африку через Найроби. Было известно, например, что с середины субботы и до 2.30 утра в воскресенье в аэропорту Энтеббе не появится ни один самолет, пока не прибудет английский рейс VC-10, чтобы заправиться по пути из Лондона на Маврикий. Таким образом, наметился верхний предел для отбытия самолетов "Молнии" из Энтеббе. Было желательно, чтобы они улетели до того, как появится английский авиалайнер.

Вопрос о том, какие самолеты должны участво-

вать в этой акции, не вызывал разногласий. "Геркулесы С-130 Е и С-130 Н" использовались в ВВС с 1971 года. С момента прибытия первой партии из 16 самолетов "Геркулесы" подверглись значительным переделкам. В дальнедействующей операции один самолет подобного типа летит впереди, как бы прокладывая путь. Он до отказа забит специальным электронным оборудованием — дальнедействующими глазами и руками пилотов. Несмотря на свой неуклюжий вид, "Гиппо" так же легко поддаются управлению, как и истребители.

Пилоты "Геркулесов" умеют выполнять на них фигуры высшего пилотажа, летать на двух из четырех моторов и приземляться всего на одном моторе. Тем не менее они далеко не так популярны, как летчики-истребители. Один из пилотов "Гиппо", по кличке "Ариэль", говорит об этом так:

— Я был на яхте. В этот прекрасный теплый летний вечер я и помыслить не мог о том, что через несколько часов буду лететь в Кению с 20 тоннами горючего на борту, словно бомба, которая каждую секунду может взорваться из-за какой-нибудь оплошности или случайного попадания угандийского снаряда. Был накрыт праздничный стол с массой выпивки. Палубу украшали собой несколько тель-авивских красоток. Их не слишком интересовала судьба заложников. Они только вздыхали: "Ах, несчастные люди..." — и торопились переменить разговор. Мужчины обсуждали похищение. Большинство критиковало правительство за бездеятельность. Внезапно все повернулись ко мне:

— А вы там, в авиации, — вы ничего не можете сделать? Разбомбить Энтеббе, например?

Атмосфера была возбужденная, я не знал, что ответить. Наконец я сказал:

— Что вы от меня хотите? Я всего лишь пилот транспортного самолета. Прикажут мне полететь в Энтеббе — полечу в Энтеббе.

Ведь мы, транспортные пилоты, еще со времен "Дакот" и "Стратокрузеров" в авиации вроде пасынков. Куда нам до истребителей, которые сражаются с "МИГами" и атакуют ракетные батареи! Мы просто водители грузовиков.

В эскадрилье у нас обстановка почти гражданская. Летчики — это ветераны, налетавшие много часов на других самолетах. Работа обычная. Приходим на летное поле в обычной одежде, с большими сумками...

В наших "Гиппо" командир корабля сидит рядом со вторым пилотом. Позади — место бортового инженера. У задней стены кабины четвертый член экипажа — штурман. Однако навигационная система "Геркулеса" в отличие от систем других транспортных самолетов очень продуманна и сложна. "Геркулес" может лететь при полном отсутствии видимости и при любой погоде от Северного полюса до экватора. Мы еще долетим до Северного полюса...

На большой панели, расположенной прямо перед нашими сиденьями, размещены сложнейшие навигационные приборы, включая очень точный радар. Эти приборы — целая революция в навигационных системах, решающая проблемы военной транспортной авиации.

"Гиппо" имеет четыре турбореактивных двигателя. При всей своей мощности они не слишком шумные, — кстати, это оказалось важным преимуществом при рейде в Энтеббе.

Самолет взлетает при малой длине разбега. Он снабжен реактивными двигателями для максимально быстрого взлета.

Атмосфера у нас очень приятная. Членов экипажа много, и потому возникает дух товарищества и веселья. Управление четырехмоторным самолетом — дело важное. Вы отвечаете за гиганта.

Транспортные "Геркулесы" стояли в дальнем конце длинной взлетной полосы на другой авиабазе. Покрытые брезентом грузовики и автомобили подъезжали к их распахнутым трюмам. Кое-где на соседних посадочных полосах взлетали и приземлялись "Фантомы" и "Скайхоки". Наземный персонал ушел отдыхать, лишь два-три человека еще суетились на поле. Молодые пилоты болтали в баре.

Мало кто обратил внимание на солдат, которые выскочили из вертолетов и стали перегружать в трюмы "Геркулесов" оборудование: ящики с гранатами, ракеты для базук, радифоны.

В то же брюхо закинули два джипа с установленными на них безоткатными пушками и тяжелые пулеметы. Полугусеничные вездеходы отправились в другой самолет. Все делалось очень быстро. Никакого шума. Безучастные лица. Пахло неведомым, как бывает перед сражением.

Офицеры безопасности следили за тем, чтобы поблизости не было посторонних. Команда старших офицеров была очень маленькая: командир базы, его оперативники, бригадный генерал Дан Шомрон и подполковник Ионатан – Ионни Нетанияху.

Если даже политики сумели сохранить тайну вокруг операции "Молния", то уж в армии и воздушных силах ее окружили настоящей стеной молчания. Обычно слухи распространяются по Израилю, словно сплетни на арабском винограднике, или, по выражению Шомрона, "со скоростью африканского там-тама". Но теперь офицеры службы безопасности жгли каждый относящийся к операции клочок бумаги.

Последние приказы были отданы на сборном пункте. Все глаза были устремлены на гигантский план аэропорта Энтеббе. Ионни, проработавший со своими подчиненными каждую деталь задания, уделявший

особое внимание старому аэропорту, где содержались заложники, сказал:

— Проблема состоит в том, чтобы как можно быстрее добраться до заложников и обезвредить похитителей. Между полным успехом и всеобщей резней — всего несколько секунд.

Молодой офицер сказал:

— Это напоминает мне освобождение "Сабены" в Лоде: там надо было отделить террористов от пассажиров. Пассажиры уцелели потому, что все было сделано в несколько секунд.

— Для этого вам теперь дали описания террористов, — ответил Ионни. — У вас было время их запомнить. И все-таки повторяйте их подробно во время полета. Этим подонкам нельзя позволить ни единого выстрела. Одна-единственная граната может причинить непоправимый вред.

Атмосфера была спокойной. Солдаты Ионни (некоторые из них казались совсем детьми) болтали об Энтеббе как о Петах-Тикве возле Тель-Авива, как о Касриловке Шолом-Алейхема. Теперь, после инструктажа, это было знакомое место. Они как будто забыли, что отправляются в самое сердце Африки. Единственной Африкой, которую они знали, была линия фронта вдоль Суэцкого канала в войну Судного дня.

— Ну и что? — пожал плечами один из десантников. — В конце концов расстояние — это дело пилота.

Они говорили о заложниках. Там будет убийственный огонь. Как предупредить их, чтобы они легли на пол? По громкоговорителю? Или просто ворваться и закричать?

Ионни отобрал лучших стрелков. Первые же выстрелы по террористам должны быть смертельными. Брать ли в плен?

— Было бы неплохо захватить их лидера, Джабера, — сказал Ионни. — Но помните — это убийцы. Стрелять надо точно — второго шанса не будет.

Они обсуждали, как эвакуировать пассажиров в самолет. Сколько понадобится носилок? Как насчет стариков и детей? Нести их на руках?

Заседания генерального штаба с участием командующего ВВС генерала Бенни Пеледа и главы оперативного отдела генерал-майора Иекутиэля Адама имели почти научно-исследовательский характер: точное расписание плана полета в Энтеббе и обратно, подробный расчет длительности стоянки в Энтеббе, проверка возможностей в случае непредвиденных осложнений где-нибудь в Африке, далеко от дома. Командир "Молнии" Шомрон, который работал по 24 часа в сутки в течение всей этой недели, теперь проверял и координировал каждое звено предстоящей операции: отряд Ионни для освобождения заложников, отряд для нейтрализации угандийцев, подразделение специальных воздушных сил для уничтожения русских "МИГов" Иди Амина, отряд для охраны самолетов, отряд связистов, медицинский персонал и команда техников из разведки, имевших небольшое самостоятельное задание. Одно было очевидно: если с самолетами что-нибудь случится, участники "Молнии" окажутся в Энтеббе в еще худшем положении, чем заложники. По этой причине надо было также иметь наготове специальный воздушный резерв.

Перес назвал эту операцию "длиннейшей по расстоянию, кратчайшей по времени и отважнейшей по замыслу". Глава штаба Мордехай Гур назвал ее "расчетливым риском" в борьбе против терроризма. Перес добавил:

— Это относительный риск, неизбежный при опасностях, которым мы подвергаемся. Идеального решения у нас нет.

Руководители операции настаивали, что надо попытаться нейтрализовать угандийскую охрану, не при-

чиния солдатам вреда, если они не откроют огонь. В конце концов, офицеры и солдаты угандийской армии были когда-то учениками израильтян... И, как выразился Перес, "народ Уганды не несет ответственности за действия Иди Амина, который, собственно говоря, не может отвечать даже за самого себя".

Возвращаясь с последнего инструктажа, Дан Шомрон взглянул на карикатуру из английской газеты, приколотую к доске объявлений. Она изображала Иди Амина, который спрашивал Гитлера: "Не посоветуете ли, как мне построить такой же бункер, какой был у Вас в Берлине?"

В последние часы, когда уже было получено одобрение военных специалистов и специальной комиссии и окончательное решение зависело от кабинета министров, 280 парашютистов собрались в огромном ангаре, где стояли полугусеничные вездеходы и джипы с безоткатными орудиями. Начальник специальной службы генерал-майор Шомрон подождал, пока двери ангара закроются, и вскочил на подножку джипа.

— То, что вам предстоит сделать, важно для государства Израиль, — сказал он голосом, охрипшим от бесконечных споров. — Я знаю, что каждый из вас выполнит свой долг. Желаю удачи. Благодарю.

Пилоты разглядывали своих пассажиров с некоторым недоумением. Иные скинули рубахи, как только забрались в трюм "Геркулеса", на других были неглаженные, измятые комбинезоны. Были тут и парни в гражданской неприглядной одежде, которую надевают для работы в своем саду.

— В жизни не видел такого сброда, — сказал позднее один из пилотов. — С виду обыкновенные хулиганы. Как только мы взлетели, они рассыпались кто куда: одни под вездеходы, другие примостились между джипами и контейнерами... И уснули: все как один.

Этот пилот налетал столько часов, что, казалось, мог бы уже ничему не удивляться. Он знал, что некоторые

из "гражданских" были врачами. Другие, как он думал, были эксперты из разведки, с самостоятельным заданием. Он сказал:

— Когда я смотрел на лица десантников, я успокаивался. Но видели бы вы их, когда они стали появляться на военной базе! Вы бы их просто прогнали. Какие-то уличные мальчишки! Видно, они и хотели так выглядеть.

Системы кондиционирования его "Геркулеса" не справлялись с жарой. Солдат набилось, как сельдей в бочке; кто забрался в джипы, кто скрючился возле вездеходов. Экипаж поднялся в свою кабину. Многие бросали сочувственные взгляды на людей в угандийской военной форме, втиснувшихся в черный "Мерседес", — их выкрашенные черные лица блестели от пота.

Заседание кабинета министров в полном составе началось в 14.00. Ицхак Рабин казался очень встревоженным. Он сказал — или признался, — что если операция провалится и начнутся народные демонстрации, он, как глава правительства, принимает на себя ответственность за все. С тяжелым сердцем он объявил, что одобрил план операции. Точно так же Рабин вел себя накануне Шестидневной войны: окончательному решению предшествовали долгие вычисления. Однако в 1967 году Рабин был начальником генерального штаба и ждал одобрения правительства. Теперь он сам был верховной властью. Без его согласия самолеты не могли отправиться к месту назначения.

Обсуждение продолжалось. Премьер-министр сказал, что он не хочет вводить регламента для выступлений, чтобы не вынуждать никого к поспешным решениям. Это тоже определило атмосферу чреватого последствиями дня. Каждому министру хотелось поговорить на этом "историческом заседании", а время шло, и решение все еще не было принято.

Однако этот демократический принцип обсуждения в конце концов тоже сослужил свою службу. Время, в течение которого секретность операции могла быть случайно нарушена, было сведено к абсолютному минимуму.

ОПЕРАЦИЯ "МОЛНИЯ". "ДОБРО!"

Самолеты "Молния" стартовали за 15 минут до того, как кабинет дал свое согласие.

Самолеты — участники беспрецедентного в истории десанта — уже находились в воздухе, и командиры были готовы дать приказ повернуть назад, если специальная комиссия не получит одобрения всех членов правительства. Приказ "Занек!", что значит "прыжок" или "взлет", был дан всем пилотам в 15.30. Это была еврейская суббота, 3 июля, и двое министров, которые представляли наиболее религиозные слои Израиля, пешком прошли весь путь до места заседания кабинета, поскольку религиозные законы запрещают по субботам пользоваться транспортом. Так как заседание состоялось в Тель-Авиве, а один из министров жил в Иерусалиме, министр транспорта Гад Якоби предупредил своего коллегу, чтобы тот провел ночь на субботу вне дома. Второй — министр социального обеспечения Звулун Хаммер — 90 минут шел на заседание из своего дома в пригороде Тель-Авива, вежливо отказавшись сесть в машину, которую прислал за ним премьер-министр Рабин.

— У нас кончится горячее, пока эти идиоты там спорят, — пожаловался один из пилотов, летя к Красному морю; в это время в трюме его самолета десантники намазывали себе лица черной краской, которой снабдил их гример; прошлой ночью "похищенный" из тель-авивского театра.

— Они болтают, мы потеем, а Большой Папа уже поедает первого заложника, — пробормотал огромный парашютист, одетый в белый комбинезон механика Восточноафриканской авиалинии.

— Они рассчитывают на 30 убитых и 50 раненых, — сказал один из членов медицинской команды, в которую входило 23 врача и 10 санитаров. Медицинский персонал летел в "Боинге-707", превращенном в госпиталь. — Они уже все подсчитали. Какого черта они не дают нам "добро"?

— Если правительство еще немного потянет время, — сказал один из радарных операторов, — русские выпустят свои "МИГи", а это совсем не то, что "МИГи" в руках угандийцев.

Участники операции, естественно, нервничали. Они привыкли к борьбе, к решительным действиям: медлительность демократических процессов их раздражала. Огромные транспортные самолеты в сопровождении истребителей неслись к цели без твердого приказа, а "эти старики" все еще продолжали "бормотать в свои бороды".

Под конец политического обсуждения начальник штаба раскрыл свои карты:

— Я сейчас представляю план, принятый к исполнению.

Он сослался на слова Дана Шомрона, командующего операцией: "Я думаю, что, если мне удастся благополучно посадить в Энтеббе первый самолет, вся операция пройдет успешно".

Атмосфера была напряженной. Многие все еще сомневались. Но время не ждало. Полет в Энтеббе занимает 7 часов. Если план подлежал одобрению, это надо было сделать в течение нескольких минут.

Теоретически было еще возможно в любой момент, до приземления в Энтеббе отозвать самолеты. Это принималось в расчет на случай возникновения опасных для операции неожиданностей. Иди Амин собирал-

ся прервать свое пребывание на острове Маврикия и вернуться в Энтеббе. Что, если израильские десантники и Амин приземлятся в аэропорту одновременно и окажутся лицом к лицу?

Разведка подчеркивала, что здание с заложниками охраняют не более 10 террористов и еще 80 — 100 угандийских солдат находятся поблизости. По-прежнему опасались того, что здание, где содержались заложники, могло быть заминировано.

Раньше всех вылетел "Боинг-707", выкрашенный в цвета "Эль Аль", на борту которого находился командующий ВВС Бенни Пелед, ветеран, летавший на каждом типе военного самолета, когда-либо использовавшемся в Израиле; вместе с ним летел заместитель начальника генерального штаба Иекутиэль Адам. Они следовали по международному маршруту вдоль Красного моря, затем миновали Эфиопию, после чего, продолжая лететь в том же направлении, начали снижаться к западу от озера Наиваша, чтобы приземлиться в аэропорту Найроби.

Пока все шло хорошо. Никто их не запросил. Да и не было причин этого делать: "Боинг" выглядел как обычный коммерческий самолет. Если бы кто-нибудь заглянул внутрь, он бы увидел бизнесменов в обычной одежде и довольно необычный груз, занявший место снятых сидений. Этот груз представлял собой копию тель-авивской штаб-квартиры Бенни Пеледа. Главнокомандующий ВВС фигурировал в списке пассажиров как Сидней Коен, южноафриканский торговец мехами. "Боинг" выкатился на стоянку в максимально безопасном участке аэропорта, туда, где обычно стоят самолеты "Эль Аль", охраняемые полицией. Начальник полиции аэропорта Лайонел Дэвис был одним из немногих, кто знал, почему на этот раз потребовалось принять особо тщательные меры предосторожности.

Второй "Боинг" последовал за первым. Опознавательные знаки ВВС на нем также были закрашены и заменены знаками "Эль Аль". В нем находился госпиталь. Заправка "Боингов" не привлекла внимания: управляющий "Эль Аль" в Найроби об этом позаботился. В Тель-Авив был отправлен обычный телекс, но те, кто его ожидал, были далеко не в обычном состоянии. Директор "Эль Аль" Мордехай Бен Ари немедленно послал копию в генеральный штаб. Бен Ари не покидал своего поста в течение всей прошедшей недели; сейчас наступил апогей этих беспокойных дней и ночей, живо напомнивших ему то время, когда он переправлял на грузовиках и самолетах еврейских беженцев, собранных со всех концов лежавшей в руинах гитлеровской Европы.

Когда оба "Боинга" благополучно достигли Кении, можно было разрешить взлет остальным участникам операции: четырем "Геркулесам" и сопровождавшим их истребителям.

Маленький отряд получил приказ подняться в воздух вскоре после 15.30 и пролетал над Шарм-аш-Шейхом, самой южной точкой Израиля, когда пилоты услышали наконец команду: "Добро!" С этого момента связь по военному радио прекратилась. Все "Геркулесы" имели гражданские регистрационные номера и летели по тому же международному коммерческому маршруту. Пилоты выполняли обычные процедуры, принятые для гражданских самолетов. Конечно, было невозможно замаскировать высоко задранные хвосты "Геркулесов", но на экранах радаров "Гиппо" выглядели обыкновенными пятнышками.

Самолеты летели свободным строем, не выпуская из зоны видимости радаров своего лидера. Они следовали проторенным, хорошо известным путем. Но вскоре после выхода из воздушного пространства Израиля им пришлось резко снизиться. Перед самым

поворотом вглубь материка они заметили военные корабли русского производства, по-видимому, состоящие под командой арабов. Вероятно, это были дозорные корабли, снабженные электронным оборудованием, поэтому отряд "Гиппо" снизился почти до уровня моря*.

— Мы обращались со своими "Гиппо" как с истребителями, — сказал один из летчиков. — Мы делали на них все, только не вступали в бои. Сделали внезапный резкий поворот, чтобы обойти построенные русскими радарные установки на земле и на море, затем подпрыгнули, чтобы перебраться через горы...

Они попадали в "страшные грозы" и должны были лететь прямо сквозь них, чтобы сбросить горючее.

— Нам негде было бы приземлиться, если бы с моторами что-то случилось, — сказал один из штурманов. — Аддис-Абеба после наступления темноты закрыта, да и вообще это опасное место — никогда не знаешь, кто там у них сейчас наверху и что за войска, готовые стрелять без разбора, охраняют аэропорт. А искать там путь между гор в крошечной темноте — это значит пригласить себя на собственные похороны.

На борту лидера команда занималась прокладыванием пути сквозь враждебные небеса. В огромном пулеобразном обтекателе радиолокационной антенны впереди кабины находится сферический диск, который, непрерывно вращаясь, выпускает два мощных луча энергии. Первый направлен на детали — корабли, самолеты, горы — и возвращает полученную информацию команде. Второй шарит по всему окружающему пространству, отыскивая препятствия. Вместе они представляют собой всевидящие глаза "Геркулеса", которые замечают все: землю, корабли, бури и штормы.

* С помощью радара нельзя обнаружить объект, летящий ниже определенной высоты.

Электронный мозг расшифровывает сигналы, уточняя, что впереди: гора или грозовая туча.

Янтарно-желтый экран светился в темноте над панелью, в которую были вмонтированы главные приборы. Тонкий луч света обшаривал горизонт, оставляя там и сям пятнышки со светящимися, как у комет, хвостами. Оба пилота, штурман и бортиженер, умели расшифровывать значение каждого пятнышка и отчетливо "видеть" с помощью радара землю внизу и пространство впереди самолета.

Высоко над транспортными "Геркулесами" летели их "пастыри" — "Фантомы" ВВС, которые держались в стороне, но наблюдали за своей "паствой" с помощью радаров. В каждом "Фантоме" были приспособления для создания помех в работе вражеских радаров и искривления пути управляемых по радио ракет, которые могли быть выпущены по самолетам в попытке помешать операции "Молния".

В сумерки маленький воздушный отряд пролетел над Найроби. Вопрос о приземлении по пути в Уганду для него даже не вставал. Воздушное путешествие подходило к концу, — они подлетали к Энтеббе. Не защищенные больше коммерческими авиалиниями, они снижались в темноте по направлению к полосе воды на высоте 3000 футов над уровнем моря; это было огромное озеро Виктория, из которого вытекает Белый Нил.

"Геркулесы" подлетали к Энтеббе, и вспышки молний ярко освещали их, как будто для того, чтобы показать всю их беззащитность. Солдаты внутри самолета сбились в кучу.

Командир флага "Давид" был вне себя от радости. Бенни Пелед, командующий ВВС, назначил его командиром первого корабля, который приземлится в Энтеббе. Несколько старших пилотов боролись за

эту привилегию, однако главнокомандующий не принимал в расчет старшинства. "Давид" был отобран в соответствии с обычным порядком в ВВС. Он считался хорошим пилотом, хотя опыт у него был не слишком большой. С другой стороны, "Давид" всегда успешно выполнял задания. Командующий ВВС не видел причины лишать его возможности выполнить задание, когда пришла его очередь. Таким образом, "Давид" стал лидером самой продолжительной по дальности операции ВВС.

Он прислушивался к приглушенному реву всех четырех двигателей своего "Геркулеса", летящего со скоростью 350 миль в час. Его экипаж сосредоточился на навигационном плане, разработанном так, чтобы позволить тяжело нагруженным машинам долететь до Энтеббе, приземлиться, переждать сумятицу возможного сражения, снова взлететь и исчезнуть.

На последнем отрезке пути до Энтеббе плохие атмосферные условия вызывали необходимость изменений в плане полета. Каждый "Геркулес" летел в ночи, самостоятельно, не поддерживая с другими связи по радио, постепенно снижаясь в направлении Рифт Велли и полагаясь только на помощь своих электронных помощников в поисках пути к озеру Виктория. "Гиппо" жестоко швыряло, и "Давид" размышлял о справедливости тех доводов, которые он приводил, когда уговаривал молодых пилотов записаться на службу в транспортные подразделения ВВС.

— Когда ты полетишь на "Геркулесе", — говорил он, — ты увидишь, что у него все качества маленького самолета. Он очень маневренный и может делать почти все, — разве что не может вступать в бой. По своим возможностям он далеко впереди всех самолетов своего класса.

Врач, родившийся в ЮАР, пожаловался, что его тошнит от тряски и качки. Все понимали, что в действительности он просто очень волнуется.

— Нам сказали, что среди заложников может быть много раненых, — говорил он. — Я никогда не работал в условиях боя.

Солдаты попытались развеселить его:

— Смотрите, доктор, отсюда очень близко до вашего дома в ЮАР, вам удобно вернуться.

Доктор выдавил из себя слабую улыбку. Однако в Энтеббе, под огнем, он действовал спокойно, хладнокровно и быстро.

Другой врач, Морис Анкелевич, имел немалый опыт по оказанию медицинской помощи на поле боя. Когда его вызвали для участия в рейде, он прервал работу в больнице Тель-Хашомер и отправился исполнять свой долг. Анкелевич, по происхождению французский еврей, многие годы служивший врачом в парашютных войсках, был гораздо спокойнее своего южноафриканского коллеги.

План операции, уточненный начальником медицинской службы армии, предусматривал разделение врачей на две группы: десять человек должны были вместе с командос пробиться к заложникам, остальные — оставаться на борту самолета-госпиталя. В госпитале имелось даже разбавленное молоко — было известно, что заложники страдают от кишечных болезней.

Дан Шомрон и Ионни Нетанияху еще раз проработали каждую деталь операции со своими подчиненными. Снова и снова они появлялись в кабине пилотов с вопросом: "Ну, как дела?" Ионни еще больше, чем Дан, был доволен, что решающий час приближается. Перед тем, как "Молния" получила наконец "добро", Ионни сказал, что никого не стал бы осуждать, если бы рейс решили не проводить, — хотя лично он считает, что эта операция вполне осуществима. Теперь он был собран и готов к действию. По его мнению, ненависть арабских государств к Израилю и действия террористов были возрождением нацизма.

Ионни был создан из контрастов. Он родился в США, в Израиле возглавлял отряд командос. Во время Шестидневной войны сражался на Голанских высотах, где был ранен. Его демобилизовали из армии с 30% инвалидностью, и он вернулся к своим родителям.

Министр обороны Перес принимал личное участие в судьбе Ионни. Он выступил его поручителем, когда тот вернулся в Гарвард и искал больницу, где смогли бы оперировать его руку. Врачи больницы "Вольтер Рид" постарались снять постоянную боль, причиняемую поврежденным нервом, который не позволял ему сгибать и разгибать левую руку. После операции боль исчезла, но по-настоящему пользоваться левой рукой Ионни так и не смог. Практически он продолжал быть на 30% инвалидом, когда вернулся в Израиль и заговорил о своем возвращении в специальные отряды.

— Что ты сможешь делать? — спросил генерал-майор Ариэль Шарон, глядя на его искалеченную руку.

— Смогу читать наизусть стихи Натана Альтермана, — ответил Ионни, назвав одного из ведущих израильских поэтов

— Ну, ладно! — улыбнулся Шарон.

За два месяца до "Молнии" Ионни был назначен командиром антитеррористического отряда.

Заправившись в Найроби, "Боинг-707" с 50-летним командующим ВВС Бенни Пеледом на борту кружил над озером Виктория. Пелед мог следить за "Геркулами" с помощью радаров и наблюдать за ходом операции через радиофоны, по секретному каналу передававшими сведения в Тель-Авив. Тишина внизу говорила ему, что пока все идет хорошо, самолеты продолжа-

ют лететь в полумиле друг от друга. Густой туман закрыл озеро, но над Энтеббе было ясно.

В канцелярии Переса в Тель-Авиве собрались все министры.

— Я пришел в 22.30, — вспоминал министр транспорта Гад Якоби, отвечавший за обеспечение участников "Молнии" всем необходимым и за заправку самолетов в Найроби. — Через 15 минут пришел премьер-министр, затем — другие члены специальной комиссии. Мы сидели и ждали минуты, когда заговорят приемники, настроенные на самолеты в Энтеббе.

В 23.03 мы слышали выстрелы.

В Энтеббе в старом здании аэропорта заложники дотягивали свой шестой день. Похитители расположились в креслах на ярко освещенной бетонированной площадке. В этот час здание охраняли немец и немка. Египетский врач, вызванный к заложникам, болтал о том о сем с Джабером, руководителем террористов.

Многие из заложников мучились от поноса. Воды в туалетах больше не было. Унитазы были полны. Угандийские солдаты принесли воду и наполнили цистерны на крыше, однако вода не проходила сквозь засоренные трубы.

Записи Моше Переца в этот день были очень короткими:

Суббота, 3 июля, 5.30. Все страдают от поноса и рвоты. Видимо, причина — недоброкачественное мясо, так как религиозные, которые мяса не ели, здоровы. Санитарные условия ужасающие. Туалеты забиты. Воды в кранах нет.

7.30. Люди лежат на своих матрасах, их тошнит. Некоторых взяли в ближайший медпункт, другие лежат и пытаются уснуть. Многие отказались от ланча.

14.30. Наш самолет передвинули поближе к нам, развернув его носом к зданию.

16.45. Появляется Амин в форме военно-воздушных сил Израиля, в голубом берете и с неизменными "крылышками" израильских парашютистов. Он объявляет, что только что вернулся с Маврикия и делает все, чтобы нас спасти. Израильскому правительству должно быть стыдно, что оно не выполняет требований террористов.

Это была последняя встреча заложников с Большим Папой.

— Ваше правительство играет вашей судьбой, — предупредил он.

Перец записал в своем дневнике, как одна из заложниц вежливо обратилась к нему. "Фельдмаршал президент Амин", — начала она. Амин прервал ее криком: "Не обращайтесь так ко мне! Мой полный титул — фельдмаршал доктор президент Иди Амин Дада!"

Звание доктора Амин присвоил себе самолично. В конце концов, его друзья Вади Хадад и Джордж Хабаш тоже были докторами.

Террористы разошлись. Один из них — в белом костюме — ушел спать, захватив с собой пулемет. Охранять заложников остались лучшие люди Хадада. У выхода стояли немцы, а зал патрулировали два палестинца. Один из них был Фаез Абдул Рахим Джабер — офицер НФОП по особым поручениям. Его худой и нервный товарищ Абед Эль Латиф сторожил другой угол зала. Он также был близким соратником Хадада.

Джаель Наджи аль Арьям, 38 лет, невысокий плотный палестинец, стоял на страже в другой части здания. В НФОП он считался куратором терроризма в Южной Америке. Он вербовал там сторонников международного террора, одним из вождей которого является Карлос-Шакал. Он помогал Шакалу в покушении на президента лондонской компании "Маркс и Спенсер" Эдварда Сифа.

Летя в ночи на радиомаяк аэропорта Энтеббе, "Гиппо" достигли наконец цели своего путешествия. Еще одна корректировка из-за погодных условий — и пилоты увидели внизу берег, освещенный выходящей из-за горизонта луной.

В первом "Геркулесе" Ионни и его команда забрались в перекрашенный "Мерседес", который должен был первым выехать из самолета. Их лица, руки и пистолеты угандийского образца, снабженные глушителями, были черными. "Мерседес" тоже был черным. Лжепрезидента они с собой не взяли. В последнюю минуту были получены сведения о том, что Амин вернулся. Было бы странно, если бы два Больших Папы встретились лицом к лицу.

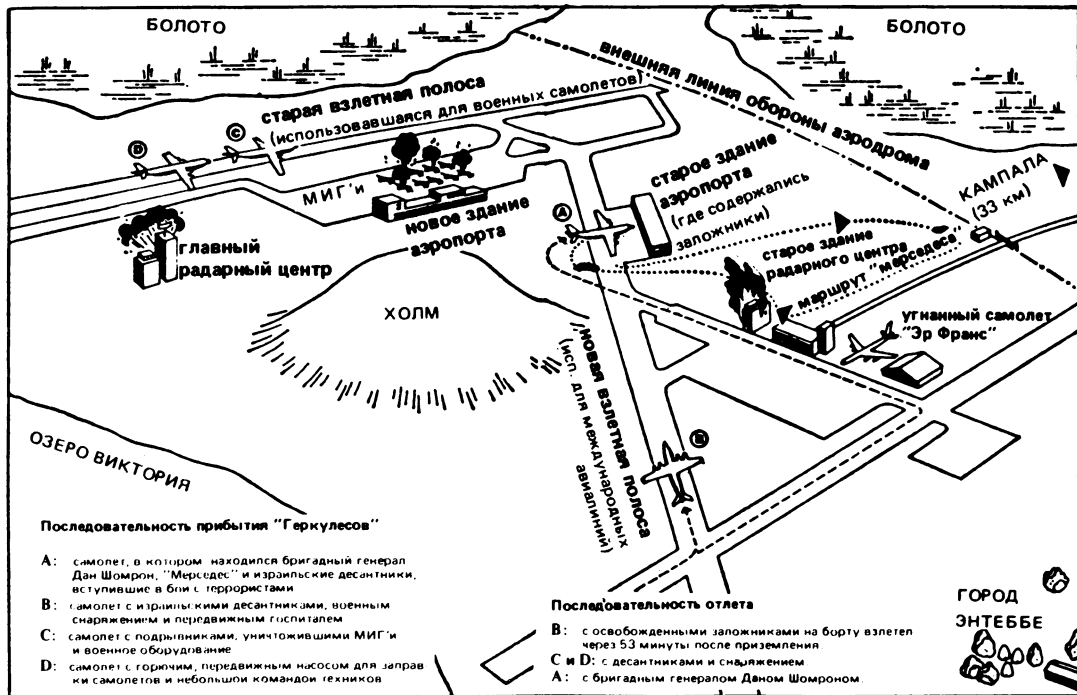
Транспортные самолеты разделились на пары. Одна пара должна была приземлиться на новой, главной посадочной полосе, другая — на старой, которая отделялась от нового аэродрома невысокой насыпью.

Последние десять минут семичасового пути отряд пролетел на резко сниженной скорости — 180 миль в час. Они долетели до цели в пределах оценочного времени прибытия, вычисленного в Тель-Авиве. Планировавшие операцию были восхищены и слегка изумлены. Четыре "Геркулеса" совершили перелет, сравнимый по трудности с беспосадочным перелетом Нью-Йорк — Москва, безо всякой видимости, без радиоконтактов, в молчании, все время соблюдая точную дистанцию по отношению к самолету-флагману, прокладывавшему курс.

Пилот флагмана позднее рассказал:

— Мы ударили их по носу в тот час, когда угандийцы спали, а заложники еще не успели как следует уснуть. Мы надеялись без особых осложнений захватить кое-кого из террористов, отдохавших после пьянки в Кампале.

СПАСАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ В АЭРОПОРТУ ЭНТЕББЕ



Солдаты понимали весь риск нашего полета. Они видели молнии, и я очень сочувствовал им, потому что нет ничего хуже, чем час за часом болтаться в брюхе самолета, который швыряет во все стороны, когда он проходит сквозь грозу. Когда бы я ни заглянул в грузовой трюм, половина из них лежала на полу, а другая половина занималась проверкой своих записей. Нелегки для них были эти 7 часов. 7 часов безделья — это уже черт знает как долго!

Флагман шел над невидимой гладью озера Виктория; огромная четырехмоторная птица доверила рыщущему в темноте радару жизнь команды и 50 десантников.

Ключья тумана легли на огромные окна пилотской кабины, и капли влаги стекали вниз по трясущемуся плексигласу. Большие "дворники" ритмично вращались.

Внезапно впереди появились огни посадочной полосы. "Давид" согнал навалившуюся усталость и проверил приборы. Полет вслепую быстро дезориентирует пилота. Бывали случаи, когда летчики, переходя с автопилота на ручное управление и вновь входя в визуальный контакт с окружающим миром, пытались посадить самолет на Млечный Путь, принимая звезды за посадочные огни. "Давид" посмотрел на тускло освещенную панель с приборами; они сообщали ему, что он продолжает лететь по прямой.

По неизвестной причине Энтеббе был ярко освещен.

Это был тот самый момент, о котором так долго спорили в Тель-Авиве. Если первый самолет сумеет приземлиться и с заглушенными моторами подкатить к старому зданию аэропорта, можно будет считать, что заложники спасены. Но если аэропорт освещен, потому что террористы ожидают нападения, значит, самолеты летят прямо в ловушку, и заложникам грозит смертельная опасность.

Первый "Геркулес" уже плыл над самой кромкой озера.

Экипаж и солдаты пристегнулись ремнями к своим местам из-за чудовищной качки, возникающей при быстром приземлении. "Давид" следил за скоростью, которая падала со 100 до 75 миль в час. Тем, кто находился внутри "Геркулеса", казалось, что самолет рухнул вниз, под протестующий рев турбин и визг карежащегося металла. Снаружи наблюдатель увидел бы огромную машину, которая почти беззвучно скользнула на посадочную полосу, слегка поскрипывая колесами.

"Гиппо" ВВС двигался вдоль болотистого берега с медлительной грацией живых гиппопотамов, которые по ночам вылезают из озера Виктория, чтобы полакомиться травой на его берегах.

"Давид" и второй пилот вели машину вдоль посадочной полосы. Никакого реверсирования моторов, никакого "стояния на тормозах", только слаженные движения двух пар рук и ног; они уже приспособились к новым условиям. После долгого и тяжелого полета им опять приходилось полагаться только на себя — на свой опыт, свою реакцию, свои глаза и уши: не загремят ли выстрелы, не вспыхнет ли слепящий луч прожектора.

В грузовом трюме десантники стояли наготове; их все же немного укачало при посадке, когда "Геркулес" приближался к врагу со скоростью 20 миль в час. Позади первого самолета, заключив, что у флагмана все благополучно, буквально "вися" на его хвосте, летел второй. Но второй самолет был готов взлететь немедленно, если посадочная полоса окажется заблокированной или флагман будет остановлен.

"Давид" продолжал идти на скорости, рассчитанной еще во время репетиции так, чтобы она позволила ему без лишнего шума остановиться в нескольких ярдах от здания с заложниками. Турбореактивные двигатели

почти не вспугивали тишину африканской ночи. Показалось тускло освещенное старое здание. "Давида" охватило странное чувство, будто все это он уже видел раньше. В каком-то смысле так оно и было — он уже был знаком с аэродромом по описаниям и репетициям. Он легко остановил "Гиппо" перед огромными венецианскими окнами старого здания — так близко, что казалось, высунувшись, он мог коснуться их рукой. 70-тонный "Гиппо", высотой почти с трехэтажный дом, с размахом крыльев около 120 футов, тихо заворчал у охраняемых ворот здания, которое Ионни называл "коншлагерем".

Замершие в трюме десантники вздрогнули, когда трап со скрипом откинулся и в самолет хлынул сырой воздух и бледный неожиданный свет. Удар трапа о бетон показался чудовищно громким.

— Теперь я знаю, — сказал позднее "Давид", — что такое молчание смерти. Это казалось невероятным. Ни выстрела. Ни движения. Тишина была страшнее, чем стрельба. Это было настоящее молчание смерти, а я сидел, беззащитный, держа руку на дросселе, и ждал, что вот-вот ловушка захлопнется.

Но никакой ловушки не было. Одновременно на параллельной посадочной полосе вне поля зрения "Давида" легко, как перышко, приземлился флагман второй группы "Геркулесов".

18

ИОННИ РАНЕН!

Бригадный генерал Дан Шомрон сбежал по трапу с такой скоростью, что сопровождавший его офицер связи потом сказал:

— Он двигался так быстро, что я потерял его из виду. Я не мог поверить, что это тот самый человек,

который всю неделю не вылезает из-за письменного стола.

Солдаты рассыпались в поисках террористов. "Мерседес" съехал по трапу и ринулся в направлении угандийских солдат, охранявших контрольно-диспетчерский пункт. Дверцы автомобиля были распахнуты, угандийцы отдали ему честь. Из черных пистолетов, снабженных глушителями, появились короткие вспышки, и охрана была уничтожена. Хитрость сработала. Ионни и его товарищи вытерли краску с лиц и сбросили черные угандийские блузы, чтобы их товарищи не совершили в темноте той же фатальной ошибки, что и угандийская охрана.

Следующий "Геркулес" приземлился почти рядом с новым зданием аэропорта, когда кто-то в диспетчерском пункте с перепугу выключил освещение. Внезапно весь аэропорт погрузился в темноту.

— Это случилось очень кстати, — сказал командир последнего "Геркулеса". — Я летел прямо в перестрелку, которая вдруг возникла по всему полю. Куда безопаснее было приземлиться в полной темноте. Мы умеем это делать. Когда я увидел, что Энтеббе освещен, как увеселительный парк, мне это вовсе не понравилось. Я был рад, когда свет погас. Мое задание было сидеть на земле и ждать, пока все не улетят, а затем подобрать последнюю группу, которой было приказано уничтожить русские "МИГи". В течение 90 минут я был подсадной уткой, — это были самые длинные минуты в моей жизни, потому что как только мой "Геркулес" остановился, на аэродроме начался форменный ад.

Это была та самая стрельба, которую услышала специальная комиссия в Тель-Авиве, за 2500 миль от Энтеббе, — стрельба, переданная через микрофоны десантников на самолет Бенни Пеледа, круживший над Энтеббе, и транслированная оттуда в Тель-Авив.

Бенни Пелед не требовал никаких донесений от пилотов "Геркулесов". Было договорено, что, пока не случится чего-нибудь непредвиденного, воздушный штаб будет сам делать выводы из тех звуков, которые слышались в микрофонах. Эта техника была доведена до совершенства в течение многих лет рейдов на вражеские территории за пределами Израиля. Двадцать лет назад Бенни Пелед выбросился из поврежденного истребителя (впервые пилот ВВС использовал катапульту). Он спустился на парашюте позади египетской линии, повредил лодыжку и дополз до укрытия. В течение нескольких часов он скрывался от египетских поисковых отрядов, пока легкий разведывательный самолет ВВС не нашел его и не вызвал "Мустанга" для его охраны. Еще через некоторое время Бенни Пелед был подобран самолетом "Пайпер Каб". Этот случай наглядно продемонстрировал ему пользу радиосвязи.

— Тут не было никакого чуда, — сказал другой руководитель ВВС, Эзер Вейцман. — Это была операция, основанная на накопленном опыте.

Вейцман, планировавший превентивные воздушные удары во время Шестидневной войны, говорил то, что знает каждый израильский солдат: годы борьбы против террористов выработали систему и дисциплину, которые могут показаться фантастичными тем, кто не знаком с буднями израильской армии.

Бригадный генерал Дан Шомрон устроил свой КП рядом со зданием, где были заложники. Теперь управление операцией в Энтеббе было сосредоточено в его руках. Тут-то его наконец и нашел офицер связи.

"Илан", один из людей Ионни, бежал вперед: его целью была немка, отождествленная как Габриель Крош-Тидеманн, которую сам он называл "эта нацистская сука". Ее соотечественник, Вильфрид Бёзе, стоял снаружи около окна спиной к гигантскому "Типпо", который буквально дышал ему в затылок,

не подозревая о людях, обутых в башмаки на каучуковых подошвах, которые бесшумно бежали к нему.

Внутри тускло освещенного здания Барух Гросс, 42 лет, и его жена Руфь с шестилетним сыном Шаем на руках стояли посреди зала, где на матрасах лежали люди. Услышав слова Амина, что до полуночи ожидается окончательный ответ правительства Израиля, Гросс уже не мог уснуть. Наблюдая через окно за немцем, Гросс представлял себе, что тот вот-вот поднимет свой "Калашников", направит его на заложников и спустит курок.

И вдруг по лицу немца расплзлось выражение недоумения; он откачнулся назад и поднял свой автомат. Затрещала длинная очередь. Немец повернулся и упал ничком; лицо его сохранило все то же выражение недоумения. "Калашников" так и не успел заговорить. Заместитель Ионни перепрыгнул через немца, спеша к следующей цели, а бегущий за ним солдат остановился, чтобы перевернуть тело лицом вверх.

Гросс схватил маленького Шая и крикнул жене, чтобы бежала за ним — в пустой кабинет управляющего Восточноафриканскими авиалиниями.

"Илан" затаил дыхание. Прямо перед ним у самого входа с пистолетом в одной руке и гранатой в другой стояла немка. Какую-то долю секунды он видел ее застывшее, оцепевшее лицо. Он направил на нее автомат и нажал спусковой крючок, разрядив всю обойму. Он никогда прежде не стрелял в женщину, и это вызвало у него что-то вроде шока. Но он переступил через ее тело, распростертое поперек выхода, и ворвался в здание.

Десантники из третьего "Геркулеса" добежали до старого здания в тот момент, когда солдаты Ионни ворвались в холл. Они кричали на иврите:

— Ложитесь! Вниз! На пол!

Если бы даже приказ был не понят, испуг пришел бы ему на помощь: заложники застыли на своих местах. Два террориста — Джабер и Эль Латиф — начали стрелять, один — из автомата, другой — из револьвера. Десантники обнаружили источник огня и обрушили в том направлении целый град пуль.

В течение этих секунд Моше Перец записал в свой дневник: "Несколько ребят вдруг подскочили со своих мест и сказали, что слышат звуки стрельбы. Все легли на пол. Люди повалились друг на друга. Матери прикрывали собой детей. Некоторые побежали в туалеты. Стрельба. Я в туалете. Я думал, что они собрались нас убивать, одного за другим. Крики ужаса".

Одна из заложниц, 56-летняя Ида Борохович, была ранена шальной пулей. Ида была одной из зачинательниц борьбы советских евреев за право эмигрировать в Израиль. Ее сын, Борис Шлейн, видел, как один из террористов, видимо, Джабер, выстрелил в нее; через несколько секунд сам Джабер был убит.

Лизетт Хадад, другая заложница, рассказала:

— Вдруг с потолка стали падать куски штукатурки. Один попал в меня. Но тут на меня упала Ида — и это спасло мне жизнь.

Иосеф Хадад, ее муж, добавил:

— Мы, как обычно, лежали на своих матрасах и пытались уснуть. Когда ворвались солдаты, я схватил стул и спрятал под ним голову. Я решил, что немка стреляет в меня, и начал читать "Шма, Исраэль"* . Я считал, что моя жизнь кончена. Вдруг мы увидели мертвых немцев... И вдруг мы оказались снаружи.

Маленький Бенни Дэвидсон рассказывал:

— Я не знал, что это были израильские солдаты. Мы вдруг услышали крики. Мы побежали в туалеты.

* Начальные слова молитвы, которую евреи читают перед смертью.

Все бежали туда. Мы легли на пол. Отец лег на моего брата, а мать прикрывала меня. Я молился. Я не помню точно, какая это была молитва. Что-то вроде личной молитвы, наверное. "Боже, спаси нас, — сказал я. А потом добавил: — Шма, Исраэль".

Зал наполнился дымом. Кое-кто из заложников забрался под матрасы. Новые десантники ворвались через окна в здание с криками "Исраэль! Исраэль! Тишкеву!" ("Ложитесь!").

Но несмотря на тщательно разработанный план, на выкрики на иврите, среди матрасов заметались дети. Родители бросались к ним, чтобы прикрыть. Загорелось одеяло, и это испугало двух маленьких дочерей Арье Брольского; отец притиснул их к полу и схватил еще одну девочку, стараясь опустить ее голову вниз. Она вырвалась, поднялась на колени и тут же была ранена.

Перестрелка в зале продолжалась 1 минуту и 45 секунд. Одной из жертв был 19-летний Жан-Жак Маймони, который приехал в Израиль из Северной Африки всего 5 лет назад. Заложники прозвали его "Бармен". Когда кто-нибудь заболел или падал духом, Жан-Жак старался поднять его настроение, поднося чашку кофе или напиток собственного изготовления из фруктов и кокосового молока. Он и Паско Коен, 52-летний управляющий медицинским страховым фондом, поддерживали бодрость в людях, которые один за другим заболели желудочными болезнями. У Коена на руке был вытатуирован номер нацистского концлагеря. Жан-Жак — "Бармен" — работал с ним вместе, рядом, "словно мы были отец и сын", сказал потом Коен. Когда началась перестрелка, заложники бросились на пол или застыли, пораженные, на своих местах; но Жан-Жак инстинктивно поднялся. Полный заряд из "Узи"* убил его на месте. Его "отец" Коен,

* "Узи" — автомат, принятый на вооружение в израильской армии.

переживший нацистские лагеря, пополз к нему на помощь и был, в свою очередь, смертельно ранен.

Ионни со своими солдатами прочесывал второй этаж, преследуя оставшихся террористов. В одном из туалетов они обнаружили двух террористов с пистолетами; они спрятались под кровать. Как сообщили позже, они были убиты. Другой отряд, действовавший в северной части здания, искал седьмого террориста, Джаэля аль-Арьяма, близкого друга Хадада.

Доктора и санитары, привычные к боевым условиям ("Медицинский персонал Армии обороны Израиля занимает первое место в мире по работе в любых боевых условиях", — сказал позднее глава генерального штаба), быстро вынесли из огня раненых — пятерых гражданских и четырех солдат — и доставили их на операционные столы во второй "Геркулес". Битва на аэродроме вступила во вторую фазу. С расположенной поблизости наблюдательной башни по израильтянам открыли огонь. Солдаты Ионни тут же открыли ответный огонь по башне из базук и пулеметов.

Кто-то закричал:

— Ионни ранен! Ионни ранен! Санитара!

Крик взбудоражил солдат. Ионни был ранен в спину. Истекая кровью, он лежал вниз лицом возле главного входа.

Он попытался встать, затем тяжело рухнул снова и потерял сознание. Его заместитель сообщил о случившемся Шомрону и продолжал действовать в соответствии с разработанным планом.

Все шло своим чередом. Второй "Геркулес" уже развернулся, чтобы принять заложников, которых солдаты с громкоговорителями направляли в его открытый трюм. С другой стороны поднялся 200-футовый столб огня — это взорвался первый из русских "МИГов".

Израильские полугусеничные вездеходы и джипы с безоткатными орудиями ринулись к внешней линии

обороны аэродрома, ожидая, что на кампальской дороге появится танковая колонна. Было известно, что резиденция Амина, находящаяся менее чем в миле от Энтеббе, охраняется лучшими угандийскими частями. Но вместо русских танков израильтяне увидели отряд угандийцев на легких грузовиках. Через мгновение израильтяне были у главных ворот аэропорта и устроили засаду вспомогательным силам, которые были уничтожены, даже не успев понять, что произошло.

Рейд начался через минуту после наступления полуночи по угандийскому времени (которое на час опережает израильское), вскоре после того, как бледная луна скрылась за горизонтом. Начал накрапывать дождь. Поле боя окутал тот самый туман, который помог президенту Амину так сладко уснуть в эту ночь. Прошло несколько часов — а он все еще ничего не знал о происшедшем.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДОРЫ БЛОХ

Джеймс Хоррокс, английский дипломат в Уганде, услышал взрывы и увидел черные клубы дыма, распространившиеся над Энтеббе.

Он следил за драмой рейса "139" с самого начала. Он заботился о 75-летней Доре Блох, обладательнице английского паспорта, который обеспечил ей защиту английских властей. Дора Блох была заложницей, как и ее сын Илан Хартув, экономист, в течение всей этой недели переводивший речи Иди Амина. Амин так и называл его "мой переводчик".

В пятницу госпожа Блох была отправлена в больницу с пищевым отравлением. Илану сказали, что

она поправилась, и он ожидал ее возвращения. Оба они летели в Нью-Йорк на свадьбу другого сына Доры, Даниеля — председателя союза журналистов Израиля.

В ночь на воскресенье Джеймс Хоррокс наблюдал происходящее с недобрым предчувствием. В предыдущие 4 года Большой Папа изгнал из страны 45 000 азиатов — английских подданных; по его требованию европейская община, насчитывавшая 3500 человек, сократилась до 500. Это были англичане, практически ставшие теперь заложниками. Комиссия, в которой служил Хоррокс, охраняла интересы примерно 130000 африканских беженцев из соседних стран, пострадавших от гражданских войн, и нескольких сот кенийцев, все еще работающих в Уганде.

Его свидетельство в числе прочих помогло воссоздать по кусочкам картину операции "Молния", которую израильская служба безопасности держала в строгом секрете.

Взрыв русских "МИГов" произвела специальная группа подрывников. Другая группа заняла главный радарный центр и вынесла оттуда наиболее ценное русское оборудование, после чего взорвала станцию, чтобы скрыть следы того, что оборудование было украдено. Семь из десяти террористов были убиты; израильтяне сообщили, что они сделали их фотографии и сняли отпечатки пальцев. Трое других, вопреки утверждениям израильтян, видимо, были взяты живыми.

Передвижной насос для заправки самолетов стоимостью в один миллион долларов, который израильтяне привезли с собой, был оставлен в Энтеббе, чтобы освободить место для советского оборудования и оружия, захваченного в казармах палестинских пилотов, обучавшихся на русских "МИГах".

От плана заправки самолетов из цистерн Большого Папы пришлось отказаться. Операция проходила быстрее, чем намечалось. Первый "Геркулес" с освобожден-

ными заложниками на борту вылетел из Энтеббе через 53 минуты после приземления — на 2 минуты раньше, чем это предусматривалось. Учитывая стрельбу, вспыхнувшие в разных местах мелкие пожары и взрывающиеся "МИГи", гнать "Гиппо" через весь аэродром к цистернам с горючим представлялось слишком опасным. Поэтому Шомрон выбрал оптимальный вариант из нескольких возможных. "Геркулес", в котором горючего оставалось на 90 минут полета, мог лететь прямо в Найроби, до которого лету было 50 минут.

Все израильское снаряжение, все следы рейда (кроме пустых патронов, большого насоса и общего разрушения) были подобраны и подчищены последней группой. Старший пилот их корабля так и просидел все 90 минут в центре огня, зная, что любой шальной снаряд может вывести из строя его самолет, лишив эту группу шанса на возвращение.

— Я чувствовал себя одиноким и беззащитным, и каждая минута казалась мне вечностью, — сказал он потом. — Мне казалось чудом, что все остальные улетели беспрепятственно. План был разработан во всех подробностях. Умом я понимал, что все идет точно по плану, минута в минуту. Но внутренний голос твердил: не бывает, чтобы все было хорошо — а ты остался последним.

Спустя несколько дней в родном кибуце, среди тихих полей, он ночью услышал удар грома, вскочил с постели в полной уверенности, что находится в Энтеббе и в его самолет попал снаряд.

В действительности ни один из "Геркулесов" не пострадал. Но владелец "Мерседеса", вернувшегося к нему после 16-часовой воздушной эскапады, пожаловался:

— Мне нравилось, что он был белый. А вы его перекрасили. Зачем?

Вместо ответа ВВС предпочли уплатить ему за повторную перекраску.

После полуночи все, кто сидел в кабинете министра обороны Переса, перешли в штаб-квартиру начальника генерального штаба. После короткого донесения, что "Геркулес" с освобожденными заложниками направляется в Найроби, от "Боинга-707", где находился главнокомандующий ВВС, больше не поступало никаких сообщений.

Со своего летающего командного поста над Энтеббе "Кутти" Адам, начальник отдела общих операций, и Бенни Пелед даже не пытались вмешаться в действия Дана Шомрона, а тот свел всю передачу информации к минимуму. Приглушенные звуки стрельбы, которые были слышны с 23.03 до 0.30 мин. по израильскому времени в воскресенье, 4 июля, конечно, беспокоили сидящих в "Боинге", но не слишком, поскольку наземные отряды молчали.

— Сегодня двухсотлетие Америки, — сказал Адам, когда "Боинг" повернул к Найроби. — А Израилю еще нет и тридцати.

В 1.20 мин. министр транспорта Гад Якоби позвонил по телефону председателю полуофициального комитета родственников профессору Гроссу.

— Он не мог поверить, когда я сказал ему, что его брат с семьей, вероятно, свободен и другие заложники тоже освобождены, — вспоминал Якоби. — Всего за несколько часов до этого он просил еще об одной встрече со мной в это воскресенье, чтобы обсудить ухудшившуюся ситуацию. Он опасался, что утром начнутся казни. Но через десять минут после разговора со мной он пришел в себя и начал обзванивать семьи заложников. Мы знали, что двое были убиты и 2—3 человека ранены. Но мы еще не знали имен.

Все семьи были приглашены на стадион, где мы собирались сообщить им, куда прилетит самолет с за-

ложниками. Это было самое трудное. Ведь среди них были семьи, которые сейчас радовались вместе с другими и которым предстояло пройти через жесточайшие муки и скорбь, когда они не найдут среди вернувшихся своих близких.

В больницу, куда была помещена Дора Блох, пришел другой английский дипломат, Питер Чендли, чтобы удостовериться, что она в безопасности. Госпожа Блох спокойно спала. Сестра сказала, что она чувствует себя хорошо и скоро присоединится к остальным. Чендли ничего не сообщил персоналу больницы о ночном рейде; они, по-видимому, ничего о нем не знали. Он на цыпочках вышел из палаты. Больше никто из белых никогда не видел Дору Блох.

ЗАПРАВКА В НАЙРОБИ!

Голду Меир разбудил настойчивый телефонный звонок.

— Кен (Да — ивр.).

— Госпожа Меир, я думаю, Вам приятно будет узнать, что заложники находятся на пути домой, — сказал премьер-министр Рабин. — Извините, что я прервал Ваш сон, но...

— Но Вы хотели, чтобы я знала. Спасибо. И примите мои поздравления.

Голда Меир положила трубку и взглянула на часы. Было 2.30 ночи. За окнами ее дома в Рамат-Авиве легкий бриз шевелил тяжелые красные цветы делониксов. Африканских делониксов.

Позднее она написала полное достоинства и негодования письмо в "Джерузалем пост", публично опровергая статью этой газеты под названием: "Израильский супершпион сделал возможным рейд в Энтеббе":

”В статье утверждается, будто это я вынуждала премьер-министра не уступать требованиям террористов и предпринять эту операцию и будто я сказала, что если он этого не сделает, он вообще не мужчина. Я поражена тем, что вы печатаете такую безвкусицу. Разумеется, господин Рабин не спрашивал у меня совета, как ему поступить, да он и не должен был этого делать. Рабин был столь любезен, что разбудил меня среди ночи и рассказал о происшедшем, как только наши самолеты повезли заложников домой. За этот звонок я глубоко ему благодарна. Что касается самой операции — я преисполнена гордостью за самого Рабина, за его кабинет и, конечно, за ЦАХАЛ”*

Никакого супершпиона не существовало. Был быстрый сбор информации из всех источников и умение делать выводы. Так было и во время самой операции; об этом можно судить по записанным на пленку лаконичным донесениям, которые получали Пелед и Адам в своем летающем штабе. Сообщения, которыми обменивались десантники, летчики и специальные отряды в течение критических 90 минут, были образцом краткости. Однако в них отразился не только драматизм ситуации, но и сбор информации, и обмен ею в боевых условиях.

Это звучало примерно так:

— Двадцать на борту (речь идет о заложниках). Двадцать один. Еще одна группа из десяти.

— Летим к неграм? (Имеется в виду Найроби и затруднительность заправки в Энтеббе).

От каждого пилота в ответ: ”Да”, ”Да”, ”Да”, ”Да”.

— Не трогайте пучеглазых. (Об угандийских солдатах, охранявших старое здание.)

Заложники просили не стрелять в африканцев: ”Они только старались нам помочь”.

* ЦАХАЛ (ивр.; сокр. от Цва хагана ле-Израэль) — Армия Обороны Израиля.

Однако еще одно летучее подразделение "пучеглазых" появилось отнюдь не с целью "помочь". Два взвода десантников настигли их близ главной контрольно-диспетчерской башни и убили около 30 человек. Более поздний подсчет показал, что по меньшей мере 45 угандийцев погибли в сражении, которого десантники стремились избежать. Но никаких цифр нельзя назвать с уверенностью после волны жестоких убийств, захлестнувшей затем Уганду.

Тело Ионни принесли в самолет, предназначенный для освобожденных заложников. Его товарищи думали, что он только ранен. Они ворвались со своими носилками в поток взволнованных людей; некоторые были перепуганы и отчаянно стремились как можно быстрее оказаться в большом "Геркулесе", в безопасности.

Молодая женщина в трусах и в лифчике, укутанная в одеяло, упала у трапа, потеряв сознание. Какой-то ребенок громко звал маму. Солдаты, охранявшие "Геркулес", сказали ему:

— Перестань звать маму — ты уже взрослый мужчина.

В общей суматохе никто не понял тревоги сына Доры Блох.

Возле холла, в старом здании, молодой израильтянин, у которого было в запасе несколько минут, обнаружил двух угандийцев. Он связал им запястья и лодыжки, после чего преподал им короткий урок иврита:

— Скажите президенту Амину, что здесь был Дани из кибуца... Вот и все. Я пришел в Африку и хочу оставить сувенир для вашего шефа. Понятно? — Самую главную фразу он сказал на иврите и на английском: — Здесь был Дани из кибуца...

"Геркулес", приземлившийся первым, должен был взлететь последним. Старший пилот, сидевший в кабине, погасил огни и стал обдумывать ситуацию. С одной взлетной полосы не было видно другую;

старая взлетная полоса использовалась для двух эскадрилий русских "МИГов" и других военных самолетов. Только взрывы и пожары были видны отчетливо; летчики докладывали, что цистерны с горючим передвинуты на дальний конец аэродрома.

Через 15 минут, в разгар наземной фазы операции "Молния", пилоты провели краткий обмен мнениями:

— Стоит ли пробираться сквозь взрывы и пожары, чтобы заправиться тут на месте?

Безопасность самолетов — этому подчинялось все. Решено было произвести заправку не в такой сумасшедшей обстановке. Командующий ВВС сказал:

— Мы знали, что если хоть один "Геркулес" не сможет взлететь, часть людей останется в Энтеббе. И солдаты, и мы знали это. Если вы вспомните об обычных задержках в отпращивании, которые случаются, когда самолеты летят на большие расстояния, и о том, как самая маленькая неисправность может задержать самолет на земле, вы поймете, что мы чувствовали. Шальная пуля, мельчайшая оплошность — и пути назад нет. Даже ничтожная задержка при взлете в самом конце операции могла оказаться роковой. Мы все хорошо понимали это, и у меня сводило желудок от тревоги.

Один из "Геркулесов", нагруженный до отказа и уже готовый к взлету, боролся с собственными колесами, необъяснимым образом увязшими в грязи. Моросивший дождь сделал скользким бетон и превратил почву в болото. Пилот заколебался, разглядывая белую линию, по которой он ориентировался.

— Ну-ка, высунься! — приказал он второму пилоту. — Эта линия...

— Это край, а не середина! — заорал второй пилот. — Лево руля!

Первый пилот широко открыл заслонки и вырвал "Геркулес" из грязи, потеряв на этом несколько ярдов, нужных для взлета. А озеро Виктория уже несло

навстречу. Пилот автоматически приготовился к процедуре взлета в чрезвычайных условиях — "стоянию на тормозах": моторы на полную мощность, нос самолета опущен... Он полностью открыл заслонку и отпустил тормоза. Нос поднялся вверх, и машина двинулась вперед. На скорости 60 миль в час "Геркулес" оторвался от земли, не то как обычный самолет, не то как вертолет. Огромные турбины ревели, унося свой груз в небо. Общая длина пробега, как было подсчитано позднее, составила 183 метра, а угол атаки "Геркулеса" равнялся 45°, что почти невероятно.

Эхо таких опасных ситуаций, конечно, не доходило до Тель-Авива. Но информация, которую там получали из закодированных слов и кратких донесений, отражала огромное напряжение. Один из членов специальной комиссии позднее сказал:

— Короткие сообщения воссоздавали для нас картину операции. Но любой вражеский слухач ничего бы не понял. Русские, которые обнюхивают каждую передачу на коротких частотах, конечно, узнали об операции. Арабы? Могли догадываться. Но квалифицированный слушатель мог только заключить, что фантастический дальний рейд заканчивался. Голоса были очень спокойны, как будто речь шла о совершенно обычных делах.

Ивритский радиоразговор в воздухе звучал и вовсе загадочно: короткий обмен акронимами и цифрами. Для генерала Гура сегодня они были более понятны, чем в предыдущую ночь, когда он обливался потом во время приземлений и взлетов, которыми пилоты решили убедить его в возможности и безопасности операции. Теперь, прислушиваясь к радиожargonу, Гур был счастлив, что предварительно испытал все сам, летая в крошечной мгле над израильской пустыней.

— Этого достаточно, чтобы даже у летчика расшатались нервы, — сказал один из пилотов, — если, конечно, он незнаком с такими фокусами.

Бригадный генерал Дан Шомрон, первый, кто ступил на землю в Энтеббе, был, как и его самолет, последним, улетевшим оттуда. Последняя группа вбежала по трапу "Геркулеса" после взрыва контрольно-диспетчерского пункта и радарной станции. Отряд службы безопасности быстро проверил поле боя, чтобы подобрать оброненные документы или израильское вооружение. Мертвых террористов сфотографировали и сняли с них отпечатки пальцев.

Дан Шомрон поднялся на трап "Геркулеса". За холмом, где раньше стояли "МИГи", бушевал огонь. Из горящего диспетчерского пункта все еще доносились выстрелы. Трап медленно поднялся, гидравлические поршни зашипели; "Геркулес" вздрогнул, дверь хлопнулась — моторы начали набирать скорость:

Придется теперь Шакалу и Хададу зализывать свои раны. В стороне, неповрежденный, стоял самолет Эр Франс, рейс "139", как символ компромисса и слабости политики. Той политики, по милости которой, считал Шомрон, Израилю пришлось рисковать жизнями людей и собственными небольшими ресурсами, когда всего-то была нужна международная полицейская операция.

— Если мы смогли сделать это в Африке, мы сможем сделать это повсюду, — сказал он позднее.

Именно так, по его мнению, следует действовать на враждебных базах. Применять вот такие "хирургические операции". Если нация покрывает убийц, она должна знать, что ее настигнет возмездие Израиля. Во время подобных рейдов нужно выводить из строя аэродромы и нефтяные скважины. Они все на учете в генштабе, и методы операций тоже разработаны — парашютисты и десантники, самолеты и вертолеты...

Но все это стало бы ненужным, если бы в результате операции "Молния" возникло международное агентство по борьбе с терроризмом.

...Генерал Шомрон сидел и смотрел на солдат: они опять разделись до пояса, растянулись под вездеходами и заснули как ни в чем не бывало.

ИДИ УЗНАЕТ О НОВОСТЯХ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА

В Каире первыми осознали, что терроризм приносит больше неприятностей, чем пользы. Этой проблеме там стали уделять такое внимание, что однажды президента Ануара Садата даже разбудили среди ночи, чтобы доложить о современном терроризме. В течение нескольких лет египетские лидеры внимательно наблюдали за развитием терроризма, за возникновением новых террористических баз на территориях других, более левых арабских государств и в Сомали; некоторые чувствовали, что у них больше общего с Израилем, чем с этими мастерами современных революций.

— Ни для кого не секрет, что главный террорист Шакал вернулся в Ливию, — заявил Садат редактору "Ахбар аль-Йом". — Я хочу, чтобы Кадаффи слышал это. Шакал ездит то в Южный Йемен, то в Судан, чтобы сделать наивных лидеров неопытных наций послушными инструментами в руках одной сверхдержавы.

Он не назвал прямо СССР, но позднее открыто заявил о том, что русские поддерживают Ливию.

В 2.20 по угандийскому времени президент Амин был разбужен телефонным звонком из тель-авивского магазина, где "Борька" — Бар-Лев слушал радио.

— Скажите вашему президенту, что он должен принять требования похитителей, — сказал Большой Папа.

— Понимаю, — торжественно отвечал "Борька"

— Переговоров больше не будет, — сказал президент Уганды.

— Хорошо. Спасибо за все, что вы сделали, — сказал Бар-Лев.

— Спасибо? За что? — спросил Большой Папа.

Бар-Лев повесил трубку. Радио Парижа уже передало весть о рейде в Энтеббе. Очевидно, Амин все еще ничего не знал. Заложники уже находились вне пределов его досягаемости. Террористы, прославившие его на весь мир, были мертвы.

Через несколько часов, приблизительно в 5 утра, ситуация изменилась. На этот раз Амин звонил в Тель-Авив своему старому другу.

Прерывающимся голосом он спросил Бар-Лева:

— Что вы со мной сделали? Почему вы стреляли в моих солдат? В конце концов я заботился об израильтянах, я хорошо с ними обращался, я дал им одеяла, матрасы, я предоставил им обслуживание. Я надеялся, что скоро мы совершим обмен, — и вот, вы убили моих солдат.

Бар-Лев рассказывает, что голос Амина выдавал его смятение. Он все еще не понимал, что случилось в Энтеббе.

Амин: Они стреляли в моих людей...

Бар-Лев: Кто стрелял? Разве у заложников было оружие?

Амин: Стреляли не заложники. Самолеты прилетели и стреляли.

Бар-Лев: Самолеты? Я не знал, что там были самолеты. Вы меня разбудили. Я спал и понятия ни о чем не имею.

В ходе разговора Амин пришел в себя. Бар-Лев спросил, не хочет ли он поговорить с его женой Нехамой, которую Амин хорошо знал. Президент отказался, но передал привет ей и детям.

Перед тем, как повесить трубку, Амин снова обрел свой торжественный стиль:

— Не как политик, а как профессиональный солдат я должен сказать, что операция была проведена бле-

стяще и ваши солдаты были великолепны.

На рассвете его осенила новая идея. Он опять позвонил Бар-Леву и потребовал, чтобы Израиль поставил для его армии "некоторые запасные части".

— Часть пушек и танков в не очень хорошем состоянии, — сказал Амин, и в этих словах звучал замаскированный страх перед русскими, которые будут не слишком довольны потерей своих "МИГов".

Вероятно, они поставили Амину военное оборудование вместе с прямым и недвусмысленным приказом о его защите.

Как сказал израильский военный представитель:

— За последние несколько лет русские вложили 20 миллиардов долларов в эту часть земного шара, и чтобы гарантировать эту инвестицию, они должны выбирать между неустойчивыми лидерами вроде Амина и террористическими группировками. Рейд в Энтеббе серьезно подорвал престиж ООП и НФОП. Бог знает, как он отзовется на Амине.

Быть может, Большой Папа тоже об этом думал. Я позвонил ему из Тель-Авива, когда самолеты "Молнии" были уже на пути в Израиль. Угандийский президент принялся плакаться:

— Я держал на руках трупы солдат, которых убили пули ваших людей. За мое добро вы оплатили мне злом.

Все агентства уже начали передавать отрывочные сведения о трех таинственных самолетах, которые приземлились в Энтеббе, произведя там чудовищный разгром, сея смерть и разрушение. Израильский военный представитель сделал короткое, сухое заявление: "Заложники в Энтеббе были освобождены военными силами Израйля".

Первые неистовые международные звонки превратились в настоящий ураган вопросов. Со всех концов мира звонили в Израиль. Все хотели знать подробности операции, которая поразила и друзей, и врагов.

Но сам Иди Амин мало что знал о том, что случилось у него под носом. С большим трудом я уговорил перепуганного заместителя Амина позвать его к телефону. Когда я наконец услышал его дрожащий голос, я понял, что он получил самый сильный удар в своей жизни. Это был человек, у которого выдернули ковер из-под ног.

Амин сказал:

— Я говорю с вами с аэродрома. Я подсчитываю трупы солдат, убитых этой ночью.

Вначале он говорил самоуничижительным тоном. Он выставлял себя защитником заложников, невинной жертвой израильского коварства, отрицая свое сотрудничество с террористами.

— Сегодня я собирался работать над освобождением израильтян. Для этого я ускорил свое возвращение с Маврикия. Все, что осталось мне теперь, — это подсчитывать жертвы.

Амин отказался сообщить, сколько солдат было убито на аэродроме. У меня создалось впечатление, что Амин все еще не знал толком, что случилось.

— Прилетели ваши 'Геркулесы', а мои солдаты не хотели стрелять в них, потому что иначе они бы их сбили.

Наш разговор с Амином продолжался 30 минут.

— Почему угандийские солдаты находились на аэродроме? Разве заложники были угандийскими пленниками?

— Заложники не были пленниками угандийцев, они были пленниками палестинцев. Если бы мои солдаты хотели сражаться, они бы сражались. Но они были убиты. Мои солдаты находились в 200 ярдах от здания, а палестинцы были внутри. Спросите у ваших людей, когда они вернутся в Израиль.

— Собираетесь ли вы приехать в Израиль, чтобы выяснить, что произошло?

— Зачем? У меня нет причин этого делать. Все совер-

шенно ясно. Я был очень добр к израильтянам. Я буду помогать каждому в мире бороться за мир. Мне жаль, что вы убили невинных людей.

— Почему вы позволили пиратам действовать на вашей территории в течение целой недели?

— Только вчера я разговаривал с генеральным секретарем ООН и сказал ему, что получил сообщение от самолета (Эр Франс), что у него осталось горючего на 15 минут. Тогда я сказал, что вынужден разрешить ему посадку в Энтеббе. С того времени я все время занимался переговорами о спасении заложников. — Голос Амина прервался, и он продолжал, почти крича: — Мы смотрели за ними очень хорошо! Мы все делали для них! Мы давали им воду, туалетные принадлежности и охраняли их, чтобы можно было произвести обмен! А теперь — с чем я остался теперь? Вместо благодарности вы убили моих людей!

Он добавил:

— Бог поможет всем, и наступит мир. Бог хотел, чтобы мои люди умерли сегодня. Это очень плохо... очень плохо. Я собираю тела убитых. Я знаю, что все идет от Бога, и я помогу ему и всем людям принести мир. Я не хочу войны, потому что все мы — дети Бога. И на Ближнем Востоке — тоже. Я хочу установить мир между вами и палестинцами.

Я спросил его:

— Почему вы сотрудничаете с палестинцами, даже позволяете их летчикам тренироваться на ваших "МИГах"?

Амин ответил:

— Я не сотрудничаю с палестинцами. Самолет похитили не только палестинцы. Там были также немцы, французы и другие. Это неправда, что палестинцы летают на моих самолетах, — мои пилоты летают на них.

Я спросил, почему же оказались убитыми угандийские солдаты, если никакого сотрудничества с палестинцами не было.

Амин: Солдаты находились там, чтобы защищать жизни израильтян. Я сохранил им жизнь, и скажите им, когда они прилетят, что я желаю им счастья. Я даже сказал это полковнику Бар-Леву, когда говорил с ним по телефону. Если бы мои солдаты стреляли по самолетам, они бы убили ваших солдат. Но мы не хотели сражаться. Мы умеем сражаться, — когда хотим. Мы только хотели разрешить ваши проблемы. Я очень, очень сожалею о том, что произошло. Вы сделали плохое дело.

Вопрос: И тем не менее, господин президент, вы в течение всей недели обеспечивали террористам безопасность вместо того, чтобы выгнать их. Почему вы позволили палестинцам вмешиваться во внутренние дела вашей страны?

Амин: Они не вмешивались в дела Уганды. Я хотел защитить ваших людей. Но палестинцы, и не только палестинцы, а европейцы — немцы и французы — подложили в здание взрывчатку и угрожали его взорвать. Я поселил израильтян в здании, потому что хотел предоставить людям хорошие условия, но это неправда, что я сотрудничал с палестинцами. Я старался спасти пассажиров.

Вопрос: Собираетесь ли вы объявить чрезвычайное положение? Не опасаетесь ли вы, что после такого удара вы можете потерять свой пост?

Амин (неуверенно и тревожно): Нет, нет! Конечно, нет! Мои солдаты со мной, они помогают мне, и тут нет никаких сложностей!

— Вы объявите чрезвычайное положение?

— Да.

Мгновение спустя Амин изменил свое решение и в ответ на следующий вопрос, касающийся возможного объявления чрезвычайного положения, ответил:

— Зачем?

Я сказал:

— Чтобы ваш режим мог устоять...

Амин: Моя страна хорошо защищена. То, что случилось, — это мелочь, вы еще увидите.

— Последний вопрос, господин президент. Обратитесь ли вы в связи с происшедшим в ООН или в организацию африканского единства?

— Я не могу говорить об этом теперь по телефону. Благодарю вас.

С того момента, как я услышал об угнанном в Уганду самолете, я все время вспоминал сцену из документального фильма об Иди Амине, где он плавает на лодке по озеру Виктория и разговаривает с крокодилами. Пока я следил за мучительными переговорами при так называемом посредничестве Амина, мне все время казалось, что это вот такие "крокодилоподобные" переговоры. Хотя у меня еще были сомнения. Но когда я закончил свою беседу с Амином, мне стало ясно, что на другом конце провода сидел "крокодил".

Я СКОРБЛЮ О ТЕБЕ, МОЙ БРАТ ИОНАТАН

Кенийская "Санди Нейшн" в то же утро опубликовала на первой полосе сообщение о рейде. Может быть, это было неосторожно со стороны редактора Джорджа Джити, который вылетел из Израиля всего за несколько часов перед тем. Но только те, кто знаком с техникой газетного дела и ленивой рутинной изготовлением воскресного номера, готового уже в субботний полдень, могли призадуматься над этим странным обстоятельством.

Джордж Джити, которого президент Кении Джомо Кениата поставил редактором "Нейшн", всегда вел себя очень благоразумно. Никто в этом однопартийном государстве не осмелился бы нарушить дисциплину,

заведенную Кениатой, старым вождем восстания "Мау-Мау", который кое-что знал о терроризме. Так что вряд ли редактор "Санди Нейшн" опубликовал свою сенсацию без ведома и одобрения президента.

Кения мала. А Амин в Уганде становился слишком силен. При желании было бы нетрудно сохранить в тайне все, что произошло на аэродроме в Эмбакази, который находится в нескольких милях от Найроби да еще и отделен от него увеселительным парком.

Необычные вещи стали происходить в Эмбакази, когда "Боинг-707" авиакомпании "Эль Аль", рейс LY 167, прибывший вне всякого расписания, приземлился в 23.26 по местному времени и был поставлен на стоянку в квадрат 4, предназначенный для самолетов, нуждающихся в специальной охране. Кенийцы из специальной службы безопасности и сотрудники "Эль Аль" тотчас же изолировали этот самолет. Гражданский регистрационный номер на его хвосте был 4XBV 8, хотя в книге воздушного контроля он был отмечен как рейс "169". Спустя примерно 2 часа еще один "Боинг-707" вошел в радиокontakt с Найроби и объявил себя рейсом "167" из Тель-Авива.

Слегка озадаченные диспетчеры приняли сообщение капитана, что самолет задержался из-за неполадок в моторе. Все-таки они обратились за разъяснениями к управляющему "Эль Аль". Таким образом тот узнал, что самолеты-освободители уже летят из Энтеббе в Найроби. В 2.06 местного времени второй "Боинг" и первый из "Геркулесов" совершили посадку. В течение следующих тридцати минут еще три "Геркулеса" сели в том же квадрате 4. Первый "Боинг", где находился полностью оборудованный госпиталь, принял на борт раненых с "Геркулеса". Десять тяжело-раненых были отправлены на санитарных машинах в государственный госпиталь имени Кениаты. Дежурившая в эту ночь медсестра-канадка услышала, что требуется кровь для переливания. С изумлением она

увидела рослых израильских солдат, которые явились, чтобы отдать свою кровь. Они уже знали требуемую группу крови. Но для Паско Коена, пережившего нацистский концлагерь, они явились слишком поздно. Перед рассветом он умер.

Огромные "Геркулесы" заглатывали горячее перед долгим перелетом; некоторые из спасенных заложников вышли из охраняемой зоны и подкрепляли свои силы кофе и сэндвичами. Специально для них продлили часы работы обслуживающего персонала. Чиновники Восточноафриканского управления гражданской авиации просили израильтян не распространяться по поводу их гостеприимства: они опасались, как бы не начали мстить их соотечественникам в Энтеббе. И действительно, 4 кенийца были позднее убиты угандийскими солдатами в отместку за то, что Кения разрешила посадку израильским самолетам.

Последний "Геркулес" вылетел из Найроби часа за два до рассвета. За ним последовал "Боинг", превращенный в госпиталь; двое тяжело раненных солдат и один заложник были оставлены в госпитале в Найроби. Когда рассвело, единственным свидетелем лихорадочной ночной деятельности, писала "Нейшн", были пятна крови в квадрате 4 — там, где стояли самолеты ВВС. Но в другой части аэропорта Эмбакази уже сел "Орион", первый американский разведывательный самолет дальнего действия, временно избравший Кению своей базой.

В середине ночи генеральный штаб, члены специальной комиссии и старшие офицеры армии перешли в резиденцию премьер-министра Израиля — бывшие бараки, крытые красной черепицей, затерянные в тель-авивской путанице военных и министерских зданий. Их встретил пунктуальный, как всегда, лидер оппозиции Менахем Бегин, которого вызвал Рабин. Несмотря на жару, Бегин, как всегда, был в костюме и при галстук.

— *Кол хакавод!* (Честь и слава!) — Бегин обнял премьер-министра.

— Выпьем? — Гур протянул Бегину бутылку виски.

— Чаю. — Бегин распустил галстук. Это была его уступка. По-старомодному учтивый, умеренный во всем, тщательно и щеголевато одетый, он словно хотел, чтобы люди забыли о его репутации террориста, которого в свое время англичане хотели вздернуть на виселицу. Он все еще продолжал переживать время Сопrotивления, вновь и вновь, час за часом; он все еще был командиром Эцеля, хотя уже 30 лет прошло с того "Черного воскресенья", когда англичане и еврейские умеренные двинулись против него.

— Значит, чаю? — сказал Гур, протягивая стакан с жидкостью чайного цвета.

Бегин отпил маленький глоток, сделал гримасу, потом усмехнулся:

— Ваше здоровье. — Он проглотил неразбавленный виски. — Сегодня я делаю исключение.

Казалось, Герцль и Вейцман одобрительно подмигивают со стен.

— Вы знаете, сколько бойцов мы потеряли за время всей деятельности Эцеля? — спросил Бегин.

— Несколько сот, — предположил юный офицер.

— 35! — Теперь лидер оппозиции снял с себя и пиджак и галстук. — Жизнь всегда была для нас самой главной ценностью. Когда ко мне приходили с планами, я прежде всего спрашивал: а есть ли возможность вернуться назад?

Этот рассказ Бегин всегда повторял в годовщину "Черного воскресенья" и в День независимости Израиля.

Из операции "Молния" вернулось назад гораздо больше ее участников, чем ожидали пессимисты. Они опасались за участников рейда, движимые все той же навязчивой идеей сохранения жизни. "Мании, — сказал однажды Бегин, — которая появляется только

у народа, находившегося на грани уничтожения”.

Итак, он нарушил собственные правила и провозгласил тост за участников освободительного рейда — почти 500 мужчин и женщин, от агентов до десантников. Они потеряли Ионни, но это была их единственная утрата.

Чувство огромного облегчения снова захлестнуло Бегина несколько часов спустя, на аэродроме в Лоде, куда он вместе с членами специальной комиссии прибыл встречать освобожденных заложников. Их семьи, уже узнавшие эту новость, еще на рассвете собрались на стадионе Яд Элияху. В это время ”Геркулесы” летели к секретным базам, чтобы выгрузить военное оборудование и десантников. Каждый из них пролетел над Эйлатом так низко, что летчики видели людей, которые высыпали на улицы и махали руками. Все еще с величайшими предосторожностями самолеты выгрузили людей и оборудование, заправились и полетели в Лод.

Было уже 11 часов утра. Семьи заложников прибыли со стадиона в аэропорт. Когда толпа увидела Бегина, люди подхватили его и начали качать, внезапно ощутив в нем представителя той самой традиции, которая спасла заложников.

В Бостон, штат Массачусетс, была послана телеграмма, извещающая родителей, что их сын, подполковник Ионатан Нетанияху, Ионни, сын Бен-Циона, погиб в бою. Те, кто знал его отца, не сомневались, что он не проронит ни слезинки. Так оно и было. Родители прилетели в Иерусалим, куда привезли тело Ионни. Отец, преподаватель еврейской истории в Корнельском университете, понимал, какому риску подвергались солдаты, чтобы подобрать тело убитого товарища, и знал, что они пошли на этот риск.

— Ионни буквально взял меня с улицы, — сказал один из десантников, посетивший родителей в течение

семи траурных дней. — Я бы так и продолжал мотаться без постоянной работы или стал бы преступником. Мне повезло, что я попал в его отряд. Он не только обучал нас ночным маршам через пустыню, прыжкам с парашютом или навыку прямо с вертолетов бросаться в бой. Он, знавший все виды оружия, научил меня смотреть на оружие как на средство защиты народа. Он учил меня истории и открыл мне глаза. Под его влиянием я пошел в колледж.

Отец, Бен-Цион, слушал товарищей своего погибшего сына, молча кивал и почти ничего не говорил. Он только что завершил обширное исследование по истории религиозных преследований евреев. Работа в США только физически удаляла его от дома в Израиле. Бен-Циона посетил также министр обороны Перес, который должен был произнести надгробное слово на похоронах Ионни. Перес напомнил ему прекрасные слова, которые Бен-Гурион написал Реувену !Авиноаму на "Свитках огня": "Реувену, который потерял своего сына и нашел его поколение". Министр обороны добавил: "Бен-Гурион по-новому постиг изумительное душевное богатство нашего народа и бездонную трагедию гибели лучших его сынов".

Позднее Перес над гробом Ионни сказал:

— "Я скорблю о тебе, мой брат Ионатан, ты был очень дорог мне", — процитировав изречение Второй Книги Царств. Затем он добавил:

— Ионатан, сын Бен-Циона, стал рядом с Ионатаном, сыном Саула.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надо хорошо знать общественную жизнь Израиля, чтобы понять, насколько всенародными были те чувства, о которых говорил в своей надгробной речи Шимон Перес. Кабинет министров принял решение — и это отражало чувства всей нации — отныне рейд в Энтеббе

будет известен под названием "Операция Ионатан".

Молодой нации нужны герои. Израильтяне не слишком склонны к сентиментальности. Их романтичность выражается другим образом. Последние несколько лет были для них трудными, иногда просто обескураживающими, и посторонние наблюдатели склонны об этом забывать.

После войны на истощение в 1970 году настроение в Израиле изменилось. Люди приспособивались к новой обстановке. Прежде борьба шла за создание нации, потом — против атак на поселения, затем пошли войны, явные и тайные, все более технически оснащенные, и стало казаться, что они превращаются в непосильное бремя.

Тогда Израиль стал бороться против русских — мельчайшее из современных государств встало против величайшего в истории тоталитарного режима, обладающего неограниченными источниками вооружения.

Израиль выкрадывал у арабских клиентов СССР современные советские ракетные системы, похищал секретное оружие, отбивал русские военные самолеты, все еще неизвестные на Западе, — в общем, выставлял на посмешище Советский Союз, который превратился в чванливую империалистическую державу.

Моти Ход, командир военно-воздушных сил Израиля, предупреждал Вашингтон: "Русские гибки и быстры. Не тешьте себя надеждами на бюрократические проволочки диктаторского режима. В случае войны они в течение нескольких минут откликнутся на ситуацию, о которой вы будете раздумывать месяцами".

Русские ответили Израилю, разоблачившему недостатки их вооружения, поддержкой терроризма. Они теперь поставляют террористам оружие, обучают фанатиков и присылают военных специалистов, делая все это через специальных агентов, имеющих невидимые, но прочные связи с Москвой.

Израиль хотели превратить в нацию заложников, изолированную от остального мира усилиями его ближайших соседей-врагов.

В руках этих противников терроризм — самое лучшее оружие. Группы фанатиков, недовольных чем угодно, можно наберечь в любой стране. Судьба палестинцев, предопределенная намеренной изоляцией беженцев на границах Израиля в 1950 году и равнодушием всего мира, была выбрана как повод.

Терроризм, который начался с нападений на киббуцы, вырос до похищений самолетов с политическими целями. Все виды партизанской борьбы хороши, чтобы постепенно подточить энергию жертвы.

Если действия террористов в борьбе против Израиля окажутся успешными, та же судьба постигнет каждую демократическую страну. Это только вопрос времени. Потому что, как сказал Дениэль Мойнихен в Еврейском университете после операции "Молния":

— Израиль стал синонимом демократии, так же как совершенно беспринципные нападения террористов на израильских граждан стали синонимом общей атаки на демократию и общественный порядок, которую ведет и воодушевляет современный тоталитаризм.

После операции "Молния" мы разговаривали с министрами и генералами из специальной комиссии, с солдатами и летчиками.

— "Молния", — сказал один из них, — это самый обычный рейд, который просто пришлось провести на большом расстоянии от дома.

Но этот "обычный" рейд потребовал огромного напряжения душевных сил от тех, кто принял решение его провести. Во время же самого рейда каждый в этой грозной и талантливой команде оказался на своем месте.

Потом все кончилось, и вновь ожили те аргументы, которые заставляют врагов Израиля недооценивать его в периоды кризиса. Конечно, привычка к демо-

кратическим обсуждениям — причина того, что в истории с рейсом "139" было найдено оптимальное решение. Но именно эти обсуждения постоянно внушают врагам Израиля надежду, что в следующий раз это общество не устоит.

Враги Израиля не могут понять, какую роль для жителей страны играют эмоции. Романтизм Израиля — это его главное оружие. Типичная для сабр* — колючих снаружи и мягких внутри — ментальность проявилась на примере целой семьи, захваченной на "Эр Франс". Это семья Давидсонов: Узи — отец, Сара — мать, Рон 17 лет и Бенни 8 лет — их сыновья.

Сара, красивая, молодая и бесстрашная, не боялась ни моральных, ни физических угроз, что ясно из ее разговоров с немцами, державшими ее буквально на прицеле. Вот выдержки из дневников Сары и Узи, вернувшихся домой в первом "Геркулесе":

"Узи смотрит на меня, я смотрю на него. Как будто мы все уже обсудили, мы говорим мальчикам: "Мы не умрем. Мы вернемся домой, в Израиль. Мы все время будем вместе".

Я сказала "вместе", и великий страх закрался мне в душу. Произносишь какие-то слова — и вдруг понимаешь, как важно это "вместе" и какая опасность нас ожидает, если нас разъединят и это "вместе" исчезнет.

Вся наша семья это понимала. Мы молча прижались друг к другу и стояли, обнявшись. Узи был командиром нашего маленького отряда. Он прошептал: "Если они отделият мужчин от женщин, вы, мальчики, встаньте рядом с мамой, будьте все время с ней. Рон, ты старший, ты все понимаешь..."

Мои мужчины, Рон и Бенни. Только вчера они были моими маленькими детьми...

Не все могут сохранять спокойствие... Наши дети

* Сабра (*цабар* — ивр.) — уроженец Израиля; букв.: сладкий плод кактуса, покрытый снаружи жесткой, колючей кожурой.

спокойны и печальны. Но с разных сторон я слышу истерические голоса: "Они убьют нас! Они расправятся с нами! Они только и ждут случая, чтобы перебить нас, как овец!"

У меня был длинный разговор с похитителем-немцем. Я спросила его: "Когда мы летели из Афин — откуда вы знали, что пилот действительно направляется в Бенгази? Он мог сделать вид, что выполняет ваш приказ, а на самом деле полететь в Лод или куда-нибудь еще". Он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: "Я довольно тщательно изучал этот предмет в нескольких арабских странах. За несколько месяцев я научился разбираться в картах и инструментах. Я знал, куда летит самолет".

Он помолчал и потом сказал: "Ваша страна очень красивая, действительно очень красивая". Я спросила: "Вы бывали в моей стране?" Вместо ответа он улыбнулся. Я сказала: "Может быть, мне не следовало спрашивать". И он улыбнулся опять.

Немецкий "капитан" читает заявление: "Французы — враги арабов. Они дали Израилю ядерный реактор. Американцы — враги арабов. Они дают Израилю смертоносное оружие. Но главный враг — сам Израиль и израильяне".

Приятное чувство, нечего сказать! Нас готовят к особой судьбе, не такой, как у остальных. "Капитан" подбадривает нас: "Вам не причинят никакого вреда. Вспомните все истории похищений. Мы не убиваем заложников. Мы будем вести переговоры. У нас есть требования. Если их выполнят, мы освободим вас, и вы вернетесь домой".

Рукоплескания убивают меня. Я чувствую, что во мне все кипит. Каждый раз, когда "капитан" произносит речь, — рукоплескания. Каждое появление Амина — буря аплодисментов. Я не героиня: нет таких вещей, на которые я бы не пошла, чтобы спасти Узи и мальчиков. Я не смею сделать то, что мне действительно

хотелось бы, — выпрямиться и сказать Амину или террористам: "Вы не стоите и ломаного гроша! Я еврейка! Я израильтянка!" Однако в тех рамках, в которых мы можем сохранить свое человеческое и национальное достоинство, — зачем унижаться, зачем приветствовать их рукоплесканиями? Мы должны проявлять почтение к Амину, потому что мы в его руках и он решает нашу судьбу. Почтение — ладно. Но не раболепство, не самоуничижение! Кажется, в подобных обстоятельствах трудно сохранить свое человеческое и еврейское достоинство.

Слухи. Угандийцы натягивают снаружи какие-то проволоки. Что это значит? По одной версии, это для подслушивания наших разговоров. По другой — все пространство вокруг здания готовят для размещения взрывчатки.

Приходит угандийский солдат: "Мы натянули проволоку, чтобы вы могли сушить белье. Каждая женщина может постирать в туалете, а потом повесить белье сушиться".

Какое облегчение! Не мины, не подслушиватели, а просто стирка!

"Капитан" улыбнулся мне. Я набралась смелости и подошла к нему. Он был в спокойном настроении. Я спросила о нашем багаже.

Он объяснил, что они собирались отдать его нам, но чемоданы находятся в самолете, в специальных контейнерах, а в Энтеббе нет приспособлений для их разгрузки. Он разговаривал со мной очень естественно. Я подумала: "Прекратить этот разговор? Отойти?" Что-то в нем побудило меня продолжать: "Как вы можете держать нас в таких условиях — без матрасов, без одеял, в такой тесноте?" Он вытащил бумагу и карандаш и записал мои просьбы: матрасы, одеяла, мыло, стиральный порошок, чистка туалетов. Обещал позаботиться об этом. Но здесь он уже не командир. Тут командуют арабы, а он был только солдат, исполняющий приказы.

Этот человек возбудил мой интерес. Он был для меня загадкой. Я могла еще понять палестинцев. Но он был немец, производил впечатление образованного, интеллигентного человека. Я спросила: "Почему вы здесь?" Он заколебался на минуту, потом начал подробно отвечать. Он верит в права палестинского народа. Они несчастные люди, без родины. Он не может оставаться равнодушным к их судьбе. Он должен им помогать. Поэтому он здесь и готов делать все для этого несчастного народа.

Я сказала: "Предположим, что вам, вашему "Фронту" и прочим врагам Израиля в арабских странах и других местах удастся, Боже сохрани, разрушить Израиль, и уцелевшие евреи опять рассеются по всему миру. Что вы будете делать? Похищать самолеты, чтобы помочь еврейскому народу вернуться в свое отечество? Или вы делаете это только для палестинцев?" Он сказал: "Я согласен, что вы должны иметь свое государство". Я спросила: "Вы за существование Израиля?" Он ответил: "Да, разумеется. Но либо палестинское государство должно существовать рядом с вашим, либо вы должны жить вместе, в одном государстве". Я сказала: "Это идет вразрез с идеями тех людей, которым вы служите и для которых рискуете жизнью. Они не признают права Израиля на существование". Он ответил: "Я не отвечаю за весь "Фронт". У меня свои собственные взгляды. Вы когда-нибудь видели лагеря палестинских беженцев? Вы когда-нибудь видели, как живут в них люди? Вы видели их детей?" — "В конце концов, — сказала я ему, — ближневосточная проблема будет решена. Война не может продолжаться вечно. Что вы будете делать тогда? Куда направитесь?"

Он был почти оскорблен. "Я немец. Я люблю свою страну. Не такую, как сейчас. Я хочу другой Германии. Я живу в подполье, в постоянной борьбе. Немецкая полиция ищет меня. Я знаю, что в конце концов меня

убьют или посадят в тюрьму на долгий срок. У меня такое чувство, что это произойдет очень скоро... мое время уже кончается”.

Я сказала: “Вы растратили себя понапрасну, молодой человек. Если бы вы изучали что-нибудь полезное, вы с вашим умом могли бы служить человечеству куда лучше, чем похищая самолеты. Вы растрчиваете свои силы впустую”.

Он ответил: “Я много учился, хотя и молод”. — “Может быть, — ответила я. — Но вы себя растрчиваете и не применяете свои знания как должно”. Он помолчал. Я сказала: “Скажите мне правду. Как вы себя чувствуете, стоя здесь со взведенным автоматом перед женщинами и детьми? Если вы хотите бороться с нами — у нас есть солдаты. Почему вы не сражаетесь с нашими солдатами?” Он опустил глаза. “Поверьте мне, я себя чувствую очень нехорошо...”

Все эти годы я не могла постичь Катастрофы. Год за годом я читала об этом книги, смотрела фильмы, слышала показания очевидцев — и не понимала. Почему евреи так покорно шли в газовые камеры? Почему они вели себя, как овцы на бойне, когда им уже нечего было терять? Мне нужен был этот кошмар в Энтеббе, чтобы все это понять, и теперь, только теперь я поняла. Легко обманывать людей, когда они так хотят жить. Евреи не знали, что им уготовано, и верили в эту ложь о трудовых лагерях, о бане, через которую надо пройти. Нас тоже было легко обмануть. Немка — это дикий зверь, омерзительная как человек и как женщина. Но она менее опасна, потому что сразу ясно, что она такое: на ней нет никакой маски. Мне бы и в голову не пришло разговаривать с ней. Она — откровенный враг. Но у немца были такие приятные манеры. Это был скрытый враг, искушавший свои жертвы, желая заставить их поверить в его добрые намерения. Спокойный, приятный, любезный! После разговора с ним я обвиняла себя: “Ты ему поверила! Он сумел тебя обмануть!”

Если бы он приказал нам идти туда, где с автоматами наготове нас ждали бы его коллеги, мы бы пошли. Потому что он умел улыбаться и притворяться. Он не упускал возможности сказать нам: "Вам не о чем беспокоиться. Все в порядке. С вами ничего не случится. Не бойтесь. Ваше правительство согласится на обмен, и вы поедете домой".

Мы так хотели верить, что он не похож на других, лучше и гуманнее их — что мы верили ему. Это так легко — поверить!.. Если бы у нашей истории был другой конец, этого "хорошего немца" не пришлось бы заставлять стрелять. Он стрелял бы в нас и наших детей или взорвал нас гранатами и взрывчаткой — он сделал бы это сам. Я впервые поняла Катастрофу..."

Узи Давидсон тоже делал заметки:

"В последнюю ночь нашего плена я читал о Черчилле — и вдруг услышал снаружи выстрелы — два, три, потом еще один. Я поднял голову и увидел, что похитители вскочили со своих мест. Мы находились в конце зала. Я понятия не имел, что происходит. Я подумал, что кто-нибудь из угандийцев случайно выстрелил, и испугался, что из-за этого возникнут неприятности.

Через несколько секунд вся наша семья поползла к туалету. Там была стена, за которой мы могли спрятаться. Мне казалось, что там безопаснее. Не знаю, сколько времени мы там пролежали. Наверное, несколько минут. Казалось, что это были годы.

Снаружи усиливался шум, раздавались выстрелы и взрывы. Мы не обменялись ни единым словом. Террористов я не видел.

Кто-то в холле поднялся и закричал: "Израильские солдаты! Да, да, израильские солдаты!" И пока я удивлялся, как это человек может кричать такую чушь, я увидел самую поразительную вещь в своей жизни: рядом с нами стоял израильский солдат, йеменит — невысокий, худой, с "Калашниковым", который был

больше его самого; и до того спокойный, как будто он просто пришел пригласить нас на чашку чая. Он сказал: "Шалом, ребята. Все в порядке. Спокойно поднимайтесь и идите за мной. Мы отвезем вас домой".

Это казалось невозможным, нереальным. Я не мог понять, сплю я или бодрствую, сон это наяву или какая-то драма абсурда. Но этот спокойный голос был до того убедительным, простым и будничным, что мы поднялись и пошли за ним и спокойно вошли в самолет... Всё, как он просил".

Последняя запись Сары:

"Сказано в Библии: "Кара Господня настигает в мгновение ока". Когда мы услышали стрельбу, я стала читать "Шма, Исраэль!" – молитву, которую евреи читают в свою последнюю минуту.

А солдат обратился ко мне на иврите. Я почувствовала мурашки на спине: я не умру, я буду жить, чтобы рассказывать о деяниях Господних".

История 90 минут в Энтеббе произошла потому, что Израиль отказался обменять невинных людей на террористов. Через 3 дня после Энтеббе та самая женщина, освобождения которой требовали похитители рейса "139", бежала из сверхохраняемой тюрьмы в ФРГ.

Международный терроризм снова продемонстрировал одиночество Израиля в борьбе против всемирного заговора, цель которого – разрушить цивилизованное общество.

Террористкой, чьей свободы требовали в обмен на жизни невинных граждан, была Инге Виетт.

Когда попытка шантажа в Энтеббе провалилась, свобода Инге Виетт была обеспечена другим способом. Перестреляв из пистолетов, тайно переправленных в их камеры, всю охрану, Инге и три других террористки скрылись в ночи.

— У меня нет слов, — сказал министр юстиции ФРГ Герман Оксфорт.

Еще бы!

Инге Виетт была арестована за участие в похищении Петера Лоренца с целью добиться освобождения пяти арестованных террористов. Похитители все время угрожали убить Лоренца, пока их "коллеги" не были освобождены и не получили в свое распоряжение самолет, чтобы улететь в Южный Йемен.

Таким образом, удар, нанесенный операцией "Молния" по международному терроризму, был ослаблен побегом Виетт. С помощью своих компаньонов через 48 часов она уже была далеко от Европы и могла спокойно читать отчет о дебатах в Совете Безопасности ООН, где Израиль обвиняли в "вопиющем нарушении суверенитета Уганды".

Совпадение этих смехотворных дебатов с разгулом терроризма, вероятно, покажется будущим историкам закономерным. Инге Виетт, Шакал, доктор Хадад и террористы, убитые в Энтеббе, были бы этим весьма удовлетворены.

Дебаты были восприняты как оправдание Израиля. Но в сущности, они продемонстрировали меру коррупции международной морали.

В течение 9 лет, прошедших после Шестидневной войны, практически любая резолюция, осуждающая Израиль, получала одобрение ООН, кроме Совета Безопасности, где нас спасало только вето США. Через неделю после Энтеббе огромный антиизраильский блок попытался выступить вновь. Предложение ОАЕ осудить Израиль провалилось из-за отсутствия поддержки. Совет Безопасности уже не мог больше закрывать глаза на международный терроризм. Однако он все еще был слишком запуган, чтобы открыто высказаться против терроризма.

"Израиль не осужден, а значит, оправдан" — был вывод тех, кто рассматривал результаты дебатов как победу.

Какая жуткая характеристика международной морали! Израиль не осужден! Все ценности перевернуты. ООН, возникшая из уроков Второй мировой войны, ставила своей целью охранять моральные ценности, а не жертвовать ими ради выживания любой ценой; цель сегодняшней ООН — мир любой ценой, и ради этого она непрерывно предает те самые моральные ценности, для сохранения которых была создана.

Ощущение изоляции Израиля в дни, предшествовавшие 4 июля, усугубилось еще больше после спектакля в Совете Безопасности.

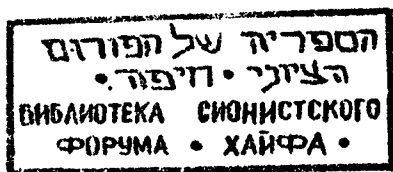
Но твердая решимость Израиля противостоять любым посягательствам на жизнь и свободу его сынов остается столь же непреклонной.

Один из первых израильских летчиков Иерухам Амитай сказал однажды:

”Мы ни от кого не зависим. Если когда-нибудь Израиль не сможет защитить себя сам, его существование потеряет всякий смысл. Нас вынуждают к агрессивной обороне, и ставки становятся все выше.

И в конце концов может случиться, что мы скорее предпочтем разрушить самый Храм человечества, чем согласимся отдать палачам жизнь одного из наших сынов.

Выживание в иных условиях не есть выживание вовсе. И все мы, без различия рас, не будем стоять и ломаного гроша, если купим жизнь ценой своей совести”.



2492

עיריית חיפה
מערכת תרבות וספורט
מרכז תרבות לעו"ם
בית ארדסטון - ספרייה
מס. מלאי.....

187

450

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	11
1. Где рейс "139"?	16
2. Африканский диктатор вступает в игру	24
3. Терроризм и безумные режимы	30
4. Варианты	33
5. Где эта чертова Уганда?	40
6. Ультиматум террористов	46
7. План А: сдаваться?	51
8. Переход к плану Б: нападение	61
9. Доктор Хадад – организатор террора	68
10. Разведка собирает сведения	78
11. Амин – марионетка ООП	92
12. Генеральный штаб рассматривает план Б	99
13. Невидимки	103
14. Ночь репетиции	113
15. "Гиппо" собираются в путь	119
16. Операция "Молния". "Добро!"	133
17. В Африке	141
18. Ионни ранен!	148
19. Исчезновение Доры Блох	155
20. Заправка в Найроби!	159
21. Иди узнает о новостях из Тель-Авива	165
22. Я скорблю о тебе, мой брат Ионатан	171
Заключение	176

КНИГИ ИЗД-ВА "БИБЛИОТЕКА - АЛИЯ"

1. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 1
2. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 2
3. Д-р А.И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. Ш.Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов

26. **Элиэзер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ**
27. **Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН**
28. **ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1**
29. **ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2**
30. **А.Итай и М.Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ**
31. **Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ**
32. **С.Г.Фруг. СТИХИ И ПРОЗА**
33. **Р.Губер. КНИГА БРАТЬЕВ**
34. **ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк**
35. **Дж. и Д.Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА**
36. **И.Башевис-Зингер. РАБ**
37. **Р.Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ**
38. **Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ**
39. **Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ**
40. **Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ**
41. **Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ**
42. **Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ**
43. **Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК**
44. **ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ**
45. **МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник очерков**
46. **Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ**
47. **Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ**
48. **Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ**
49. **Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН**
50. **СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА**
51. **Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ**
52. **Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО**
53. **Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА**
54. **МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах**
55. **Джон Орбах. РИКША**
56. **Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА
СВОЮ СВОБОДУ**

57. **Исаак Бабель. ДЕТСТВО И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ**
58. **Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1**
59. **Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2**
60. **Андре Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ**
61. **Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ**
62. **Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННОЕ**
63. **Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**
64. **Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ**
65. **Сол Беллоу. ПЛАНЕТА м-ра СЭММЛЕРА**
66. **ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:**
И. Кауфман. Библейская эпоха
Л. Финжелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
Ш. Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. **А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ**
68. **АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник**
69. **СКОПУС. Антология поэзии и прозы писателей-репатриантов из СССР**
70. **Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ**
71. **Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ**
72. **Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!**
73. **М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ**
74. **М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ**
75. **Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО**
76. **Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ**
77. **А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА**
78. **Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ**
79. **Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА**
80. **ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ**
81. **ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:**
Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе

82. **ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ
В ИСПАНИИ**
83. **Х. Бартов. ВЫДУМЩИК**
84. **Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД — ИЕРУСАЛИМ
С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ**
85. **Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"**
86. **Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ**
87. **М. Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА**
88. **А. Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ**
89. **Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов**
90. **Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ**
91. **Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ**
92. **М. Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ**
93. **Н. Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ**
94. **Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**
95. **Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ**
96. **Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**
97. **МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания**
98. **Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)**
99. **Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА**
100. **Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1**
101. **Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2**
102. **Муля М. Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ**
103. **Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА**
104. **Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА**
105. **Михазль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1**
106. **Михазль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2**
107. **ИВРИТ — ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей**
108. **Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС**
109. **Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ
ГОВОРИТЬ**
110. **Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1**

111. **Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ.** Книга 2
112. **Василий Гроссман. НА ЕвРЕЙСКИЕ ТЕМЫ.** Книга 1
112. **Василий Гроссман. НА ЕвРЕЙСКИЕ ТЕМЫ.** Книга 2
113. **В ОТКАЗЕ.** Сборник
114. **Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕвРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ.** Книга 1
115. **Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕвРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ.** Книга 2
116. **Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА**
117. **В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ.** Сборник рассказов современных израильских писателей
118. **Владимир (Зеев) Жаботинский. ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ.** Воспоминания
119. **Оскар Минц. ПРИЗМЫ**
120. **Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА**
121. **Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ**
122. **Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ.** Записки израильского офицера
123. **Исраэль Таяр. СИНАГОГА — РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ**
124. **Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА.** Книга 1
125. **Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА.** Книга 2
126. **Анита Шапира. БЕРЛ.** Книга 1
127. **Анита Шапира. БЕРЛ.** Книга 2
128. **Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ**
129. **Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕвРЕИ.** Книга 1
130. **Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕвРЕИ.** Книга 2
131. **Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ**
132. **Ашер Бараш. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ**
133. **Ицхак Орен (Надель). МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ**
134. **Андрэ Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ**
135. **Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...**
136. **Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ**

137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 2
139. ИЗРАИЛЬ. Географический справочник
140. Шломо Гилель. С ВЕТРОМ ВОСТОКА
141. М. Бейзер. ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ
142. Абба Ковнер. КНИГИ СВИДЕТЕЛЬСТВ
143. Авигдор Шинан. МИР АГГАДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
144. Давид Роскис. ВОПРЕКИ АПОКАЛИПСИСУ
145. Томас Манн. О НЕМЦАХ И ЕВРЕЯХ
146. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 1
147. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 2
148. И. Ахарони, Б. Ротенберг. ПО СЛЕДАМ
ЦАРЕЙ И БУНТАРЕЙ
149. И. Гутман, Х. Шацкер. КАТАСТРОФА И ЕЕ
ЗНАЧЕНИЕ
150. Амос Эттингер. СЛЕПОЙ ПРЫЖОК
151. Феликс Кандель. СЛОВО ЗА СЛОВО
152. Ицик Мангер. ЖИЗНЬ В РАЮ
153. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 1
154. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 2
155. Коннор О'Брайен. ОСАДА. Книга 1
156. Коннор О'Брайен. ОСАДА. Книга 2
157. Давид Шахар. ЛЕТО НА УЛИЦЕ ПРОРОКОВ
158. Владимир (Зеев) Жаботинский. САМСОН НАЗОРЕЙ
159. И. Башевис-Зингер. СБОРНИК РАССКАЗОВ
160. Владимир (Зеев) Жаботинский. ПЯТЕРО
161. Малькольм Хэй. КРОВЬ БРАТА ТВОЕГО
162. А. Эйнштейн. О СИОНИЗМЕ
163. И. Константиновский. СУДНЫЙ ДЕНЬ
164. СКОПУС — II. Сборник произведений израильских
литераторов, пишущих по-русски

165. **Р. Зернова. ИЗРАИЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ.**
Сб. рассказов
166. **П. Пели. ТОРА СЕГОДНЯ**
167. **Р. Маркус, Г. Козн, А. Галкин. ТРИ ВЕЛИКИХ ЭПОХИ
ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ**
168. **С. Кац. ЕВРЕЙСКИЕ ФИЛОСОФЫ**
169. **Э. Луз. ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ**
170. **Яков Кац. КРИЗИС ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ**
171. **ИЗРАИЛЬСКАЯ НОВАЯ ПОЭЗИЯ. Сб. переводов**

МОЛОДЕЖНАЯ СЕРИЯ

1. **Рут Сэмюэлс. ПО ТРОПАМ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ**
2. **Дорит Оргад. МАЛЬЧИК ИЗ СЕВИЛЬИ**
3. **Ури Орлев. ОСТРОВ НА ПТИЧЬЕЙ УЛИЦЕ**
4. **Амос Оз. СУМХИ**
5. **Шмуэль Хуперт. ЛЬВЫ В ИЕРУСАЛИМЕ**
6. **Й. Сегал. ТАК ПОСТУПАЛИ НАШИ МУДРЕЦЫ**
7. **Яэль Розман. МОЙ РОМАН С БЕН-ГУРИОНОМ И
ПНИНОЙ**
8. **Двора Омер. ПЕРВЕНЕЦ ДОМА БЕН-ИЕХУДЫ**
9. **Сами Михаэль. ПАЛЬМЫ В БУРЮ**
10. **Шмуэль Авидор-Хакохен. И СОТВОРИЛ БОГ...**
11. **Двора Омер. ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА**
12. **Юрий Суль. ПАРТИЗАНЫ ДЯДИ МИШИ**
13. **Ицхак Ной. РОН И ДЖУДИ**
14. **И. Башевис-Зингер. ГАСНУЩИЕ ОГНИ. Сборник рассказов
и сказок для детей**
15. **Эстер Файн. ХАДАС**
16. **Н. Гутман и Э. Бен-Эзер. МЕЖ ПЕСКАМИ И НЕБЕСНОЙ
СИНЬЮ**
17. **СЧАСТЬЕ, ЧТО Я — ЭТО Я! Антология израильской
детской поэзии и прозы. Том I**

18. СЧАСТЬЕ, ЧТО Я — ЭТО Я! Антология израильской детской поэзии и прозы. Том II
19. Оded Бецер. НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНА БАР-КОХБЫ
20. Давид Шахар. ТАЙНА РИКИ
21. Абба Эвен. МОЙ НАРОД. Том I
22. Абба Эвен. МОЙ НАРОД. Том II
23. Мартин Гилберт. АТЛАС ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
24. Гила Альмагор. ДЕВОЧКА СО СТРАННЫМ ИМЕНЕМ
25. Тамар Бергман. ПО ШПАЛАМ

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

**Наши книги можно заказать
также по адресу:
P.O.B. 4140
91041 Jerusalem
Israel**



Ури Дан

ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕБЫ

70